

КАВКАЗСКОЕ СОСЕДСТВО: ТУРЦИЯ И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

Ереван
Институт Кавказа
2008

УДК 327
ББК 66.4
К 126

КАВКАЗСКОЕ СОСЕДСТВО: ТУРЦИЯ И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ. Ереван: Институт Кавказа, 2008. — 171 с.

К 126 Сборник Института Кавказа посвящен роли Турции, а также признанных и непризнанных государств Южного Кавказа в процессах региональной интеграции и урегулирования имеющихся в регионе этнополитических конфликтов. В основу аналитических статей легли доклады, сделанные независимыми экспертами из Турции, Азербайджана, Армении, Грузии, Абхазии, Нагорного Карабаха и Южной Осетии, на конференции, организованной Институтом Кавказа в Стамбуле 1-4 августа 2008 г.

Редактор: **Александр Искандарян**
Редколлегия: **Сергей Минасян, Нина Искандарян**
Дизайн обложки: студия «*Matit*» / www.matit.am
Фото на обложке: **Инна Мхитарян**

CAUCASUS NEIGHBORHOOD: TURKEY AND THE SOUTH CAUCASUS. Yerevan: CI, 2008. — 171 p.

The volume focuses on the roles played by Turkey and the countries and unrecognized entities of the South Caucasus in regional integration and the management of the region's ethno-political conflicts. The analytical papers are based on presentations made at a CI-organized conference in Istanbul on August 1-4, 2008 by independent experts from Turkey, Armenia, Azerbaijan, Georgia, Abkhazia, Nagorno-Karabakh and South Ossetia.

Edited by **Alexander Iskandaryan**
Editorial team: **Sergey Minasyan, Nina Iskandaryan**
Cover design by *Matit* / www.matit.am
Cover photo by **Inna Mkhitarян**

ISBN 978-99941-2-180-9

ББК 66.4

© Институт Кавказа, 2008 г.

© 2008 by the Caucasus Institute

Проект и публикация реализованы при поддержке ООН и Швейцарского агентства развития и сотрудничества
The project and publication were made possible by the financial assistance of United Nations and the Swiss Development and Cooperation Agency

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	5
А.Искандарян ЮЖНЫЙ КАВКАЗ МЕЖДУ ИЗОЛЯЦИЕЙ И ИНТЕГРАЦИЕЙ: ГЕНЕЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ	7
Д.Гоксел КАВКАЗСКАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ	15
Х.Гаджи-заде АЗЕРБАЙДЖАН - РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ВО ВЗРЫВООПАСНОМ РЕГИОНЕ И СЛЕДУЮЩИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЮЖНОГО КАВКАЗА.	30
Г.Тер-Габриелян АРМЕНИЯ И КАВКАЗ: ПЕРЕКРЁСТОК ИЛИ ТУПИК?	41
И.Хаиндрава ГРУЗИЯ: МЕЖДУ ЮЖНЫМ КАВКАЗОМ И ЧЕРНЫМ МОРЕМ (А ТАКЖЕ МЕЖДУ МОСКВОЙ, ВАШИНГТОНОМ И БРЮССЕЛЕМ)	54
С.Минасян АРМЕНИЯ В КАРАБАХЕ, КАРАБАХ В АРМЕНИИ (КАРАБАХСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ АРМЕНИИ)	71
Р.Мусабеков КАРАБАХСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ АЗЕРБАЙДЖАНА.	84
М.Маилян МЕСТО КАРАБАХА В РЕГИОНЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ТУПИКИ	101
П.Закареишвили ГРУЗИЯ И КОНФЛИКТЫ НА ЕЕ ТЕРРИТОРИИ.	109
К.Дзугаев ОСЕТИЯ: КОНФЛИКТ С ГРУЗИЕЙ И ПРОБЛЕМЫ ВЫЖИВАНИЯ.	122

В.Шария АБХАЗИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ, ГРУЗИЕЙ И ТУРЦИЕЙ	130
А.Горгулу АРМЯНО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ВЕЧНЫЙ ТУПИК?	142
ОБ АВТОРАХ	165
ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА КАВКАЗА	166

Конференция «Кавказское соседство: Турция и Южный Кавказ», результатом которой является данная книга, прошла в Стамбуле с 1 по 4 августа 2008 г. В ней приняли участие представители неправительственного сектора различных регионов Южного Кавказа, включая три международно признанные республики и три непризнанные образования. Выступив с докладами, участники конференции разъехались по домам, а через три дня в Южной Осетии началась война. Южный Кавказ опять привлек к себе внимание всего мира, проблемы этого региона стали заботой великих держав, попытки урегулировать конфликты опять предпринимаются представителями различных правительственных и неправительственных организаций Европы и Америки, России и собственно региона.

При этом конфликты эти родились далеко не в августе 2008 г. Проблемы взаимодействия различных признанных и непризнанных политических субъектов, этнических групп, политических движений и военизированных групп существуют как минимум со времен распада Советского Союза. За два постсоветских десятилетия все эти проблемы сплелись в узел противоречий, который тормозит развитие южнокавказского региона в целом, создает препятствия региональным коммуникационным проектам, не позволяет странам объединять усилия в преодолении общих проблем, мешает интеграции экономик и созданию общего рынка.

Изолированность частей Южного Кавказа – как друг от друга, так и от соседей – становится одним из главных препятствий к устойчивому развитию региона. Само название конференции, а теперь и книги, родилось у авторов проекта по аналогии с «Европейским соседством» – проектом, к которому страны Южного Кавказа с таким воодушевлением присоединились. Между тем, стремясь найти свое место в глобальном мире, южнокавказские страны привыкли смотреть очень далеко и зачастую не видят друг друга и своих непосредственных соседей. Длительное нахождение Южного Кавказа в составе СССР привело к психологическому, коммуникационному и культурному отрыву региона от сопредельных стран, и в частности, от Турции. Спустя почти двадцать лет после распада СССР, Южный Кавказ еще не вполне включен в актуальный политический дискурс внутри Турции, и наоборот – Турция не вполне воспринимается на Южном Кавказе как важный участник региональных процессов.

Между тем, рефлексия вокруг региона - именно всего региона, а не его отдельных составляющих, как это чаще всего происходит — должна включать в себя соседние страны, а дискуссии по поводу регионального развития должны проходить не только на площадках Брюсселя, Страсбурга и Москвы, но и Стамбула, Еревана, Тбилиси и Баку. Одной из причин того, что конференция о Кавказском соседстве произошла в Стамбуле, является то обстоятельство, что ни в одном из городов собственно Южного Кавказа такую встречу провести нельзя. Трудности, связанные с поездками ереванцев в Баку или сухумцев в Тбилиси, сделали бы этот проект невозможным.

В рамках данного проекта мы попытались преодолеть эту проблему. Участники конференции приехали из всех признанных и непризнанных образований Южного Кавказа. Они представляли свои общества, а не государства, и говоря о проблемах своих обществ, не упускали из внимания проблемы региона в целом во всей его сложности и многообразии. В своих статьях для сборника, подготовленных уже после войны в Южной Осетии, они рассматривают перспективы развития региона с учетом актуальных тенденций и позиций всех игроков.

Мы очень благодарны всем участникам за их вклад в проект, потребовавший от многих интеллектуального мужества. Мы выражаем благодарность Швейцарскому агентству развития и сотрудничества и Организации Объединенных Наций, без поддержки которых была бы невозможна ни конференция, ни книга. Надеемся, что эта книга не станет единственной попыткой осмыслить регион Южного Кавказа глядя как изнутри, так и с берегов Босфора — ведь без такого рода рефлексии нашего региона просто не будет.

Примечание

Все статьи сборника отражают исключительно личное мнение авторов, а не Института Кавказа или каких-либо иных организаций, в том числе спонсоров проекта и организаций, в которых работают или с которыми сотрудничают авторы статей.

Некоторые имена и географические названия на Южном Кавказе являются частью конфликтного дискурса. Во избежание непонимания, во всех опубликованных в сборнике статьях сохранено авторское написание имен и названий.

Александр Искандарян
Ереван, ноябрь 2008 г.

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ МЕЖДУ ИЗОЛЯЦИЕЙ И ИНТЕГРАЦИЕЙ: ГЕНЕЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ

АЛЕКСАНДР ИСКАНДАРЯН

Южный Кавказ – сравнительно небольшой по территории и населению регион, расположенный между Черным и Каспийским морями, между Россией, Турцией и Ираном. Территория региона меньше территории Великобритании, а совокупное население примерно равно населению Нидерландов. Перешеек, лежащий между Россией и Ближним Востоком с одной стороны, и Центральной Азией и Европой – с другой, имеет серьезное стратегическое значение для будущего развития довольно большого и важного региона, лежащего на пересечении Юго-Восточной Европы и Большого Ближнего Востока.

Для того, чтобы понять очень многие особенности развития Южного Кавказа, полезно представить себе генезис региона как такового. Понятие Южного Кавказа как единого региона с более или менее четкими границами – явление сравнительно недавнее. До начала XIX в. регион входил в состав отчасти Персидской, отчасти Оттоманской Империй, а также в полуассалльные княжества и царства между этими империями. Свою общность жители региона не ощущали, никакой общекавказской идентичности просто не существовало. Люди имели различные пересекающиеся и наслаивающиеся друг на друга виды религиозной, локальной и этноязыковой идентичности. Скажем, человек мог ощущать себя жителем Шемахи, персоязычным прихожанином Армянской Апостольской Церкви, или, скажем, грузиноязычным суннитом, жителем Аджарии, подданным турецкого султана. Никакого ощущения общности не было даже у образованных людей того времени.

В первой половине XIX в. регион после нескольких волн русско-турецких и русско-персидских войн был включен в состав Российской Империи. В чисто административных целях было необходимо как-то именовать эти территории. Довольно естественным было появившееся тогда название «Закавказье», т.е. часть Российской Империи, лежащая за Кавказским хребтом. Со временем территории, объединенные под названием «Закавказье», стали не только извне, но изнутри восприниматься как некое единое целое – как отдельный регион. Уже по своему названию новый регион имел выраженную естественную северную границу – Кавказский хребет, а вот южной границы у него изначально не было. Южной границей региона стала сначала государст-

венная граница Российской Империи, а затем - Советского Союза. Ее очертания менялись в результате войн и перекройки политических границ. Скажем, с 70-х гг. XIX в. до 20-х гг. XX в. частью Закавказья считались Карс, Ардаган и Сурмалу - районы нынешней Турции, входившие тогда в состав Российской Империи. Но все же основная территория Закавказья, входившая в состав единого экономического, транспортного и культурного пространства, постепенно начала превращаться действительно в регион: часть Российской Империи к югу от кавказского хребта.

Общая система образования, единое законодательное поле, все более широкое распространение русского языка в качестве регионально-го *lingua franca* (языка межэтнического общения), система дорог, связывающих регион с центром Империи, государственные границы на юге, наконец, появление общего рынка - все это приводило к осознанию жителями региона своего единства и отделению себя от прежних метрополий (Персии, Турции и др.) В то же время, очевидные культурные и географические отличия от центральной России приводили к появлению над-этнической, кросс-культурной кавказской идентичности, осознанию своей культурной особенности внутри Империи. После образования СССР в начале 1920-х гг. это осознание даже и усилилось. Границы на юге закрылись наглухо, психологически Турция стала такой же далекой, как, например, Швеция. Культурный мир ограничивался Советским Союзом, так что культурная общность, например, грузин с лазами, живущими в Турции, или азербайджанцев - со своими этноязыковыми соотечественниками в Иране, постепенно теряла актуальность. Зато на первый план выходили отличия кавказцев от других жителей СССР.

В 1922 г. была даже предпринята попытка создания закавказской протогосударственной структуры в виде Закавказской федерации. Однако во второй половине 1930-х гг., в полном соответствии с модернизаторской парадигмой советского нациестроительства, от этой затеи было решено отказаться, Федерация была распущена и заменена прямым вхождением Армянской, Грузинской и Азербайджанской Советских республик в СССР. Впрочем, сохранились некие реликты - в виде Закавказского экономического региона, различных закавказских фестивалей, дней культуры, обмена студентами и пр. - дожившие до самого падения Советской Империи. Закавказье действительно стало регионом внутри СССР, четко отделявшим себя и отделяемым другими. Подобная регионализация носила в СССР повсеместный характер - и Средняя Азия, и Прибалтика также превратились в отдельные регионы, часто вопреки истории и этнокультурной гетерогенности. Однако очевидные для самих жителей регионов отличия - или даже противоре-

чия – между Литвой и Эстонией, Таджикистаном и Кыргызстаном, Арменией и Азербайджаном, не мешали развитию элементов общей идентичности, своего рода маркеров, с помощью которых «кавказцы», «среднеазиаты» и «прибалты» выделяли себя из состава остальных жителей СССР.

В полном соответствии с концепцией Бенедикта Андерсена, «воображаемые сообщества», будучи воображены, существуют в общественном сознании. К середине XX в. Закавказье, несомненно, уже существовало как метаэтническая поликультурная общность, и Закавказский регион перестал быть просто географическим понятием. У этого региона были представления о своем единстве, четкие внешние границы и внутренние экономические связи (которые, впрочем, сейчас нередко преувеличиваются).

Административные границы строились по характерному для СССР «матрешечному» принципу. Были три союзные республики (Азербайджан, Армения, Грузия), в которые входили автономии разного уровня (автономные республики и автономные области). При этом некоторые этносы становились «титულными» сразу в двух образованиях разного таксонометрического уровня (например, армяне в Армянской ССР и Нагорно-Карабахской автономной области), некоторые – только в одной (абхазы). Возможны были также и неэтнические автономии, как-то автономия грузин в Грузии и азербайджанцев в Азербайджане (Аджария и Нахичевань, соответственно). При этом во многих случаях компактного проживания большого числа представителей одного этноса внутри административного образования, в котором «титулным» был другой этнос (сотни тысяч азербайджанцев в Грузии, около двухсот тысяч лезгин в Азербайджане и т.п.), никакой автономии вообще не было.

Согласно советскому законодательству и практике, различным уровням автономии соответствовали различные уровни в культурной и административной иерархии. Предположим, союзным республикам полагалось иметь академию наук, ЦК Компартии и театр оперы и балета, а автономным – нет. Автономным республикам удавалось «выбить» университет (в частности, Абхазии удалось), а автономным округам – нет, поэтому в Карабахе и Южной Осетии университетов не было. Однако в любом случае эти образования воспринимались в качестве этнонациональных, неких «эмбрионов» национально-государственных образований. В столицах союзных республик, автономных республик и областей образовывались элиты, формировались полуподпольные национальные дискурсы, рождались мифологии, накапливались будущие претензии к Центру и соседям. Это предмет отдельного исследования, но стоит отметить, что в чрезвычайно полиэтнич-

ном регионе с многими межэтническими проблемами, после распада СССР в горячую фазу перешли только конфликты в бывших «официальных» этнических автономиях (Абхазии, Южной Осетии и Нагорном-Карабахе). Противоречия в других регионах компактного проживания этнических меньшинств не приводили к таким последствиям, хотя иногда эти регионы могли быть по численности «нетитульного» населения больше, чем вышеназванные. Например, в Грузии жило больше армян, чем абхазцев и осетин вместе взятых, но вооруженные конфликты произошли именно в Южной Осетии и Абхазии. Видимо, «формализация» этничности и институционализация производства и концентрации элит дает возможность более легкой политизации этничности при ослаблении внешнего давления.

В любом случае, в советское время обозначились две тенденции. С одной стороны, это образование метаэтнического региона «Закавказье», с другой – формирование прото-националистической парадигмы среди «титульных» наций национально-государственных образований региона. Оба элемента можно считать элементами модернизации. Первый – в качестве образования мультикультурной мэтаэтнической общности не на династическом «имперском», а именно на культурном поле: люди осознавали свою общность не в качестве подданных султана или шаха, но именно как общность культурную, выделяющую их из числа остальных подданных царя (или позже ЦК КПСС). Второй же элемент на практике был специфической формой становления национальных идентичностей в условиях СССР, похожей на тот процесс, который шел, скажем, в Восточной Европе XIX – начала XX в., где в недрах Австро-Венгерской Империи зарождались этнические движения и этнические идентичности, на основе которых потом, при распаде Империи Габсбургов в 1918 г., были созданы новые национальные государства.

Парадоксальным образом, эти два процесса могли идти одновременно и даже не мешать друг другу. Как, скажем, сейчас в Европе латышский национализм может не только не противоречить европейскому самосознанию латышей, но даже и усиливать его, так, скажем, грузинский национализм в 1970-х гг. вполне уживался с ощущением «кавказскости» Грузии, и даже поддерживался этим ощущением.

Однако процесс образования этнополитических идентичностей с железной логикой (описанной в работах Мирослава Хроха) привел к тому, к чему, видимо, не мог не привести. Как только ослабла коммунистическая идеология и тип создаваемой на ее основе легитимности, появились возможности для относительно свободного выражения мнений и требований. С этого момента начала появляться собственно политика, и именно на этом этапе политизация приняла фор-

му этнизации. Базис для политизации этничности уже был налицо: достаточное количество образованных и социально активных людей были готовы продуцировать идеологии, социализироваться в качестве политических деятелей, основывать различного рода группы и партии, расширять возможности общественного участия и возглавлять вновь возникающие движения. Потерянная к тому моменту марксистская идеологическая легитимность уже не могла скреплять империю, соответственно, сохранить ее можно было лишь с помощью аппарата подавления, который к тому времени тоже сильно ослаб. Либерализация в период Перестройки расширила возможности самовыражения, что, в свою очередь расшатывало империю. Был запущен маховик распада СССР.

Механизмом распада во многих частях советской империи стали революции. Для того, чтобы такие революции смогли произойти, потребовалась очень широкая мобилизация народных масс. Для того же, чтобы обеспечить такую мобилизацию, необходимы были, в частности, понятные людям идеологии, которые обеспечили бы выделение достаточного количества социальной энергии. Очень недолго, в 1986-1987 гг. повсеместно совершались попытки использовать в таком качестве социальные, общедемократические и даже экологические идеи. Однако почти сразу наряду с ними, а в скором будущем поглотив их, появились идеологии национальные или даже националистические. Впрочем, следует признать, что националистическая компонента была и с самого начала имманентна даже экологическим и социальным идеям, принимая форму: «ОНИ портят нашу экологию и ОНИ перекачивают наши богатства в Центр». Национализм был наиболее базовым, понятным и универсальным средством солидарности, и его потенциал было очевидно нарождающимся политическим элитам.

Довольно естественно, что национализм принимал не форму гражданского, а форму этнического национализма. Долгий период досоветской и советской модернизации делал именно такой путь естественным. Солидарность людей строилась не по парадигме «потенциальные граждане независимой Грузии, Армении» и т.д., а «грузины, армяне, осетины» и пр. Причем территории воспринимались как этнические домены, даже если, как в Абхазии, титульный этнос составлял менее 20% населения. Важно, что Абхазия принадлежала абхазам, а Армения – армянам именно как этнической общности. Квинтэссенцией такого рода мышления стала крылатая фраза первого президента Грузии, бывшего диссидента Звиада Гамсахурдиа «Грузия для грузин», и выработанная им же концепция этнических «хозяев» и «гостей» Грузии. Никакая метакультурная общность не могла заменить собой этнической солидарности. Попыток создать некое «Закавказское

государство» даже и не предпринималось, в отличие, например, от предыдущего распада Российской Империи в начале XX в. Впрочем, и тогда идея Закавказского Сейма не прожила и нескольких месяцев. Процессы бурного национального строительства делали идеи общекавказской солидарности маргинальными, «мейнстримными» же были идеи строительства национальных государств европейского типа вильсоновской эры и ухода от плановой экономики к свободной, также понимаемой как основа национального процветания.

Дополнительной причиной маргинализации идеи общекавказской солидарности послужили неизбежные при такого рода развитии этнополитические конфликты. Политизирующаяся этничность, дисперсное расселение этносов, «матрешечная» структура административного деления с неизбежностью приводили к конкурирующим и накладывающимся друг на друга территориальным проектам. Скажем, территории армянской автономии внутри Азербайджанской ССР своей могли считать и армяне, и азербайджанцы, а осетинской автономии в Советской Грузии — опять же и осетины, и грузины. Вопреки часто встречающемуся в прессе упрощенному пониманию, этнические конфликты на Кавказе не являлись изолированным явлением и тем более случайностью или злой волей людей, но были одним из проявлений процесса нациестроительства стран региона — неким аналогом Эльзаса и Лотарингии в терминах европейской истории. Некоторые из конфликтов имели не чисто сецессионистский, но ирредентистский характер, подобно Рисорджименто периода объединения Италии или синдрома распада некоторых частей Австро-Венгрии, когда Трансильвания после распада не стала независимой страной, но присоединилась к Румынии, а Польская Силезия — к Польше.

В период распада СССР странно было не то, что в период строительства этнонациональных идентичностей проявлялись конфликты, а что их было так немного. Таким образом, противоречия между различными субъектами кавказской политики делали тем более неактуальными сюжеты единства Закавказья. Пожалуй, единственное существенное, что произошло в этой сфере — это смена названия региона с «Закавказья» на «Южный Кавказ». Новое название являло собой осознанный отказ от «взгляда из России», и таким образом дистанцировало Южный Кавказ от России. При этом переименование было механическим, никакого осмысления региона как новой реальности не происходило, и регион продолжал существовать по инерции.

Инерция единства существовала и существует еще в разных плоскостях. Во-первых, это собственно культурная общность, общие культурные коды, язык межнационального общения (русский), элементы общесоветской культуры, как высокой, так и бытовой, ностальгия и

прочие следствия нахождения в едином пространстве СССР, сохраняющиеся в старших возрастных стратах, но явно уменьшающиеся со временем и поколениями. Во-вторых, это чисто экономическая необходимость в сотрудничестве, причем необходимость эта обусловлена географически, и чаще всего выражается в строительстве транзитных газопроводов и дорог. Схожим экономикам трудно что-либо дать друг другу, реально страны стремятся к интеграции с Европой, а не друг с другом. В третьих, существует глубокая неуверенность в собственной способности построить успешные государства и экономики, что приводит к стремлению сделать это вместе. Подогреваются эти обстоятельства тем, что извне (на сей раз из Брюсселя, а не Петербурга или Москвы) также существует запрос на единый регион, которому будет легче войти в европейское пространство.

Таким образом, вполне понятное и искреннее стремление стран региона стать частью Европы укрепляет существующие тенденции к созданию единого региона – Южного Кавказа. Хотя бывает и наоборот, когда те же самые причины (стремление в Европу, неуверенность в своих силах) могут быть причиной поиска иной региональной идентичности (например, черноморской), если кажется, что это быстрее может привести к результату. Противостоят же интеграционалистским тенденциям по-прежнему конфликты. Представить себе реальную интеграцию любого свойства между Арменией и Азербайджаном, Абхазией и Грузией и т.д. в нынешней политической реальности просто невозможно. Инерция уходит, ностальгия исчезает вместе с ее носителями, чересполосное расселение исчезает в результате этнически мотивированных миграций, вместе с ним исчезает и знание языков друг друга, и т.д.

Таким образом, в регионе сейчас продолжают действовать обе тенденции – и интеграционистская, и изоляционистская. Теоретически, урегулировав конфликты, Южный Кавказ может остаться регионом, ощущающим свое единство. Но он может и перестать быть – или не стать – отдельным регионом, и превратиться просто в ряд стран, находящихся по соседству. Все входящие в него сейчас страны могут стать частью какого-то более широкого региона – или разных регионов, скажем Азербайджан – Каспийского, Грузия – Черноморского, а Армения – Средиземноморского. Ясно одно: невозможно определить судьбу Южного Кавказа как региона, просто используя инерцию имперского и советского времени. Инерция несколько смягчает расползание региона, но построить на ней ничего не получится. Становление новых национальных идентичностей может сопровождаться осознанием своей региональной идентичности, но оно не может покоиться только на истории. Регион должен превратиться в проект будущего.

Для того чтобы это произошло, необходима как минимум рефлексия региона не как наследия прошлого, а как нынешней реальности. То есть его не следует «восстанавливать» или «воссоздавать», хотя бы по причине очевидной невозможности это сделать. Регион можно попробовать построить по тому или иному проекту, той или иной архитектуре. Для того же, чтобы выбрать проект, нужно понять на какой земле он будет осуществляться — «привязать к местности», в терминологии архитекторов. Только тогда и может получиться регион. Может, правда, и не получиться. Тогда и станет ясно, какая тенденция победит — интеграционная, изоляционистская или обе сразу.

КАВКАЗСКАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ

ДИБА ГОКСЕЛ

В последние годы существенно изменилась как внутренняя, так и внешняя политика Турции. В стране развивается демократия, многие политические лидеры 1990-х гг. лишились поддержки населения на фоне растущей популярности партии «Справедливость и развитие» (АКП). Придя к власти 2002 г., эта партия была раздираема внутренними противоречиями – именно поэтому ее иногда называют «однопартийной коалицией». Это была новая партия, и многие из ее членов впервые оказались у руководства страны. У АКП было мало опыта в сфере внешней политики и трудно складывались отношения с государственными структурами, в том числе с МИДом и военным ведомством, поначалу весьма скептически отнесшимся к новой партии. В некоей мере это отношение сохраняется и сейчас. На этапе взаимной притирки традиционного госаппарата и нового правительства, в мире происходили важные изменения, многие из которых касались региона, в котором находится Турция. В тот период Турция должна была заново определить свое место на карте мира, и необходимость «диверсификации» внешней политики путем «оптимизации стратегических дивидендов» была одним из немногих пунктов, по которым имелось согласие между правительством и госаппаратом.

С началом операции США в Ираке в 2003 г. между Турцией и США возникли трения из-за американской поддержки курдской автономии в Ираке, и в Турции начался рост антиамериканских настроений. Более того, с 2005 г. в Турции стали терять популярность представления о членстве в ЕС как о достижимой цели. Ряд ключевых фигур в АКП и в госаппарате склонялись к тому, что Турции необходимо ослабить западный вектор своей политики. Изменившаяся конъюнктура дала Турции такую возможность; новый подход просматривается в доктрине «стратегической глубины», сформулированной советником премьер-министра по внешней политике, в черноморской политике безопасности и в динамике событий на Ближнем Востоке.

Нынешнее правительство в большей части вопросов придерживается политики извлечения максимальной выгоды при минимальных затратах. Для этого иногда приходится и на внутренней, и на международной арене разыгрывать разные партии с разными партнерами. На смену ориентации на те или иные силы пришла многовариантная стратегия. Некоторые аналитики стали писать, что Турция стала не-

предсказуемой или же лишилась стратегического видения, другие — что подобная игра, напоминающая хождение по канату, неизбежна в столь беспокойном регионе. Действительно, реалистичность членства в ЕС вызывает сомнения, США серьезно просчитались в отношении Ирака, а тем временем такие игроки, как Иран, Россия и Китай все громче заявляют о себе (и к чему это приведет, пока не ясно).

Кавказская политика Турции, естественно, несет на себе отпечаток и политической ориентации, и поиска места Турции в мире, и расчетливого подхода на основе сальдо затрат и потенциальных выгод. Недавний кризис в Южной Осетии осложнил стратегию Турции. Предложенная Турцией Платформа сотрудничества в регионе аналогична подобным инициативам, выдвигавшимся Турцией в других сопредельных регионах на нынешнем этапе турецкой внешней политики. Еще предстоит оценить как глубину, так и реалистичность новой Платформы, а также вопрос о том, как интегрировать в регион Армению при отсутствии у нее дипломатических отношений с Турцией. Имея дело с столь разными партнерами, Турции будет трудно добиться прорыва в региональной интеграции.

Разочарование в Западе

Со дня основания Турецкой Республики вхождение в западный политический блок было для нее основным приоритетом во внешней политике. Им объяснялся стратегический выбор Турции в период Холодной войны; именно этот приоритет был определяющим и при выборе политической системы, и в стремлении к модернизации страны. Копирование западных моделей развития и демократических принципов было сердцевиной и движущей силой турецкой государственности.

Получив в 1999 г. статус страны-кандидата в члены ЕС, Турция приступила к реформам. Одновременно шло развитие гражданского общества, росла свобода слова, укреплялись силы и структуры, способствующие переменам в общественной жизни.

Однако с 2005 г. эти тенденции пошли на спад в результате синергии ряда факторов, в том числе — антитурецких настроений среди граждан и лидеров некоторых стран ЕС (в особенности Ангелы Меркель в 2005 г. и Николя Саркози в 2007 г.), роста национализма в Турции под влиянием иракских событий, нового всплеска терроризма в Турции и эксплуатации националистических настроений со стороны оппозиционных партий. Спаду энтузиазма в Турции в отношении ЕС способствовали еще два обстоятельства. Первое — тот факт, что хотя 68% турок-киприотов и проголосовали за план Кофи Аннана в апреле 2004 г., это никак не способствовало решению кипрской проблемы. Более того, в декабре 2006 г. имплементация Турцией 8 из 35 глав ев-

ропейского права¹ была приостановлена до тех пор, пока Турция не откроет свои порты и аэропорты для судов и бортов греческой части Кипра соответственно требованиям Таможенного союза ЕС. Вторым моментом, подорвавшим энтузиазм многих турецких граждан в отношении ЕС — это дискурс о признании геноцида и соответствующие резолюции парламентов, принятые с подачи армянской диаспоры и используемые европейцами, настроенными против членства Турции в ЕС. В частности, попытка объявить отрицание геноцида 1915 г. преступлением, предпринятая в 2006 г. во Франции, в Турции рассматривалась как признак двуличия и отсутствия у европейцев искренней приверженности ими же провозглашаемой ценности свободы слова.

В Турции стало распространяться ощущение, что «что бы Турция не делала, в ЕС ее не возьмут», и потому у Турции становится все меньше стимулов к дальнейшим реформам.

После 11 сентября и войны в Ираке ширится уверенность, что интересы Турции и США не совпадают. «Хотя Турцию и не устраивал режим Саддама в Ираке, она предпочитала сохранение статуса-кво любым переменам, могущим нарушить хрупкое равновесие на Среднем Востоке»². Анкара постоянно предупреждала Вашингтон об угрозах стабильности в пост-саддамовском Ираке. Тот факт, что Вашингтон не реагировал на предупреждения Турции и не менял свою политику, вызвал в Турции досаду и «оправданное» пренебрежение интересами США при разработке региональной политики Турции. Как указывают многие специалисты, на турецко-американских отношениях очень негативно отразилось принятое турецким парламентом в марте 2003 г. решение отказать США в просьбе дислоцировать войска в Турции с целью открытия в Ираке северного фронта.

Тем временем в риторике по поводу отношений с США зазвучали сентиментальные нотки. Даже дипломаты начали высказываться в том роде, что США «мало уважает» Турцию. На фоне роста националистических настроений в Турции и лишь очень слабых попыток препятствовать распространению деструктивных слухов в духе «теории заговора», отношение к США ухудшалось день ото дня.

Антиамериканские настроения достигли апогея, а желание вступить в ЕС — минимума. С нарастанием напряженности на Среднем Востоке и ослаблением западного альянса в Евразии, возникало все

¹ Для переговоров с Хорватией и Турцией о вступлении в ЕС совокупность законодательных норм Европейского Союза была подразделена на 35 глав.

² *Mustafa Aydin, Damla Aras. Political Conditionality of Economic Relations Between Paternalist States: Turkey's Interaction with Iran, Iraq, and Syria // Arab Studies Quarterly, Winter-Spring 2005.*

больше сомнений в том, что США добьется своих целей в регионе, а ЕС сможет стать серьезным глобальным актором.

На таком фоне ширилась поддержка различных альтернативных вариантов внешней политики Турции. В Анкаре все чаще звучало соображение, что Турции не следует делать слишком большие инвестиции в альянс с Европой или США. Такой подход виделся как беспроигрышный, исходя из того, что если Турция начнет вести себя менее «послушно», то рычагов влияния у нее станет не меньше, а больше.

Впрочем, в 2008 г. произошло событие, ослабившее эту тенденцию. После подачи в Конституционный суд иска против Партии «Справедливость и развитие» (АКП), в рядах АКП вновь появился энтузиазм по поводу вступления Турции в ЕС, поскольку ведущие европейские акторы тогда выступили с решительными призывами к демократизации Турции. Партию решено было не распускать, а вот насколько устойчивой окажется новая европейская риторика, покажет время.

В 2006 г. Анкара и Вашингтон подписали совместную декларацию в подтверждение стоящих перед ними общих целей, хотя и не факт, что это реально способствовало восстановлению взаимного доверия двух стран. Отношения с США действительно улучшились с тех пор, как США в конце 2007 г. увеличили помощь Турции в борьбе против действующей в Ираке террористической организации «Рабочая партия Курдистана» (РКК). Однако насколько перспективно это улучшение, пока сказать трудно.

Новый имидж Турции: «возвращение на карту»?

В последнее время выдвигался целый ряд новых приоритетов турецкой внешней политики: региональная стабильность, беспроблемные отношения с соседями и наращивание экономических (торговых и инвестиционных) связей в регионе, превращение в энергетический узел между Евразией и Европой, наведение мостов через глобальный религиозный и цивилизационный водораздел. «Новая» внешняя политика Турции определяется аналитиками в таких терминах, как «опора на собственные силы», «многомерность» и «самоутверждение»¹.

Главной темой в разработках новой внешней политики Турции становится учет «новых альянсов на международной арене и смещения центра тяжести глобальной экономики». По этой логике, тенденция «регионализации» будет нарастать, и потому все большую важность приобретают инвестиции политического капитала в сопредельные регионы. «Занять ведущее положение в географическом окружении и на

¹ Turkish Policy Quarterly, Winter 2007/8, www.turkishpolicy.com.

глобальной арене» в экономической сфере – задача, неизбежно требующая изменений в политических и стратегических отношениях¹. В числе прочих амбициозных проектов, выдвигавшихся в последнее время – превращение Турции в «центр мирных инициатив», реагирующий на «любую беду на планете» и занимающий лидирующее положение в почти всех глобальных вопросах².

Конец гегемонии одной страны или блока (т.е. США и трансатлантического блока) в основном воспринимается как неизбежный и/или желаемый исход. Такая риторика, вкуче с шагами, направленными против США и на поддержку России, позволила ряду обозревателей провести аналогию между политикой руководства Турции и позицией Путина, заявившего в Мюнхене в феврале 2007 г., что США пытаются построить «однополярный мир».

Обычно из этого делается вывод, что поскольку в мире происходят важные перемены и гегемония Запада в долгосрочной перспективе вряд ли сохранится, Турции следует быть открытой для любых контактов и позиционироваться таким образом, чтобы максимально увеличить свое влияние. Как отмечалось выше, предполагается, что у Турции появится больше рычагов влияния в результате попытки сделать ее незаменимым региональным игроком. Впрочем, есть у такого подхода и обратная сторона: его критики озабочены тем, что Турция будет восприниматься как непредсказуемая страна, на которую нельзя положиться как на надежного союзника.

В рамках новых веяний Турция стала принимать более активное участие в создании новых многосторонних организаций и деятельности уже существующих. В настоящее время Турция является временным членом Совета безопасности ООН. В высших кругах Турции постоянно ведутся разговоры о необходимости реформировать ООН с целью повышения эффективности этой организации при решении глобальных проблем. Стремление Турции играть роль моста между цивилизациями выразилось, в том числе, в создании Альянса цивилизаций под предводительством Турции и Испании.

В последние несколько лет предпринимаются попытки повысить эффективность Организации черноморского экономического сотруд-

¹ Sevilla University, Spain The Opening Statement of the Turkish Foreign Minister Ali Babacan at the Ambassadors Conference, Bilkent Hotel and Conference Center, Ankara, 15 July 2008, “Global Trends and Turkish Foreign Policy”, http://www.mfa.gov.tr/the-opening-statement-of-the-minister-of-foreign-affairsali-babacan-at-the-ambassadors-conference-bilkent-hotel-and-conference-center_15-july-2008_-_global-trends-and-turkish-foreign-policy__en.mfa.

² Egemen Bagis, Speech at the Certificate Ceremony of the Politics Academy in Kutahya, 30 July 2008.

ничества (ОЧЭС), недавно отметившей свое 16-летие. В последние годы Турция играет более активную роль в Организации исламской конференции (ОИК), в которую входят 57 стран и генеральным секретарем которой является гражданин Турции профессор Экмеледдин Ихсаноглу. Турция повлияла на включение ряда вопросов, таких как демократия и права человека, в новый устав ОИК в марте 2008 г. В последние пять лет интенсифицировалась и дипломатическая активность Турции в арабском мире.

Организация Африканского союза, в которой Турция имеет статус постоянного наблюдателя, в начале 2008 г. объявила Турцию «стратегическим партнером». В середине августа 2008 г. в Стамбуле прошел саммит по турецко-африканскому сотрудничеству. Кроме того, Турция инициировала «процесс стратегического диалога» с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). В начале сентября 2008 г. планировалось подписать «меморандум о взаимопонимании» между ССАГПЗ и Турцией, предусматривающий более активное сотрудничество. Предпринимаются также шаги по более активному взаимодействию с Шанхайской организацией сотрудничества¹.

По инициативе Турции с начала 2007 г. регулярно проводятся встречи министров соседних с Ираком государств. Правительство партии «Справедливость и развитие» (АКП) пытается играть роль посредника в урегулировании различных конфликтов. Так, в последнее время Турция принимала активное участие в переговорах между Палестиной и Израилем, Пакистаном и Афганистаном, Сирией и Израилем. После грузино-российской войны Турция сразу же выступила с новой региональной инициативой: Кавказской платформой стабильности и сотрудничества. Поступающие из США сигналы свидетельствуют о том, что Турция не посоветовалась с США, прежде чем выступить с этой инициативой, тем самым создав неловкое положение, поскольку Соединенные Штаты являются важным актором в регионе и с начала 1990-х гг. продвигали в нем турецкое влияние.

Еще один столп внешней политики Турции под руководством АКП — это особое внимание к соседям в экономическом, политическом и стратегическом смысле. Несомненно, свою роль сыграло и изменение отношения некоторых соседних стран к приоритетным для

¹ Sevilla University, Spain The Opening Statement of the Turkish Foreign Minister Ali Babacan at the Ambassadors Conference, Bilkent Hotel and Conference Center, Ankara, 15 July 2008, “Global Trends and Turkish Foreign Policy”, http://www.mfa.gov.tr/the-opening-statement-of-the-minister-of-foreign-affairsali-babacan-at-the-ambassadors-conference-bilkent-hotel-and-conference-center_15-july-2008_-_global-trends-and-turkish-foreign-policy__en.mfa.

Турции вопросам (например, Сирия и Иран отказались от поддержки террористических группировок в Турции). Однако в целом эта тенденция была задумана и озвучена Анкарой.

В экономическом плане такая переориентация пошла на пользу Турции. Стремление избегать проблем и пользоваться всякой возможностью наладить отношения с какой-либо страной способствовало стабильности и расширению экономических возможностей. Удельный вес торговли с соседними и региональными странами во внешнеторговом балансе Турции постоянно растет благодаря договорам о свободной торговле и частым визитам высокопоставленных иностранных делегаций, в составе которых присутствуют и бизнесмены.

С другой стороны, звучат и скептические мнения по поводу того, что Турция все больше сотрудничает на двусторонней основе со странами, в отношении которых Запад стремится занять единую позицию.

В марте 2006 г. Эрдоган посетил Судан в тот момент, когда в мире повсеместно осуждалось зверства в Дарфуре. В январе 2008 г. аль-Башир приехал в Анкару, что вызвало возмущение международного общества. В очередной раз подтвердился тот факт, что Турция более не синхронизирует свои действия с Западом, как прежде. Как отметил один американский чиновник: «Международное сообщество устами Международного уголовного суда обвинило аль-Башира в геноциде. Мы были бы очень рады, если бы и Турция присоединилась к международному сообществу и осудила аль-Башира»¹. В августе 2008 г. президент Судана Омар Хасан аль-Башир вновь прибыл в Турцию, на этот раз на турецко-африканский саммит, вскорости после того, как Международный уголовный суд признал его виновным в геноциде.

С 2004 г. западные аналитики начали задаваться вопросом, не меняет ли Турция свою позицию, укрепляя связи с Ираном и Сирией в тот момент, когда не только США, но и европейские лидеры обсуждают меры по принуждению этих двух соседних с Турцией стран к соблюдению международных норм. Подвергая сомнению правомерность сближения Турции с этими странами, аналитики упоминают возможные последствия иранской ядерной программы для Турции, а также недавние закупки Сирией вооружения у России. Отказавшись от соблюдения интересов США, Турция, возможно, в краткосрочной перспективе завоевала доверие этих и других стран, и «сбалансировала» свою внешнюю политику, хотя в долгосрочной перспективе динамика, вне всякого сомнения, будет иная.

¹ All Eyes on Sudan's Bashir During Summit // Turkish Daily News, 19.08.2008 <http://www.turkishdailynews.com.tr/article.php?newsid=112983>.

Расширение сотрудничества с теми странами, отношения с которыми прежде не были в центре внимания турецких политиков, рассматривается как «дополнение» к отношениям с трансатлантическим блоком. Однако в зависимости от того, где пролегает глобальный водораздел — а это сейчас может быть граница России или Ирана — Турции, возможно, придется снова, как во времена Холодной войны, выбирать, на чьей она стороне. Что выберет Турция, неочевидно. При этом, пытаясь избежать необходимости делать выбор, Турция может остаться без надежных союзников.

Расчет в отношении Кавказа

После распада СССР в начале 1990-х гг. риторика Турции в отношении Кавказа (и Центральной Азии) носила амбициозный характер: Турция собиралась стать ведущей региональной державой. К концу века стал очевиден перевес России в регионе и неспособность Турции на деле подтвердить свои амбиции. Неудаче на поприще установления господства в регионе способствовали и внутритурецкие политические баталии, и постоянные перестановки в правительстве, и экономические проблемы. В последующие годы Кавказ перестал быть одним из приоритетов для турецкой внешней политики, и это направление активизировалось лишь в последнее время. Сообразно описанной выше новой внешнеполитической концепции, Турция стремится увеличить свой вес на Кавказе и стать «необходимым» участником любых решений и действий, касающихся региона. Турция отдает себе отчет в том, что развивать активность в регионе она сможет лишь с учетом интересов России, по крайней мере, до тех пор, пока Турция не укрепила в регионе собственное влияние. Особенно отчетливо проявились инвестиции (в том числе в образование со стороны частных турецких инвесторов) и инициативы в сфере «мягкой власти». В отличие от начала девяностых, теперь Турция следит за тем, чтобы риторика о региональном господстве не опережала конкретные достижения на этом поприще.

В целом Турция скептически отнеслась к американским попыткам демократизации в черноморском регионе (т.е. к Оранжевой и Розовой революциям соответственно в Украине и Грузии). В Турции считают, что поддерживая проамериканских лидеров, США либо проявляют наивность в постановке целей, либо прикрывают собственные сугубо практические интересы. Среди политиков в Анкаре широко распространено мнение, что в конечном счете США ведут себя безответственно, вмешиваясь в дела региона, и оставят после себя нестабильность, а страны региона окажутся в проигрыше в результате американской интервенции.

Турецко-российские отношения развиваются с конца 1990-х гг. и в экономической, и в политической сфере. Объем торгового оборота быстро растет, интенсифицируются и политические связи, особенно после 2000 г., в форме «многомерного сотрудничества» в том числе и в энергетике, и в оборонном секторе. Если в 1992 г. объем торгового оборота между Россией и Турцией составлял около 450 миллионов долларов США, то к 2004 г. он достиг 11 миллиардов, а по итогам 2008 г. ожидается рост до 38 миллиардов долларов США. В этом году Россия была самым крупным торговым партнером Турции, в силу того, что Турция приобретает у России 63% всего покупаемого ею природного газа и 29% нефти. Турецкие строительные компании активно работают в России, турецкие инвестиции в российскую экономику достигли полутора миллиардов долларов. С 2004 г. в Турцию приезжает ежегодно около полутора миллионов туристов из России — больше, чем из какой-либо другой страны.

После визита Владимира Путина, в тот момент президента России, в Анкару в декабре 2004 г. состоялась интенсивная серия встреч на уровне высшего эшелона исполнительной власти двух стран. На встрече с президентом Ахметом Несдетом Сезером в марте 2006 г. Путин сказал, что развитие отношений двух стран проходит в рамках, определенных на встрече в 2004 г., и что отношения приобрели совершенно новый характер.

В 1997 г. начал разрабатываться проект газопровода «Голубой поток», идущего из России в Турцию по дну Черного моря. В 2003 г. по нему пошел газ, а в ноябре 2005 г. состоялось официальное открытие газопровода, причем Турция обязалась в течение 25 лет покупать доставляемый по нему газ. «Голубой поток» имеет и стратегическое значение. США и новые независимые государства, например, Азербайджан, имеющие запасы газа и стремящиеся поставлять его на европейские рынки, лоббировали альтернативные «Голубому потоку» маршруты газопровода, которые бы уменьшили зависимость Европы от поставок газа из России. Между тем российский Газпром пытается укрепить эту зависимость, продвигая проект газопровода «Южный поток», который должен пройти по дну Черного моря в Центральную Европу через Болгарию.

С 2002 г. широко обсуждается проект газопровода «Набукко» с каспийского побережья в Центральную Европу, который должен быть проложен по территории Турции и составить конкуренцию российским проектам. Однако Турция отказалась устанавливать расценки на транзит газа по своей территории, и заявила, что хочет сама покупать газ у поставщиков и потом перепродавать его европейским потребителям по более высоким ценам. Европейцы, азербайджанцы и амери-

канцы выразили озабоченность тем, что такая позиция Турции поставит под угрозу реализацию проекта «Набукко», сделав его менее конкурентоспособным, чем российские альтернативы. Преследуя собственную выгоду, Турция проявила чрезмерную амбициозность, что может в конечном счете привести к лишь к дальнейшей консолидации энергетической монополии России. В связи с этим турецкую трубопроводную компанию BOTAS даже называли «мини-Газпромом»¹. Вообще в турецкой внешней политике в последнее время проявляется тенденция на всякий случай завышать ставки, а потом идти на уступки, когда становится ясно, что ничего не получилось.

Турция с 1952 г. является членом НАТО и на протяжении десятилетий остается стратегическим партнером США. Соответственно, никто не ожидал, что Турция заблокирует идею расширения операции НАТО «Активные усилия» с бассейна Средиземного моря до Черного. Стараясь не портить улучшающиеся в последнее время отношения с Россией, Турция как будто бы разделяет российское представление о том, что Соединенные Штаты в регионе «взяли ее в кольцо».

Очевидно, Россия заинтересована в том, чтобы Турция нашла в себе силы игнорировать стратегические интересы Европы и США. Более того, Россия довольно успешно эксплуатирует охлаждение отношений между Турцией и Западом.

Можно также предположить, что патовая ситуация в турецко-армянских отношениях также в интересах России, поскольку за счет этого усиливается зависимость Армении от России и укрепляется российское влияние не только в Армении, но и во всем регионе.

Армения на сегодняшний день — единственный проблемный сосед Турции. Хотя с 2000 г. на уровне НПО, интеллигенции, журналистов и даже чиновников интенсивно идет армяно-турецкий диалог, дипломатические отношения до сих пор не установлены.

Переговоры по вопросу открытия границы были приостановлены в 1993 г., когда Армения оккупировала районы Азербайджана за пределами территории собственно Нагорного Карабаха. Предполагалось, что из-за закрытия границы оккупация будет носить временный характер. Позиция официального Баку и общественное мнение в Азербайджане гласят, что сохранение статуса-кво, т.е. закрытых границ, необходимо для того, чтобы стимулировать Армению к урегулированию карабахского конфликта, а также для того, чтобы международное

¹ The Azerbaijan-Turkey-US Relationship and its Importance for Eurasia, December 10 2007, Event Summary and Conclusions, organized by Center for Eurasian Policy & Azerbaijan-Turkey Businessmen Association & Central Asia-Caucasus Institute of the Silk Road Studies Program, Washington DC.

сообщество уделяло внимание этой проблеме. Однако в Турции убежденность в правильности такой позиции тает на глазах, поскольку статус-кво сохраняется вот уже пятнадцать лет, но ожидаемых результатов не приносит.

Учитывая, по какому количеству важнейших вопросов турецкие политики в последние годы были вынуждены принимать смелые решения, армянская тематика отошла на задний план. В 2003 и 2004 гг. были приняты решения, ослабившие поддержку правительства со стороны националистических сил. Эти решения касались, в частности, положения на курдонаселенном юго-востоке страны, кипрской проблемы и демократизации в рамках процесса вступления в ЕС. Все они сулили больше выгоды, чем могли бы дать «уступки» в армянском вопросе, а на принятие этих решений правительство израсходовало много политического капитала, требуемого для противостояния националистическим силам внутри страны. Между тем некоторые факторы — в частности, лоббируемые армянской диаспорой резолюции о геноциде, упоминания о Восточной Анатолии как о Западной Армении, а также проблемы с признанием турецких границ со стороны Армении — провоцировали националистические силы и вызывали в Турции обеспокоенность, что за уступками могут последовать требования репараций, тем более, что некоторые деятели в диаспоре уже озвучивали такие требования. Многие турецкие дипломаты считают, что в прошлом международное сообщество в целом ряде вопросов несправедливо обходило с Турцией, и в своих предсказаниях просчитывают самые негативные варианты. У Турции есть постоянное ощущение, что мировое сообщество подвергает ее дискриминации и преследованиям. Многие турецкие дипломаты, чьи коллеги погибли от рук террористов из АСАЛА, возмущены несправедливыми, по их мнению, решениями судов в связи с этими убийствами. Все эти вопросы обязательно поднимаются, как только политики начинают обсуждать нормализацию отношений с Арменией.

В последние годы неурегулированность отношений с Арменией не рассматривалась как одна из самых насущных проблем. С прагматической точки зрения казалось, что наилучшие результаты может дать политика выжидания. Турция продолжит укреплять позиции в Грузии и Азербайджане и развивать связи с Россией, тем временем переговоры по Нагорному Карабаху могут принести плоды, а в Армении будет шириться осознание того, что плохие отношения с Турцией приносят армянам больше вреда, чем пользы. Турция же тем временем будет постепенно двигаться в направлении вступления в ЕС... И с турецкой, и с армянской стороны явно затронута национальная гордость, и хотя на передний план выдвигаются рациональные соображения, эмоцио-

нальные моменты тоже играют свою роль. Оставаясь открытыми для диалога, турецкие политики предпочли не делать резких поворотов. Похоже, что им удобнее сохранять некоторую расплывчатость касательно условий открытия границ, нежели расписывать четкую последовательность шагов для сближения двух стран.

Однако все больше влиятельных фигур в Турции требуют изменения отношений с Арменией. Это либеральные интеллектуалы, бизнесмены, заинтересованные в нормализации отношений, муниципалитеты и организации, представляющие интересы различных групп населения в приграничных с Арменией районах Турции, представители армянского меньшинства в Турции, а также НПО, реализующие двусторонние проекты при поддержке американских и европейских доноров. И в Армении, и в Турции радикальные организации обвиняют сторонников нормализации в недостатке патриотизма. Некоторые проекты пришлось прервать под давлением диаспоры. В среде армянской диаспоры принято оспаривать необходимость армяно-турецкого урегулирования, но и в этой среде есть конструктивный сегмент, что вселяет надежды на будущее.

Азербайджан важен для Турции по целому ряду причин. Стратегически, нефтепровод Баку-Джейхан, строительство которого завершилось в 2006 г., имеет решающее значение для Турции с учетом ее стремления стать энергетическим узлом. В последние годы на первый план вышли и иные экономические связи, и в Азербайджан было сделано немало турецких инвестиций, в частности, в сфере энергетики, строительства, транспорта, банковской сфере и сфере услуг. Объем двусторонней торговли невелик, около 1 млрд. долларов США, вероятно, из-за отсутствия общей границы, кроме как в Нахичевани.

Тюркской солидарности и этнолингвистическим связям придают особое значение турецкие националисты, в результате чего вопрос о двусторонних отношениях с Азербайджаном политизировался, и турецкие либералы стали относиться к проблемам Азербайджана менее сочувственно. Можно сказать, что Азербайджан смог завоевать сердца правых в Турции, но гораздо меньше преуспел в том, чтоб завоевать умы всех остальных. Это отчасти связано с политическим раскладом внутри Турции: в отсутствие идеологических соображений, многие политики мало интересуются связями с Евразией.

Предполагаемый «экспансионизм» Армении вызывает опасения и в Азербайджане, и в Турции; обе эти страны часто становятся мишенью нападок армянской диаспоры, что их в каком-то смысле сблизило на внешнеполитической арене. Об этом свидетельствует, в частности, запущенный в марте 2007 г. проект Совместного форума организаций

азербайджанской и турецкой диаспоры, а также сотрудничество двух диаспор в Вашингтоне и других мировых центрах.

В Турции обучается значительное количество студентов из Азербайджана, многие из которых участвуют в лоббистской деятельности. В Азербайджане открылось немало турецких учебных заведений: 15 средних школ, 11 высших школ и один университет. Выпускники турецких школ имеют право поступать в университеты в Азербайджане. Около 4000 турок сейчас учатся в Азербайджане (в прошлом году квота на поступление турок в азербайджанские вузы составила 1200 человек). В последние годы проводятся программы обмена, направленные на повышение квалификации азербайджанских специалистов в различных областях от муниципального управления до гендерных практик в НПО.

При всем том в отношениях бывают и сбои; на фоне изначально высоких ожиданий, за прошедшие годы было немало разочарований. В первые годы независимости Азербайджана Турции, быть может, удавалось выступать в качестве связующего звена между Азербайджаном и Западом, однако Азербайджану с его огромными запасами энергоносителей и присущим ему стилем дипломатической работы «братская помощь» Турции больше не требуется. Более того, в последние годы были моменты, когда отношения Турции и США становились столь натянутыми, что Азербайджану близость с Турцией скорее повредила бы, чем помогла.

Время от времени проявлявшееся Анкарой снисходительное отношение к Азербайджану как к «младшему брату» отвратило от Турции некоторые сегменты азербайджанской интеллигенции. И если для АКП вопрос тюркской солидарности не так важен, как для националистических партий, то и президент Ильхам Алиев (как когда-то и его отец) тоже не воспринимает этот вопрос в столь романтическом ключе, как его воспринимал, например, предыдущий президент Азербайджана Абульфаз Эльчибей.

Между двумя странами возникали трения, например, в марте 2008 г., когда Турция не пожелала ограничиться транзитной пошлиной на транспортировку азербайджанского газа по проектируемому газопроводу «Набукко». Проблемой становится и потенциальное открытие границ Турции с Арменией. В прошлом были случаи, когда Турция поддерживала предположительно протурецки настроенных оппозиционных лидеров в Азербайджане, однако сейчас Турция ведет себя в таких делах более прагматично и придает большее значение сбалансированному подходу, ориентируясь на устойчивость внешней политики Азербайджана.

При всем том, отношения Турции и Азербайджана в целом остаются близкими и основанными на взаимной поддержке.

Что же касается Грузии, то Анкара последовательно стремится повысить свое влияние в Грузии при всем скептическом отношении к вовлеченности США в поддержке «демократии» в Грузии. После Розовой революции развивались и деловые, и дипломатические контакты двух стран. Впрочем, в турецком внешнеполитическом ведомстве многие возложили на Саакашвили ответственность за недавнее обострение отношений с Россией. Турция оказалась в таком положении, что должна была принять одну из сторон в этом конфликте, чего она изо всех сил пыталась избежать. В распространении анти-Саакашвилиевских настроений свою немалую роль сыграла и абхазская диаспора в Турции.

В связи с обострением российско-грузинских отношений развернулась бурная дипломатическая активность с участием Турции: премьер-министр Эрдоган летал в Москву, Тбилиси и Баку, а министры иностранных дел этих стран приезжали в Турцию. Учитывая проблемы экзистенциального порядка, имеющиеся у Грузии с Россией и у Армении с Азербайджаном, непонятно, как будет реализовываться предложенная Эрдоганом новая Платформа регионального сотрудничества.

Во время кризиса Анкара, руководствуясь Конвенцией Монтрё от 20 июля 1936 г., запретила американским военным судам проплывать через турецкий пролив для доставки гуманитарных грузов в Грузию. Хотя за несколько дней эту проблему удалось более или менее уладить, эта ситуация в очередной раз проиллюстрировала, что Вашингтон в своих отношениях с Турцией постепенно привыкает к мысли о том, что готовность Турции к сотрудничеству не является самоочевидной, и что на Турцию нельзя полагаться как на верного союзника.

Как отмечает Ян Лессер в недавно опубликованной статье «После Грузии: во внешней политике Турции намечаются дилеммы»: «В целом ряде вопросов способность Турции проводить внешнюю политику вширь, а не вглубь, одновременно налаживая отношения с различными партнерами с взаимопроверяющимися интересами, будет резко ограничиваться все более откровенной конкуренцией между Россией и Западом»¹.

С преодолением в последние несколько лет целого ряда противоречий внутри трансатлантического блока, можно ожидать, что НАТО начнет проводить более позитивную политику в отношении как России, так и мусульманских соседей Турции, и это бросит вызов новому характеру турецкой внешней политики.

¹ Lesser J. After Georgia: Turkey's Looming Foreign Policy Dilemmas // The German Marshall Fund of the United States (GMF), August 2008 (http://www.gmfus.org/doc/Lesser_Turkey_Analysis_Final0808.pdf).

С другой стороны, после недавней российско-грузинской конфронтации, а также поступившего со стороны президента Саргсяна приглашения президента Гюля на отборочный матч по футболу в Ереване 6 сентября 2008 г., в Турции зазвучали мнения, что Турции необходимо скорее рано, чем поздно нормализовать отношения с Арменией. В результате могут пробудиться инициативы в этой сфере, которых до сих пор было явно недостаточно.

АЗЕРБАЙДЖАН - РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ВО ВЗРЫВООПАСНОМ РЕГИОНЕ И СЛЕДУЮЩИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЮЖНОГО КАВКАЗА

ХИКМЕТ ГАДЖИ-ЗАДЕ

С развалом СССР и обретением независимости бывшими советскими республиками процессы их внутренней трансформации, интеграция и конфликты между ними, а также интеграция и конфликты между ними и соседями бывшего СССР по своей значимости постоянно находятся в фокусе внимания аналитиков и международной общественности. Если республики Балтии довольно быстро трансформировались в демократические государства и интегрировались в евро-атлантические структуры, то будущее стран Южного Кавказа и его соседей – России, Турции и Ирана – остается неопределенным. Сегодня страны Южного Кавказа, каждая из которых активно стремится к установлению новых мирохозяйственных связей, пока не в состоянии разрешить ни внутриполитические противоречия, ни имеющиеся между ними конфликты. Несмотря на это, региональная экономическая кооперация стран Южного Кавказа со своими соседями набирает темп. Однако, как сегодняшние проблемы, так и непредсказуемое «завтра» вышеперечисленных стран оказывают существенное отрицательное воздействие на их социально-экономическое развитие и межгосударственное сотрудничество.

Южный Кавказ и Новый Мировой Порядок

Сегодня процессы внутренней трансформации и развитие политической и экономической интеграции стран Южного Кавказа и их соседей находятся под воздействием новых мировых реалий, таких как война с международным терроризмом, борьба с распространением ядерного оружия, глобальный кризис ресурсов, предсказанный в докладе Римского клуба «Пределы роста» (1972)¹, а двести лет назад в «Опыте закона о народонаселении» Томаса Мальтуса (1796)². Существенное воздействие на состояние Южного Кавказа оказывают также

¹ Meadows D. H., Meadows D. L., Panders J., Behrens W.W. The Limiting to Growth. N.Y. Potomac. 1972.

² Антология экономической классики. М., 1993. Т.2. С.5 - 136.

усиливающиеся противоречия между демократическими и авторитарными сверхдержавами, наращивающими усилия по распространению своего влияния в данном регионе. И как бы это ни было непривычным для простого кавказского человека, но сегодня он все больше убеждается в том, что «никто не остров...», а события вокруг северокорейской атомной бомбы имеют влияние на разрешение и карабахского конфликта.

Я далек от мысли сваливать всю вину за межэтнические конфликты и проблемы интеграции на Южном Кавказе на внешние силы, но всё же берусь утверждать, что эти конфликты не будут разрешены, пока многочисленные спорные вопросы между странами НАТО с одной стороны и Россией, Китаем и Ираном с другой, имеющиеся в самых разных точках планеты, не будут разрешены. Ярким примером тому может служить вето, наложенное Россией на санкции ООН против репрессивного режима в Зимбабве в июле 2008 г. в отместку за разворачивание противоракетной системы США в Чехии и за другие действия Запада, не принимающего в расчет российские интересы в различных точках планеты.

Ожидания предсказанной Ф.Фукуямой мировой эры либерализма и безоблачного международного сотрудничества¹, которая должна была наступить сразу после окончания Холодной войны, завершились эрой постоянной тревоги за разгоревшиеся конфликты между бывшими советскими республиками; увеличилась также напряженность между ними и соседями бывшего СССР. С сожалением следует отметить, что сегодня Южный Кавказ и его соседство - самый взрывоопасный после Ближнего Востока регион в мире.

Политическая интеграция в регионе

Высказанные в начале 1990-х гг. пожелания о всесторонней южно-кавказской интеграции сегодня забыты, вместо них странам Южного Кавказа были предложены две взаимоисключающих направления интеграции и выбор одной из двух соперничающих систем международной безопасности: либо тесный всесторонний союз с Россией (ОДКБ), либо интеграция в евро-атлантические структуры (Совет Европы, НАТО и Европейский Союз). Откладывать этот выбор с каждым годом становится все сложнее, ибо и НАТО неуклонно приближается к границам региона, и Россия, получив большие нефтяные деньги, значительно активизировалась на Южном Кавказе.

¹ *Fukuyama F. The End of History // The National Interest, Summer 1989.*

Сложно говорить о политической интеграции и сотрудничестве, когда в результате вышеперечисленных факторов мы наблюдаем в регионе почти хрестоматийную картину «войны всех против всех»:

- Армения воюет с Азербайджаном из-за Карабаха;
- Грузия серьезно конфликтует с Россией из-за Абхазии и Южной Осетии;
- Россия оказывает давление на всех своих соседей с целью вернуть их под свое влияние;
- Азербайджан имеет противоречия с Ираном и Туркменистаном из-за нефтяных месторождений на Каспии;
- Иран пытается распространить на Азербайджан идеи исламской революции;
- Северный Азербайджан «видит во сне» объединение с Южным (иранским) Азербайджаном;
- Армения предъявляет территориальные претензии ко всем своим соседям, кроме Ирана.

В значительной мере сотрудничеству в регионе препятствуют и внутренние проблемы вышеперечисленных стран: проблемы с демократией, отсутствие гарантий прав и свобод человека¹ и в том числе экономической свободы, коррупция, плохие условия для местного бизнеса и иностранных инвестиций²...

Не ясен до конца и выбор странами Южного Кавказа одной из двух соперничающих систем международной безопасности. Хотя кажется, что Грузия однозначно выбрала путь на интеграцию в евро-атлантическое сообщество и подала заявку на вступление в НАТО, однако возрастающее противодействие России такому решению может поставить Грузию перед трагичным выбором: вернуться под влияние России или же потерять значительную часть своей территории.

Такая дилемма в конкретной форме уже встала перед Молдовой, и я хотел бы подчеркнуть, что подобный же по сути проект может быть предложен всем стремящимся на Запад республикам СНГ. Как сообщило информационное агентство «Интерфакс»³, в соответствии с уже согласованным между Западом, Россией и Украиной проектом по урегулированию приднестровского конфликта, Молдова должна выйти из ГУАМ, прекратить движение в сторону НАТО и перестать думать об объединении с Румынией. В этом случае Москва должна будет способ-

¹ Freedom House, Freedom in the World // www.freedomhouse.org/template.cfm?page=15.

² Transparency International, Corruption Perceptions Index, 2007 // www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2007.

³ Сообщение ИА «Интерфакс», 04.07.2008.

ствовать возвращению Приднестровья в состав Молдовы. Приднестровье получит статус республики в составе Молдовы со своей Конституцией, с правом законодательной инициативы для Верховного совета Приднестровья, правом на выход Приднестровья из состава Молдовы в случае потери ею международной правосубъектности. Парламент Молдовы будет на 20% состоять из приднестровских депутатов. Молдова должна стать нейтральным, демилитаризованным государством. Как заявил 20 июня по Кишиневскому ТВ президент Молдовы В.Воронин: «Россия, Украина и Запад после долгих и многочисленных переговоров договорились о скорейшем окончательном решении приднестровского вопроса». Кроме того, ранее президент Воронин заявлял, что если для урегулирования приднестровского конфликта необходим выход Молдовы из ГУАМ и отказ от намерения вступить в НАТО, то Кишинев пойдет на такой шаг...

Приведенный выше мирный проект по Приднестровью, который можно условно назвать «Мир в обмен на нейтралитет», является на сегодняшний день единственным проектом, удовлетворяющим все заинтересованные стороны конфликта за всю историю постсоветских сепаратистских конфликтов. Кроме того, «Мир в обмен на нейтралитет» видится как альтернатива трудному для стран Южного Кавказа и Украины выбору между ОДКБ и НАТО.

Будет ли предложен такой проект Грузии, и согласится ли Грузия с таким проектом, покажет будущее, ведь Грузия уже проделала большой путь в направлении евро-атлантического сообщества, в стране даже создали министерство, которое занимается вопросом интеграции этой страны в Североатлантический блок. Кроме того, с лета 2008 г. мы видим усиливающуюся поддержку Грузии Западом в ее конфликте с Россией: Запад решительно осудил полеты российских самолетов над Грузией¹ и подержал Грузию в вопросе замены российских миротворческих сил в Абхазии на международные².

Будет ли предложен подобный проект Азербайджану в карабахском вопросе и согласится ли Азербайджан с проектом «Мир в обмен на нейтралитет»? На второй вопрос мы можем с большей вероятностью ответить – согласится. Ведь, несмотря на продекларированную внешнюю политику, ориентированную на вхождение в евро-атлантическое сообщество, Азербайджан на деле старается вести «сбалансированную

¹ ИА Интерфакс // www.interfax.ru/politics/news.asp?id=21391.

² РИА-Новости // www.rian.ru/world/20080605/109262703.html.

политику» между Россией и Западом, стараясь без потери суверенитета удовлетворить экономические и стратегические запросы обоих. В результате, как лидеры США, так и России время от времени провозглашают Азербайджан своим стратегическим партнером.

Азербайджан не желает вступать в ОДКБ, однако к любой просьбе России относится с большим вниманием. Так, например, Азербайджан отказался от оказываемой им ранее поддержке сепаратистских движений на Северном Кавказе; несмотря на слабое техническое оснащение, Россия получает долю в азербайджанских нефтяных проектах. Азербайджан идет навстречу России в вопросе транспорта части своих энергоресурсов через российскую территорию. Однако, построив нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, Азербайджан всё же вывел каспийские энергоресурсы на мировые рынки, минуя Россию. Или же, например, Азербайджан отказывается прекратить по требованию России свою помощь Грузии¹, которая является для Азербайджана единственной дорогой к мировому океану.

Азербайджан тесно сотрудничает с Западом в сфере нефтедобычи и доставки своих энергоресурсов к европейскому рынку. Страна также является активным партнером Запада по антитеррористической коалиции – предоставляет свои аэродромы для полетов самолетов НАТО в Афганистан; посылает своих солдат для миротворческих операций в Ирак и Афганистан; участвует в таких программах НАТО, как «Партнерство во имя мира» и «План действий индивидуального партнерства». В основу своих взаимоотношений с Западом Азербайджан положил так называемую «нефтяную дипломатию», надеясь, что взамен предоставленных Западу возможностей в энергетической сфере страна получит такую же поддержку Запада в карабахском вопросе, какую Армения получает от России. Однако добиться ожидаемой поддержки Запада не удалось: несмотря на заверения в стратегическом партнерстве с Азербайджаном, воевать с Россией из-за Карабаха Запад отказался. «Нефтяная дипломатия» не смогла даже привести к окончательной отмене санкций Конгресса США против Азербайджана, принятых в 1993 г. (907-я поправка к «Акту в поддержку свободы») или урезанию помощи США для Армении и Нагорного Карабаха. Все вышеперечисленное, безусловно, стало одной из главных причин охлаждения отношений Азербайджана к Западу и, в частности, к членству в НАТО. Как заявил президент Ильхам Алиев в своем интервью 20 марта 2008 г. агентству «Интерфакс-Азербайджан»: «На сегодняшний день уровень нашего сотрудничества с НАТО нас устраи-

¹ ИА Прайм-ТАСС // www.prime-tass.ru/news/show.asp?ct=articles&id=1425.

вает. Что будет дальше, как будут развиваться события в мире, каковы будут процессы в нашем регионе, — это сказать трудно. Поэтому, исходя из сегодняшней ситуации, вопрос о членстве Азербайджана в НАТО не стоит»¹.

Как видно, Азербайджан не спешит в НАТО, и вполне был бы готов принять проект «Нейтралитет в обмен на мир» в Карабахе. Но весь вопрос в том — предложит ли Россия Азербайджану такой план? Ведь есть и еще одна причина, по которой Азербайджан не спешит в евроатлантические структуры, ведь членство в них требует от страны глубоких демократических преобразований — установления в обществе политического плюрализма, уважения прав человека, верховенства закона, свободного рынка и социальной справедливости, а все эти требования несут в себе угрозу авторитарному режиму страны. Согласно ежегодному отчету Freedom House «О состоянии свободы в мире (2007)»² Азербайджан помещен в разряд «несвободных стран», а согласно отчету Transparency International за 2007 г.³ назван среди самых коррумпированных стран мира. С такими показателями в евроатлантические структуры не вступишь. Придется либеральные реформы проводить, с коррупцией бороться и что самое неприятное — провести, наконец, честные выборы... А этого пока в планах нынешнего правительства страны не намечается. Касаясь критики международного сообщества о состоянии свобод в Азербайджане, президент И.Алиев, выступая в 8 июля перед главами дипломатических миссий Азербайджана за рубежом, заявил: «Азербайджан не нуждается в финансовой поддержке и рекомендациях международного сообщества... и не допустит вмешательства во внутренние дела страны. Пусть те, кто говорят, что «в Азербайджане что-то неправильно», посмотрят в зеркало и на свои страны... Азербайджан имеет обязательства перед международными организациями и выполняет их... Но если кому-то невыгодно наше пребывание в этих организациях, пусть скажут прямо. Что будет, если мы не будем в международных организациях? Азербайджан не пропадет»⁴.

Итак, ни внешние (политика баланса между Западом и Россией), ни внутренние (несвободная страна) факторы не способствуют активному продвижению Азербайджана в НАТО, и Россия это знает. Как

¹ ИА «Интерфакс-Азербайджан» // www.interfax.az/index.php?option=com_content&task=view&id=18570&Itemid=9.

² Freedom House, Freedom in the World // www.freedomhouse.org/template.cfm?page=22&year=2007&country=7129.

³ Transparency International, Corruption Perceptions Index (CPI) 2007 // www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2007.

⁴ Сообщение информагентства TURAN, Баку 08.07.2008.

видно из вышеприведенного отрывка речи Ильхама Алиева, ради сохранения власти нынешний режим готов даже отказаться от участия в международных организациях. Соответственно, предлагать Азербайджану проект «Нейтралитет в обмен на мир в Карабахе» не имеет смысла, ибо Азербайджан и так нейтрален, и менять эту политику пока не собирается.

Кажется, что Армения в выборе между Западом и Россией заняла наиболее четкую позицию. Армения – член ОДКБ, имеет военные базы России на своей территории, армянские границы охраняются совместными армяно-российскими подразделениями, почти вся энергетика и крупная индустрия страны за долги были переданы России. Однако события вокруг последних президентских выборов в Армении показали, что в армянском обществе нарастает недовольство односторонней ориентацией страны на Россию. Оппоненты нынешней власти указывают на тупиковость подобного внешнеполитического курса для развития страны и, поскольку нынешним армянским властям подавить или лишить общественной поддержки прозападную оппозицию так и не удастся, то мы можем ожидать в будущем смены как армянского правительства, так и курса на безусловную ориентацию на Россию. Армения во имя своего развития должна выйти из изоляции, и это понимание в армянском обществе растет. Уже сегодня мы наблюдаем попытки нынешнего правительства Армении нормализовать свои взаимоотношения с Турцией¹.

Таким образом, вероятность смены Арменией вектора интеграции хоть и невелика, но все же имеется. Можно также надеяться, что если НАТО обоснуется в Грузии и придаст импульс развитию этой страны, то это, безусловно, окажет свое влияние на состояние умов в армянском обществе.

Политика против экономики

Пока промышленность стран Южного Кавказа и его соседей недостаточно развита для всевозможного сотрудничества, главной движущей силой интеграции в регионе являются каспийские энергоресурсы и уникальное географическое расположение Южного Кавказа, через который проходят пути с Востока на Запад и с Севера на Юг Евразии. Главной же проблемой для этих интеграционных процессов являются этнические конфликты и отсутствие сложившейся внешней и внутренней политики рассматриваемых стран.

¹ Новостной портал Day.Az, <http://day.az/news/armenia/124803.html>

Наблюдая за осуществлением взаимовыгодных межгосударственных промышленных и транспортных проектов, мы видим постоянные проблемы, порождаемые внутри- и внешнеполитическими факторами. К счастью, политические проблемы так и не смогли остановить межгосударственные экономические проекты, но привели к резкому их удорожанию:

- в начале 1990-х гг. Россия всячески препятствовала подписанию нефтяных контрактов между Азербайджаном и западными транснациональными корпорациями, дело дошло даже до поддержки государственного переворота в Азербайджане в 1993 г., но контракты все же были заключены, хотя и на менее выгодных условиях для Азербайджана как для страны с высокой степенью риска;
- Россия, Туркменистан и Иран в середине 1990-х гг. подняли вопрос о границах на Каспии и принадлежности нефтяных месторождений, а Иран даже посылал военные корабли к азербайджанским нефтяным платформам на море. Но вскоре Россия согласилась с азербайджанским вариантом деления Каспия и сегодня нефтяные разработки на море продолжаются, хотя и в достаточно нервной обстановке;
- Азербайджан настоял на исключении Армении из проекта строительства нефтепровода Баку-Джейхан и железной дороги Баку-Карс, что привело к значительному удорожанию этих проектов и укреплению изоляции Армении;
- Азербайджан блокирует участие Армении в создании кольцевой энергоцепи, в которую должны войти также Турция, Грузия, Иран, Россия и, возможно, Туркменистан¹;
- Армения предъявляет претензии на азербайджанский Карабах и грузинскую Джавахетию, а также приграничную территорию Турции и, вследствие этого, находится в недружественном окружении и фактической транспортной блокаде;
- проект железной дороги «Север-Юг», по которому грузы из Европы через Россию, Азербайджан и Иран должен поступать в третьи страны, так и не был запущен, ибо столкнулся с проблемой непредсказуемости и нестабильности Ирана²;
- Россия ввела запреты на торговлю и ужесточение визового режима в отношении Грузии и старается убедить Азербайджан отказаться от поставок дешевого газа в Грузию, однако пока безрезультатно;

¹ Газета «Эхо» Online, Азербайджан, <http://echo-az.info/politica01.shtml>

² Газета «Эхо» Online, Азербайджан http://www.echo-az.com/archive/2007_06/1589/economica03.shtml

- Турция подписывала, денонсировала, меняла и вновь подписывала проекты по покупке и транспорту иранского газа¹;
- сегодняшнюю Турцию продолжают сотрясать правительственные кризисы, борьба с курдским терроризмом, а самое главное - появилась уже не гипотетическая угроза развитию светской модели этой страны, что, безусловно, не способствует притоку инвестиций в страну;
- Россия оказывает дипломатическое давление на Азербайджан, Туркменистан и Казахстан с целью предотвратить самостоятельную (в обход России) продажу Европе своих энергетических ресурсов этими странами;
- Россия с легкостью нарушает любое межгосударственное экономическое соглашение из имперских соображений, как это было в случае нефтегазовых противоречий с Туркменистаном, Казахстаном и Азербайджаном и западными импортерами²;
- усиливаются экономические санкции западных стран против Ирана, вызванные программой по обогащению урана;
- всеобщая коррупция и отсутствие правовых гарантий для частного бизнеса отталкивает инвесторов от Азербайджана...

Очевидно, что интеграция и развитие вышеперечисленных стран могло бы идти гораздо эффективнее и более быстрыми темпами, если бы они имели стабильное «сегодня» и предсказуемое «завтра».

Следующие десять лет – оптимистический сценарий

Следующие десять лет внутривосточных и интеграционных процессов на Южного Кавказа будет проходить на фоне таких глобальных процессов, как увеличивающаяся нехватка природных ресурсов и усиливающаяся конкуренция Запада и России за доступ к этим ресурсам, что может еще больше усугубить напряженность в регионе. Адекватных альтернативных источников энергии мировой наукой найдено не будет. И если страны Южного Кавказа к этому времени не смогут создать эффективных демократических государств, то регион будет продолжать оставаться одной из главных конфликтных зон планеты.

- *Вероятно падение роли ООН* в урегулировании международных конфликтов и усиление несогласованных с ООН международных операций, как со стороны НАТО, так и России;

¹ Время Новостей Online, <http://www.vremya.ru/2002/167/8/26936.html>

² Радио Свобода Online <http://www.svobodaonline.ru/Article/2008/07/14/20080714195222660.html>

- *Движение НАТО на Восток* будет продолжаться, и Украина с Грузией станут если и не официальными, то фактическими членами НАТО;
- *Российские нефтяные доходы* позволят стране продолжать нынешнюю внутреннюю и внешнюю «национал-патриотическую» политику. Страна по-прежнему будет находиться в руках у так называемой путинской команды;
- *Иранская ядерная программа* усилиями международного сообщества будет остановлена. Кроме того, в обмен на сохранение нынешнего режима, Иран прекратит поддержку террористической активности в палестинско-израильском конфликте, Ираке и Афганистане;
- *Иран сохранит свою целостность*, но режим мулл внутри страны будет ослаблен;
- *Гражданская война в Ираке завершится* – Ирак станет федеративным государством с прозападным, квазидемократическим режимом (подобным египетскому);
- *Главной проблемой Турции* будет соединение свободы и религии, то есть заключение некоторого пакта о толерантности между религиозной и светской частью турецкого общества;
- *Кипр объединится* и станет полноправным членом Европейского Союза;
- *Турция так и не сможет* вступить в Европейский Союз;
- *Независимое курдское государства* на землях Ирака, Ирана и Турции создано не будет;
- *На Ближнем Востоке* настанет мир;
- *После этого взоры международного сообщества* будут обращены к Южному Кавказу, который все еще будет оставаться зоной соперничества между Западом и Россией;
- *Карабахский, абхазский и юго-осетинский* конфликты разрешены не будут;
- *Нынешнее грузинское демократическое правительство* сможет выстоять против российского давления и успешно разрешит внутренние противоречия;
- *В Армении* правящий режим сменится, Армения более активно будет искать мира с Азербайджаном и Турцией, однако страна все еще будет находиться под сильным влиянием России;
- *Азербайджан* будет продолжать получать баснословные доходы от своих энергоресурсов и сможет транспортировать их на мировые рынки. Нефтяные доходы и репрессивная внутренняя политика позволят нынешнему режиму в стране предотвратить социальные конфликты и сохраниться у власти. В международных

отношениях проверенная временем «политика баланса» между Западом и Россией будет продолжена. Конечной целью режима будет трансформация страны в нечто подобное нефтяным монархиям персидского залива. По-видимому, перемены в Азербайджане возможны только при уменьшении огромных доходов от нефти (чего в ближайшие 10 лет не произойдет) и окончательной победы в регионе одной из конкурирующих глобальных сил — Запада или России.

Пессимистический сценарий

- *Иран* создает свою атомную бомбу и шантажирует Израиль, соседние страны, а также угрожает нефтяному производству в Персидском заливе;
- *В Ираке* продолжается гражданская война;
- *В Турции* чередуются хаос - военный переворот — хаос;
- *Начинается региональная война* за независимый Курдистан;
- *Армения и Азербайджан* возобновляют широкомасштабные военные действия;
- *Россия заставляет Грузию* и Азербайджан вернуться под свое влияние;
- *Страны Южного Кавказа* продолжают бездумное экстенсивное развитие, экологическая ситуация подорвана, в Каспии кончилась осетрина (но будем надеяться, что последнего не произойдет).

Этот пессимистический сценарий представляется маловероятным. Запад будет всемерно противодействовать такому сценарию, ибо на фоне разрастающегося глобального энергетического кризиса возлагает большие надежды на каспийскую нефть.

АРМЕНИЯ И КАВКАЗ: ПЕРЕКРЁСТОК ИЛИ ТУПИК?

ГЕВОРГ ТЕР-ГАБРИЕЛЯН

1. Диагноз

Армения стала независимой страной довольно неожиданно: в 1988 году карабахское движение началось под лозунгом «Ленин, партия, Горбачёв». В марте 1991-го, во время проведения общесоюзного референдума, хотя Армения в нём и не участвовала, большинство армян и мысли не могло допустить, что Советского Союза вскоре не будет. В сентябре 1991-го, когда произошёл референдум в Армении, народ голосовал на эмоциях, как часто и бывает. Среди всех политических сил, образовавшихся в те годы, только немногочисленные и крайние силы смели открыто пропагандировать независимость, отделение Армении от Советского Союза, например, Паруйр Айрикян. К моменту превращения карабахского движения в АОД (Армянское общенациональное движение) некоторые его лидеры, такие, к примеру, как Вазген Манукян, уже понимали и преподносили резоны того, почему и как Армения станет независимой. Их аргумент был прост: не мы оставляем Союз, а Союз оставляет нас, вернее, Россия покидает нас, и это неизбежный процесс. Диаспора наивно радовалась национальному возрождению Армении, но и не вмешивалась в статусные вопросы в тот период.

В отличие от, например, балтийских стран, Армения хотя и организовала референдум по вопросу суверенитета, но реально получила независимость из-за подписания лидерами России, Украины и Беларуси Беловежского соглашения. И в отличие от балтийских стран, у нее не было никакого расчёта на государственном уровне по поводу того, каковой будет эта независимость, на чём она будет базироваться, как будет Армения выживать. Было много риторики, но мало реальных идей. Развитие карабахского конфликта продолжалось, и конфликт превратился в полномасштабную войну с майскими событиями 1992 г., когда во время встречи президентов Армении и Азербайджана в Тегеране, где иранские власти предлагали посредничество, произошло взятие крепости Шуши.

Итак, с одной стороны - отсутствие сколько-нибудь чётко разработанного проекта, с другой стороны - «унаследованная» ещё со времён перестройки война с Азербайджаном: вот с чего началась независимость Армении.

А как же насчёт проекта? Был план АОД, сформулированный Вазгеном Манукяном: прощай, Россия, и да здравствует Турция. У страны не должно быть постоянных друзей и врагов. В экономике его план был столь же радикален: раздать общественную собственность частным лицам и начать рыночную игру с нуля, с чистого поля.

Но в политике Армении возобладали иной подход: подход «баланса», или так называемой «комплементарности». Турция отказалась развивать отношения с Арменией, и тогда двумя основными игроками, с которыми Армения развернула свои отношения, остались Россия и США (с Ираном всё стало сложнее после взятия Шуши). Конечно, Европа тоже играла большую роль, тем более Франция со своей армянской диаспорой. Диаспора вывезет - вот основное допущение, которое «позволило» Армении смело кинуться в независимость вкуче с войной, не имея никакого проекта, кроме национальной мифологии. И действительно, диаспора вывезла: много добровольцев поехало воевать в Карабах. Открылись посольства в главных странах с помощью диаспоры. Кое-какие контакты были установлены. Но на этом диаспорное чудо и закончилось: никаких сногшибательных инвестиций в Армению не стало поступать благодаря диаспоре. И не сказать, что диаспора мало вкладывала в Армению, но вкладывала неорганизованно и необдуманно, по одному, поэтому итог её вложений оказался меньше, чем должна была бы быть сумма всех вложений. Ситуация усложнилась конфликтом президента Тер-Петросяна с партией Дашнакцутюн: он запретил эту партию на территории Армении и объявил её заговорщической, пытающейся свергнуть легитимную власть. Это, конечно, имело негативные последствия среди диаспоры: она раскололась и стала ещё менее единой, чем ранее. Более или менее организовать её для нужд Армении оказалось в эпоху Тер-Петросяна невозможно, в частности из-за его конфликта с дашнаками.

Армения, как и большинство республик СССР, была невинно корумпирована до распада Союза: общественное добро разворовывали кому не лень, взяточничество цвело. Коррупция перешла, как наследие, независимой Армении и усугубилась трудными экономическими обстоятельствами: коллапсом энергетических инфраструктур из-за войны, блокады и перехода на рыночные цены. Итог: годы холода и темени, и выезд из Армении трети населения. Но к сугубо экономическим трудностям прибавилась позиция Комитета «Карабах» и новых властей независимой Армении, которые, продолжая установку на радикальные и циничные изменения, объявляли, что Армения не может прокормить своё население, что она приспособлена под жизнь только половины этого населения (следовательно, делался имплицитный вывод, другая половина должна уезжать). Люди уезжали не только из-за экономических трудно-

стей, но и из-за цинического презрения к их участи со стороны неопытных властей и объявления во всеулышание об этом презрении.

Подведём итог: президент, не желающий воевать с Азербайджаном — и полномасштабная и притом победная война. Благороднейший порыв всей нации встать на защиту сородичей в Карабахе - и психологическая коррумпированность той же нации до мозга костей в обычной, мирной жизни. Желание уйти подальше от России и заключение военно-стратегического пакта с ней, в дальнейшем укрепившегося всеми возможными явными и тайными экономическими сращиваниями. Нагорный Карабах делает всё необходимое, чтобы иметь все атрибуты независимого государства, но Армения его не признаёт. Но и полностью официально не аннексирует. Объявление Карабаха стороной конфликта и отказ от этого после того, как карабахец Кочарян стал президентом Армении. Армения полагается на диаспору, но приносит невиданный в неё раскол. Подписание всех наиболее гуманистических международных пактов и нарушение ряда международных правил ведения войны. Желание установить добрососедские отношения с Турцией и в то же время мушкетирование темы геноцида. Оценка Грузии как единственного (кроме Ирана, доступ в который ограничен) доброго соседа и сухопутного пути и проблемы в Джавахетии с армянским населением (уж не считая Абхазии). Превозношение древних ценностей и в то же время желание быть конкурентоспособной и прогрессивной страной в быстро меняющемся глобальном мире, наивная вера в то, что можно стать «региональным финансовым центром», «кавказским тигром». Наконец, победоносная война с Азербайджаном и, как итог, многолетняя институциональная блокада и невозможность превратить итоги этой военной победы в дивиденды мирного времени.

Что мы видим из этой картины? Радикальная противоречивость призывов к действию? Да. Масштаб проблем превосходит возможности национальной идеологии их преодолеть? Быть может.

Поэтому-то, несмотря на критику властей Армении всех эпох, я придерживаюсь мнения, известного в кругах успешных менеджеров, которое заключается в следующем: если бы Арменией управляли гениальные менеджеры, они бы улучшили эффективность её управления процентов на 20 или 30, не более. А если бы улучшили процентов на 15, то уже было бы здорово. То есть сделать лучше, чем сделано, было очень трудно, почти невозможно, учитывая стартовые условия. Но это не значит, что менеджмент Армении всех эпох можно извинить за то, что они не делали лучше. Должны были.

Добавим в вышеприведённый список противоречий также и то, что помощь международного сообщества Армении была невиданно масштабной. В итоге этой помощи сложились целые слои населения, живущие в симбиозе с системой международных связей: грантов, доноров, междуна-

родных организаций, европейских ценностей и т.д. В офисе Омбудсмана работает 42 человека, и ни один закон не идёт из правительства в парламент, не пройдя через экспертизу офиса Омбудсмана. Некоторые законы, как, например, Закон о праве на информацию, являются самыми прогрессивными в мире. Это с одной стороны. А с другой – процессы выборов полностью коррумпированы и оркеструются. В итоге эта, в общем-то, добрая страна, где живут не очень-то воинственные люди, испытала не только кровавый шок карабахской войны, но и такие шоки, как террористический акт 1999 г., когда Наири Унанян и его группа вошли в парламент вооруженные и расстреляли ряд политических деятелей, и события первого марта 2008 года, когда спецназ, армия и милиция, кто - я не знаю, напали на демонстрантов, которые уже переставали быть мирными, и в потасовке было убито 10 человек. Обратим внимание: не считая напряжённых событий в войнах с Южной Осетией, Абхазией и Россией, в Грузии сугубо политические потасовки обходятся без человеческих жертв, начиная с гражданской войны 1991 г. Многолетнее уже политическое противостояние в Украине тоже обходится без жертв. Политические процессы с масштабными человеческими жертвами происходят в Чечне, в Осетии, в Дагестане, в центрально-азиатских странах...

Наконец, противоречия армянской диаспоры: в своих странах эти добропорядочные граждане не дают взятку, а в Армении считают, что на родине это так и должно быть, и дают. Распространяя гуманитарную помощь, они развращают местных жителей, объявляя, что те могут её разворовывать, ибо ведь все несчастны... В соответствии с данными государства, только три процента старой Диаспоры за 15 лет независимости хоть раз посетили Армению. А между тем, попробуй только Армения откажись на общественном или государственном уровне от риторики национализма, от риторики «наших земель» - все 100 процентов старой Диаспоры, включая посетивших 3 и не посетивших 97, поднимают шум.

Эти противоречия типичны для Армении, хотя противоречия, пожалуй, типичны также и для любых стран и государств. Но как бы то ни было, таков диагноз.

2. Тенденция

Я начал писать эту статью до августовских событий в Южной Осетии, а заканчиваю после. Соответственно, мои и не только мои невесёлые прогнозы подтверждаются. В первом варианте статьи я писал о том, что тенденция на Кавказе характеризуется всё усиливающейся попыткой изничтожить на корню специфические кавказские образования, самые сильные из которых мы называем «непризнанными государствами». Первым таким опытом явилась вторая русско-чеченская война. Для то-

го, чтобы понять, о чём она была, следует иметь в виду, что первая война началась и закрутилась, в частности, в контексте распада СССР и в ситуации неподготовленности основного населения СССР к процессам распада и его последствиям. Так же, как Армения вступила в независимость неподготовленной, и оказалась в войне с Азербайджаном довольно неожиданно, и также и Чечня оказалась в первой войне с Россией довольно неожиданно. Вторая чеченская война развернулась предсказуемо, как запланированная реакция России на первую и её последствия. Повод второй войны, быть может, и не был полностью запрограммированным - поход Басаева в Дагестан. Но развёртывание второй войны уже было вполне запрограммированным, и более того, готовилось задолго. После Хасавюртовского мира, позволившего наблюдателям отметить, что истинно миротворческий дух присущ всё же некоторым российским деятелям - в данном случае генералу Александру Лебедю - Россия изолировала Чечню. Чечня, в свою очередь, оказалась неспособной воспользоваться передышкой и построить протогосударственные органы, обладающие выживаемостью. Она постепенно перерождалась в анархическую территорию, где различные группировки практически бандитствовали, борясь друг с другом, где культивировались наиболее реакционные элементы шариата («ваххабизм»), и где процветала экономика похищения людей. Мировой контекст всё больше прислушивался к опасности терроризма, и после 11 сентября 2001 года симпатии мировой ответственности отвернулись от любых сил, хоть в малейшей степени ассоциирующихся с исламским терроризмом. Так Чечня, благодаря изоляционистской политике России, потеряла поддержку среди тех, кто симпатизировал ей вначале.

В процессе второй чеченской войны России удалось постепенно сменить дискурс вокруг этой войны - очень трудная, но важная задача - и из войны между непризнанным государством и бывшей метрополией эта война превратилась в операцию по уничтожению террористов и нелегальных вооружённых формирований. Одновременно война сопровождалась ужесточением режима по всей России и в частности на Северном Кавказе - ограничение свободы слова, нападки на неправительственные организации и на зарубежных доноров, распад национально-этнических «клубных» неправительственных образований на Северном Кавказе традиционалистского толка, типа «Адыги Хассы» (Россия боялась таких организаций со времён Конфедерации горских народов Кавказа). Если в остальных вопросах России удалось ужесточить режим, она разгромила потенциальные источники беспокойства, то именно в вопросе необходимости справиться с терроризмом и нелегальными вооружёнными формированиями Россия получила несколько очень существенных ударов, в частности «Норд Ост» и Беслан. Беслан позволил России завершить рас-

формирование потенциальных источников опасности и формирование жёстко авторитарной вертикальной системы, уже без всякого стеснения превратив Северный Кавказ в милитаризованную зону, расформировав его административно (включив его в Южный федеральный округ, занимающий огромную территорию над Северным Кавказом и со столицей в Ростове), и заодно избавившись от выборности лидеров членов Федерации, в частности, республик Северного Кавказа. Однако гарантий стабилизации обстановки на Северном Кавказе не видно, кавказские народы размножаются, и хоть и выезжают оттуда, но их всё равно много на Северном Кавказе, и в любой момент ослабления хватки центра там возможны новые брожения и взрывы, тем более в контексте процесса исламизации, который продолжается усиленными темпами. Итак, временный успех ценой огромных человеческих жертв и разгрома целых наций, однако никаких гарантий на стабильность - вот результат российской политики последних лет.

Аналогично России начал поступать молодой новый лидер Грузии - Михаил Саакашвили, придя к власти в итоге так называемой Розовой революции. Его первым крупным успехом - и второй, после предвыборной кампании, резко-волевой акцией - было покорение Абхазии и изгнание оттуда Абашидзе. Однако второй его поход - поход лета 2004 г. против Южной Осетии - не увенчался успехом. Несмотря на это, он совершил ряд других акций по остановке распада своей страны, как-то: разгром Эргнетского рынка; создание «кооперативного правительства» Южной Осетии под руководством Дмитрия Санакоева; покорение верхней части Кодорского ущелья, укрепление там, и создание концепции «Верхней Абхазии», в соответствии с которой так называемое «де-факто правительство Абхазии» (по-грузински) или «правительство в изгнании» (как его называют чаще всего), т.е. структуры, этнически грузинские, которые или являли собой госструктуры советского времени, изгнанные из Абхазии в итоге конфликта, или наследники этих госструктур, из центра Тбилиси были переселены в «Верхнюю Абхазию», хотя бы формально, т.е. поближе к «дому». Раскол «целостности» Абхазии и Южной Осетии - важный трюк в арсенале борьбы за власть. Таким же трюком - и очень значительным - явилось приравнивание деятельности по восстановлению территориальной целостности Грузии к демократизации и борьбе с коррупцией. Так, Эргнетский рынок представлял собой нерегулируемый государством симбиоз грузино-осетинского взаимовыгодного сотрудничества. Разгромив его, Саакашвили фактически снизил значимость этого сотрудничества и дал толчок укреплению антигрузинских настроений среди осетин. Однако он это сделал, так же как и покорение Абхазии, под идеологией демократического похода по Грузии и борьбы с коррупцией.

Приравнивание непризнанных образований к «чёрным дырам», источникам коррупции и терроризма неново: оно применялось и Россией против Чечни, и Азербайджаном против Нагорного Карабаха, и Западом против Приднестровья, и так далее. Это позволяет давление на эти образования оправдать, до той или иной степени, необходимостью установления или восстановления правопорядка.

Вторая южноосетинская война, апогей которой пришёлся на 8 августа 2008 г., как и вторая чеченская, в целом, предположительно, сведётся к тому же итогу: наступит новый виток относительной поверхностной стабильности, однако справиться с южноосетинской и абхазской проблемами не удастся. В отличие от чеченской войны, здесь народы, хоть и много погибших и выселенных, и сама геополитическая конфигурация двух образований Южной Осетии и Абхазии, не будут полностью разгромлены благодаря военной поддержке России. Однако поддержка России оппортунистична и эгоистична, а корневая причина неудачи южноосетинской кампании для Грузии, также как и продолжающейся нестабильности на Северном Кавказе, остаётся та же: тип кавказского человека.

Кавказский человек по сути своей одиночка, «этновоин», и традиции кавказских войн против государств - это традиции войн отдельных личностей или их групп против государственных машин. Так же как террорист, в единственном числе или малой группой, может представлять серьёзную угрозу и нанести серьёзный урон государственной машине, так и в кавказских войнах достаточно соотношения 1 к 100, где 1 - это «этновоин», а 100 - это регулярный военный механизм государства - чтобы стабильного окончания любой войны не стоило бы ожидать.

Итак, опыт показывает, что военным путём проблему Кавказа не решить, и однако же - что тенденция последних двадцати лет - постоянные попытки решения кавказских проблем военным путём, скомбинированным с нажимом, ненавистью, распадом гражданских структур, запрещением демократических процессов.

3. Ресурс

Несмотря на вышесказанное, или благодаря ему, Армения и армяне продолжают выступать как позитивная объединяющая сила, ресурс в мире и регионе. В мире эта сила, кроме той общности, которую Армения составляет с христианской цивилизацией и, соответственно, как с Россией, так и с Европой и США, проявляется в её диаспоре: она есть везде, и довольно успешная, включая Индию, Китай и арабские страны, поэтому армяне, как и евреи, являются глобальной нацией, если только они смогут организовать и использовать этот ресурс. В регионе же у них

две ипостаси. Одна - диаспора. Неважно, когда она возникла. Армяне составляют существенную часть жителей Абхазии, две трети жителей Самцхе-Джавахетии, несмотря на вытеснение, их всё ещё довольно много в Тбилиси, в России их огромное количество, и они, пожалуй, единственные среди кавказских наций, которые пользуются, пока ещё, статусом «лица ценной национальности» в России, как в нацистской Германии были «ценные евреи». На Северном Кавказе есть большие скопления армян, к примеру, в Адлере около Сочи значительная часть жителей - армяне.

Такой ресурс, конечно, в цивилизованных странах - и правда ресурс, а в наших регионах может быть и проблемой безопасности: в любой момент ситуация может измениться, и начнутся меэтнические столкновения, стычки, или армян начнут вытеснять власти. К примеру, совсем недавно, после многих заверений, что в Джавахетии ничего плохого никогда не произойдёт, вновь начались какие-то непонятные столкновения между армянами и грузинами. Грузия, провозглашающая ценности Европы как свои основные, не даёт армянской церкви, как и другим церквям, кроме Грузинской Православной, никакого статуса, армянская церковь в Грузии - это НПО. Нет никаких гарантий сохранения армянских церквей там.

С другой стороны, в итоге карабахского конфликта Армения стала почти полностью моноэтничной, а учитывая спад туризма и отсутствие существенной миграции других наций в Армению, здесь вообще встретить лицо другой национальности нечасто удавалось в последние годы, хотя с ростом стабильности количество приезжих растёт, но по большей части - представителей диаспоры. Ещё в 1992 году во время масштабной креативной игры «Армения» была поставлена проблема моноэтнизации Армении как проблема из категории «мягких» проблем безопасности. В моноэтничных обществах консерватизма побольше, развития поменьше. Правда, это может балансироваться тем, что армяне много ездят - покидая родину или как сезонные, циклические мигранты, или посещая родственников по всему миру. Но всё равно, отсутствие различных наций в самой стране делает её, быть может, более безопасной на Южном Кавказе в эпоху *realpolitik*, но менее обеспеченной ресурсом в долгосрочной перспективе, если политика на Кавказе перестанет быть игрой с нулевой суммой.

Но не только «телом» своим ценна армянская нация, а также и воображением: несмотря на довольно плачевную политику внутри страны и труднейшее внешнее окружение, Армения является лидером в некоем маргинальном сегодня ещё предприятии, которое, однако, неизбежно будет в будущем очень успешным: в предприятии воображения мирной и добрососедской системы будущего Кавказа.

Стереотипное мышление, как самих армян, так и их соседей, более знакомо со старомодными армянскими экспансионистскими идеологиями, типа Армения «от моря до моря». Эти идеи сегодня занимают столь же маргинальное место на периферии армянских идеологий, сколь и, скажем, пантюркизм на периферии идеологий тюркских наций. Из года в год можно наблюдать в прессе, как становится всё менее актуальным рассуждать о пантюркизме и об Армении «от моря до моря». Даже партия Дашнакцутюн, придя в себя после удара, нанесённого Тер-Петросяном, пошла по пути выработки намного более продвинутых подходов к политике, как внутриармянской, так и внешней: сегодня она больше говорит о признании Турцией геноцида и о компенсациях, нежели о «наших землях». Даже она предпочитает цивилизованный процесс взаимного уважения.

Между тем, во многих интеллектуальных кругах Армении и армян уже давно циркулируют идеи построения совместного Кавказа по модели совместной Европы или какой-либо другой. Еще в ранние 1990-е, когда с такими идеями выступил член германского Бундестага Шеллинг, его опередил армянский филолог и политик Сурен Золян, предложив модель «Кавказской Швейцарии». Модель «Кавказская ОБСЕ», как редуцированный вариант модели «Кавказская ООН», была предложена в ранние 1990-е командой тогдашнего Главного советника Президента по национальной безопасности Ашота Манучаряна, с моим участием. Это было задолго до Майкла Эммерсона и его идеи «Пакта стабильности для Кавказа». Многие годы «Линкс» пыталась продвигать создание Парламентской Ассамблеи Южного Кавказа, в которой Армения играла более активную роль, чем Грузия и Азербайджан.

Международные организации, особенно неправительственные, приезжая на Кавказ, с интересом перенимали региональный подход. Так возникли ряд сетей, таких как «Гринго», Группа по менеджменту конфликтов УВКБ ООН, сеть этнополитического мониторинга, и многие другие. Доноры также поддерживали проекты по диалогу и пограничному сотрудничеству: фонды Сороса, германские фонды и агентства по развитию, Фонд Евразия и другие.

Однако постепенно интерес к региональным проектам менял свою суть: в то время, как замедленные институции Европейского Союза только двигались в сторону того, чтобы начать рассматривать Южный Кавказ как регион (офисы Евросоюза в Армении и Азербайджане наконец только открылись в этом году, и теперь возникла другая проблема: как они будут координироваться и будут ли вообще, включая офис в Грузии?), многие акторы отказались от первоначальной идеи регионального подхода, поменяли суть регионального подхода, или разочаровались в его возможностях. Так, тот же Совет Европы часто заменяет се-

рьёзный региональный подход политикой уравниловки: не будучи в состоянии способствовать разрешению карабахского конфликта, СЕ уделяет много внимания тому, чтобы не сделать в Армении того, что не делается в Азербайджане, и наоборот.

Реальные региональные идеи включали представителей «непризнанных государств», или «непризнанных образований», или «конфликтных зон», или «конфликтных регионов» - смотря с точки зрения чьей политической корректности эти регионы обозначать - т.е. Абхазии, Карабаха и Южной Осетии. Не обязательно, чтобы это были представители «непризнанных властей», и даже наоборот: точно в таком же формате, в каком происходит данная конференция, можно очень много чего добиться. Менее реалистичные региональные инициативы их исключали. Так, я утверждаю, что недавняя идея турецкой совместной платформы по Южному Кавказу (самая последняя идея построения хоть какой-то региональной системы, совпавшая по времени с грузино-южно-осетинско-российской войной) важна и должна приветствоваться, однако она не приведёт к реальному установлению стабильности здесь, если не найден способ включения в структуры Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха.

Для понимания того, какие идеи региональных систем сработают и какие - нет, необходимо различать системы альянсные и системы холистические, или инклюзивные. Черноморское сотрудничество должно было быть включающим, но стало альянсным, поэтому осталось до сих пор ни рыбой, ни мясом. ГУАМ был альянсным и поэтому не сработал. Альянсные идеи объединения временны: они выполняют функцию создания альянса, а альянсы создаются всегда против кого-то. Поэтому необходимы инклюзивные идеи, которые вберут в себя всех основных акторов, без которых идея не будет стабильной. Проект транспортировки углеводородов - альянсный, и поэтому он будет постоянно под угрозой срыва. Именно наложение альянсных проектов друг на друга - попытка Грузии войти в НАТО плюс все остальные её альянсы - и оказалось последней каплей, приведшей к острому грузино-российскому конфликту. Кавказу необходимы инклюзивные, а не альянсные, исключаящие кого-либо, структуры стабильности и безопасности.

Первый этап регионального мышления на Кавказе можно объяснить двумя важнейшими факторами: привычкой кавказских народов сосуществовать под зонтиком русского/российского управления и языка, с одной стороны, а с другой - возникновением четырёх крупных непризнанных образований (включая Чечню). Вторая российская война в Чечне, а также отдаление от советской эпохи, сыграли негативную роль для попыток регионализации Кавказа. Россия практически уничтожила неза-

висимое неправительственное движение на Северном Кавказе, не ассоциированное с национально-освободительными движениями, и запретила участие Северного Кавказа в южно-кавказских тусовках. Такова была политическая подоплёка, к примеру, постепенного ослабления и схождения на нет Кавказского форума, чья структура была основана на взаимодействии Северного и Южного Кавказа.

Процесс суверенизации и укрепления государственности в Грузии и Азербайджане также сыграл роль разрушителя тенденций, направленных на регионализацию. Установление чёткого визового режима между Россией и Грузией и признание проехавших через Рокский перевал из России в Грузию на территории Грузии нелегитимно присутствующими; уничтожение Эрзнетского рынка как несанкционированной свободной экономической зоны: подобные акции способствовали резкому уменьшению также и контактов на неправительственном уровне. Риторика российско-грузинского противостояния, когда стороной, скажем, абхазского конфликта объявлялась не Абхазия, а Россия, также способствовала этому процессу. В целом это похоже на поглощение малых предприятий большими, или на разгром феодальных княжеств со стороны модернизированного технологичного государства.

К тому же, Грузия и вообще не хотела никаких региональных проектов: по ней, было бы лучше, если бы Армении и Азербайджана вообще не было, и она вступила бы в Евросоюз в одиночестве. Азербайджанская нефть - да, пусть идет через Грузию, но не более того. «Вступить в Европу в одиночку» - так можно характеризовать проект Грузии.

Нечто иное произошло с Азербайджаном: в ситуации реалполитического тупика, где решение карабахского конфликта видится только лишь в виде отдачи земель, победы или максимум компромисса, в Азербайджане постепенно сложилось мнение, что любой диалог с Арменией не в русле реалполитического мышления лишь укрепляет ситуацию де-факто: то, что Карабах де-факто не принадлежит Азербайджану. Поэтому постепенно было наложено вето на большинство прослеживаемых контактов, а тем более контактов, которые включают в себя посещение Карабаха или встречи с карабахскими армянами.

В утешение коллегам из Грузии и Азербайджана могу сказать, что официальная Армения не очень отличается от официальных Азербайджана и Грузии в вопросе веры в возможность регионализации: Армения тоже пошла, совместно с Грузией, на уничтожение садахлинского рынка, который был нейтральной почвой, «оффшорной зоной» и миротворческим механизмом торговли армян с азербайджанцами, вместо которого создала баграташенский рынок, намного менее масштабный (неоптовый). Армения тоже обычно не мыслит иначе, чем в реалполитических категориях.

4. Прогноз

«Шизофрения» Армении, описанная мною в первой части статьи, позволяет ей быть более гибкой, даже требует от неё большей гибкости, чем гибкость, проявляемая Грузией и Азербайджаном. Эта «шизофрения» плавно переходит в дипломатичность: геноцид - важно, мы от его признания не отказываемся, но на футбол приглашаем президента Турции, и согласны на открытие границ без предусловий. Россия - наш стратегический партнёр, но мы постараемся соответствовать требованиям Совета Европы, раскупорить Миллениум Челлендж Аккаунт, и т.д.

Мы признаём территориальные целостности любых стран, и не признаём пока ещё Косово, Абхазию, Южную Осетию, но также признаём и право наций на самоопределение через отделение и выход из управления другим государством, даже в той форме, в какой это происходит на Кавказе...

История тоже не в пользу идеи кавказского регионализма: опыт таких образований, как Закавказский Сейм или Закавказская интерпретируется как сугубо негативный.

Но есть факторы, которые властно требуют возвращения к этой идее. Таковым является понимание того, что оставшиеся ещё неразгромленными непризнанные образования на Кавказе могут исчезнуть только насильственным путём, и никак иначе. Что насильственный путь невыгоден развивающемуся, несмотря ни на что, Кавказу. Что рынок любой из трёх (или шести) южнокавказских стран меньше, чем мог бы быть общий кавказский рынок. Что европейский опыт и процесс глобализации создают и прецедент, и благоприятную почву, и императив регионализации. Что мирный вариант разрешения всех конфликтов лежит в этом русле, так же как и вообще любых подобных конфликтов - когда экономическое развитие настолько перегоняет политическое, что проблема статуса определённой территории становится намного более теоретической, как в Квебеке, в Северной Ирландии или на так любимых армянами и азербайджанцами Аландских островах.

Армения спит и видит во сне, что она - брокер миротворческих программ в регионе. Она - посредник между Грузией, Абхазией и Россией по поводу открытия железной дороги без всяких предусловий в вопросе урегулирования конфликта. Она - великолепная переговорная площадка для разрешения иранско-американских противоречий. И что она - настолько продвинутый проводник миротворчества в регионе, что, если Турция откроет границы с Арменией, то Турция же может и стать полноправным брокером в переговорах Армении с Азербайджаном: Армения это примет.

Прошли времена, когда аргумент, что при открытии границ Турция накроет Армению как потоп, звучал убедительно. Со времён распада

СССР армянские дети учатся писать в тетрадках турецкого производства с турецкими надписями на обложке и не испытывают при этом ущемления своего национального достоинства. По непроверенным данным, от 40 до 70 тысяч армян, официально или нет, работают в Турции, и среди них немало проституток, которых, как и всех армян, воспитывали в ненависти к туркам, однако это не помешало им перестроиться под воздействием экономической нужды.

Независимость Армении зафиксирована в ООН и незыблема. Идентичность армян имеет тысячелетнюю историю и даже более крепкая, чем идентичность многих других наций. Исчезновение армянам, слава богу, уже не грозит.

Так что если создадутся благоприятные условия, и соседи по Южному Кавказу, включая «непризнанных» и «частично-признанных», а также Турция, Европа, Россия, США, Иран проявят минимальную добрую волю - Армения готова взять на себя роль помощника и регионального посредника в разрешении кавказских противоречий, и даже более того - она готова взять на себя роль брокера в разрешении ещё более тяжёлых проблем: отношений России и Европы, границы которых встретятся когда-нибудь во Владикавказе.

В отличие от событий пятнадцатилетней давности, теперь у Армении уже есть зачатки проекта, как бы идеалистически это ни звучало. Единственное, что может этому помешать - это внутривосточный кризис, который, если не разрешится честно, будет мешать Армении проявлять этическую принципиальность во внешней политике, для которой действительно необходимо национальное единство.

ГРУЗИЯ: МЕЖДУ ЮЖНЫМ КАВКАЗОМ И ЧЕРНЫМ МОРЕМ

(А ТАКЖЕ МЕЖДУ МОСКВОЙ, ВАШИНГТОНОМ И БРЮССЕЛЕМ)

ИВЛИАН ХАИНДРАВА

Название данного материала, предложенное организаторами конференции, несколько меня озадачило. Получается как бы, что Грузия расположена на стыке двух регионов, и стоит перед выбором, какой из них предпочесть, или в каком из двух ей отведут место вершители судеб в геополитике. Логичнее, однако, считать, что Грузия, естественным образом являясь государством Южного Кавказа, не менее естественным образом является и причерноморской страной. Подобной же трактовки в отношении не только Грузии, но Армении и Азербайджана, придерживается специальный представитель ЕС на Южном Кавказе Питер Семнеби, назвавший ЕС «Черноморской державой», частью «Расширенного Причерноморья» – региона, в который входят три государства Южного Кавказа¹.

Представительная Кавказско-Каспийская комиссия, произведшая на свет доклад, призванный способствовать формированию общей политики ЕС и других европейских институтов в отношении будущего региона, предложила еще более глобальное (или глобалистичное) видение: Армения, Азербайджан и Грузия, расположенные между Черным и Каспийским морями, и составляющими то, что обычно именуют Южным Кавказом, являются «ядром» Кавказско-Каспийского пространства, окруженным «оболочкой» (Россия, Турция, Иран, Казахстан, Туркменистан, Украина и Евросоюз), в свою очередь расположенной внутри «внешнего мира», включающего в себя страны Ближнего Востока, США, Китай, Индию².

Ни в коей мере не ставя под сомнение правомерность подобного видения, и заведомо намереваясь выйти за предложенные мне рамки, предлагаю рассматривать здесь Южный Кавказ субрегионом Расширенного Причерноморья, а оба эти проекта – взаимодополняющими. Впрочем, для Грузии это – не только взаимодополняющие проекты, но и, с определенной точки зрения, альтернативные. С какой – будет сказано ниже.

¹ П.Семнеби: доклад на международной конференции «Южный Кавказ-2006: Основные тенденции, угрозы и риск» // Центр стратегического анализа СПЕКТР. Ереван, 2007. С.18-24.

² www.caucascom.org.

Черное море, священный Кавказ

«Регион Южного Кавказа» остается понятием достаточно эфемерным, о чем мне неоднократно доводилось говорить и писать¹. Подобный скепсис (или просто реализм) в Грузии разделяют многие, например — бывший министр иностранных дел Грузии Ираклий Менагаришвили: «Фактически регион Южного Кавказа может рассматриваться скорее как географическое понятие, а не экономически или политически единый организм»².

Действительно, период после распада СССР оказался этапом отдаления друг от друга трех наиболее многочисленных (да и немногочисленных тоже) народов Южного Кавказа, поиска новой идентичности в новых реалиях, равно как и новых партнеров и союзников, закладки фундамента новой государственности, формулирования и реализации собственных национальных проектов. И хотя определенное культурно-бытовое сходство между грузинами, армянами и азербайджанцами сохранилось, хотя в большом и малом все еще просматривается общее советское наследие, хотя для среднего и старшего поколения все еще в ходу понятный для всех русский язык, многие склонны недооценивать глубину различий между ними. А ведь они:

- имеют различный исторический опыт и придают разное (в основном — преувеличенное) значение собственной истории;
- осознают себя частями разных географических и субкультурных сообществ: среди армян сильно ощущение себя частью Большого Среднего Востока, среди азербайджанцев превалирует чувство принадлежности к тюркскому миру, а грузины, хоть и не имеют родственных «миров» вне Кавказа, считают себя европейцами;
- в каждой из стран ведущими являются разные конфессии: григорианство в Армении, православие в Грузии, ислам как шиитского, так и суннитского толка в Азербайджане;
- Армения фактически может рассматриваться как моноэтничная и моноконфессиональная страна, Грузия — довольно пестрая как с этнической, так и с конфессиональной точки зрения, а Азербайджан находится где-то между первой и второй.

¹ См. например: Хаиндрава И. Проблемы безопасности в регионе Южного Кавказа. Доклад на международной конференции «Абхазия в контексте безопасности региона». Сухуми, 19-20 сентября 2006 г. // <http://www.regnum.ru/news/708782.html>.

² Менагаришвили И. Доклад на международной конференции «Южный Кавказ-2006: Основные тенденции, угрозы и риски» // Центр стратегического анализа СПЕКТР. Ереван, 2007. С.62.

Не следует удивляться, что на столь разных фундаментах формируются разные идентичности, не оставляющие места (во всяком случае — на данный момент) для общей «южнокавказской идентичности». А отдающее сомнительным душком общее определение «лица кавказской национальности», с чьей-то нелегкой руки запущенное в оборот на территории России, имеет такое же отношение к общей идентичности, как и словосочетание «лица славянской национальности». Рискую навлечь на себя гнев лингвистов, все-таки проведу такую параллель: грузины, армяне и азербайджанцы похожи в той же степени, в какой похожи их языки — в них есть общие слова, но принадлежат они к разным языковым группам (к картвельской, индо-европейской и тюркской соответственно), и являются совершенно разными и столь же непонятными друг для друга.

Естественно, что разные идентичности и разные, иной раз — вступающие в противоречие национальные проекты, порождают разную пространственно-временную (для удобства ее можно назвать внешне-политической) ориентацию их носителей:

- в поисках гарантий национальной безопасности Армения установила стратегическое партнерство с Россией (и Ираном), является членом ОДКБ, хотя сотрудничает с ЕС и НАТО в рамках программ «Партнерство ради мира» (PfP) и «Политика Европейского соседства» (ENP) соответственно (т.н. политика комплементарности); Грузия и Азербайджан вышли из ОДКБ, первая из всех сил стремится в НАТО в кратчайшие возможные сроки и не скрывает своих евроамбиций, а второй — весьма осторожен как в направлении НАТО и ЕС, так и в направлении Российской Федерации, с которой пытается поддерживать ровные отношения, но не более;
- российское военное присутствие сохраняется во всех трех государствах Южного Кавказа, но в разной степени и формате: военная база в Армении легализована по всем правилам, равно как и присутствие российских пограничников в этой стране, Азербайджан и Россия договорились о формах использования Габалинской РЛС, а из Грузии собственно российские базы вроде бы выведены («вроде бы» потому, что базу в Гудауте Россия за собой сохраняет), «зато» российские миротворцы присутствуют как в Абхазии, так и Южной Осетии, и отнюдь не рассматриваются грузинской стороной как миротворцы;
- каждое из государств Южного Кавказа испытывает сложности разной степени с одним из непосредственных соседей региона: у Армении нет даже дипломатических отношений с Турцией, взаимоотношения Грузии и Российской Федерации — хуже не-

куда¹, а отношения Азербайджана с Ираном развиваются по подобию синусоиды, и в силу различных факторов так и не достигли уровня доверительного добрососедства.

Наконец, взаимоотношения друг с другом, равно как и отношения с внешним миром на уровне независимых государств — явление относительно новое для молодых и пока еще относительно малоопытных политических элит стран Южного Кавказа. В этой связи можно вспомнить заявление одного армянского политика о том, что Армения имеет лишь одну границу, а остальное — фронтовые линии.

Таким образом, перспективы трехстороннего сотрудничества и интеграции на Южном Кавказе, с его карабахским тупиком, не просматриваются, во всяком случае — до появления выхода из этого самого тупика. Следовательно, придавать какую-либо иную нагрузку, кроме географической, понятию «регион Южного Кавказа», сегодня затруднительно. Цитированный выше П.Семнеби в другом материале назвал Южный Кавказ «развалившимся» (broken) регионом, собрать воедино который можно лишь в более широком формате².

Впрочем, при всем своем черноморско-западном стремлении, Грузия, естественно, развивает взаимоотношения с ближайшими соседями по Южному Кавказу, однако просто вынуждена строить их с Арменией фактически на двухсторонней основе. И наличие подобной асимметрии (с Азербайджаном нашлось больше совпадающих интересов), есть вопрос не свободного выбора или волевого решения, а — объективной реальности.

Мне могут возразить, что «Регион Черного моря» или «Расширенное Причерноморье» — понятие на сегодняшний день не менее эфемерное, чем «Регион Южного Кавказа». Что ж, доля правды в этом есть — назвать различные многосторонние форматы черноморского сотрудничества (будь то экономические, политические, военные) эффективными в полной мере пока тоже не приходится. В то же самое время три страны Причерноморья — Турция, Болгария и Румыния — являются членами НАТО, а две последние — члены ЕС, и со всеми из них у Грузии динамичные, поистине добрососедские отношения. Турецкий исследователь Мустафа Айдын констатирует, что с вхождением в ЕС Болгарии и Румынии Европейский Союз стал региональным

¹ Фактическая война между Грузией и Россией случилась уже после завершения работы над этой статьей, и не нашла в ней своего отражения (прим. ред.).

² Semneby P. The Role of the EU in the Resolution of Conflicts in the South Caucasus // Turkish Policy Quarterly Vol.5 No.2, Summer 2006. P.20. (www.turkishpolicy.com).

игроком и в Черноморском регионе, и на Южном Кавказе¹. А бассейн Черного моря в последние годы стал пользоваться нарастающим вниманием ЕС и США, ибо приобрел особое значение с точки зрения транзита энергоносителей, но не только. Как заявила заместитель помощника Госсекретаря США Джуди Гарбер, США и ЕС согласны в том, что должны проводить координированную политику в регионе касательно таких проблем, как Иран, нераспространение оружия массового поражения, контртерроризм, энергетическая безопасность². Вместе взятое это есть ни что иное, как политика в сфере безопасности вообще. Еще более конкретным был сенатор Ричард Лугар, призвавший к поддержке Азербайджана, Грузии и Турции в их совместных транспортно-энергетических проектах, равно как и к поддержке газопровода «Набукко», как альтернативного газопроводу «Южный Поток»³. Несмотря на то, что официальный Вашингтон придерживается подчеркнуто сдержанной позиции относительно железнодорожной линии Карс-Тбилиси-Баку, проект уже осуществляется, и линия должна вступить в строй в 2010 г. (особую привлекательность она приобретает в свете строительства тоннеля под Босфором). Есть еще общие вопросы в сфере туризма, охраны окружающей среды и т.д. С учетом же прозападного курса Грузии и Украины, Черное море в перспективе может стать внутриевропейским морем наподобие Балтийского (некоторые называют это процессом трансформации Черного моря в т.н. «натовское озеро»). Наконец, что с нашей точки зрения немаловажно, Абхазия тоже расположена у берега Черного моря, и при определенном развитии событий ей может оказаться по пути с грузинами в Европу.

Понятное дело, что говоря о США и ЕС, как о непосредственно вовлеченных в дела Причерноморья силах, никоим образом невозможно недооценивать фактор России, которая сама является причерноморской державой, имеет в регионе серьезнейшие интересы, всячески пытается их соблюсти, а при малейшей возможности — расширить сферы и разнообразить инструменты своего влияния в самом регионе, и посредством его — как можно дальше и глубже. Здесь тоже присутствуют коммуникационные и энергетические проекты и проблемы, присущее российскому менталитету понимание безопасности собст-

¹ *Aydin M. Europe's New Region: The Black Sea in the Wider European Neighborhood // Journal of Southeast European and Black Sea Studies. London, 2005, №5. P.257.*

² *Judy Garber: Keynote Address at the Woodrow Wilson Center Conference: "Trans-Atlantic Perspectives on the Wider Black Sea Region". Washington, DC June 10, 2008 (<http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/105827.htm>).*

³ *Senator Lugar's speech to the US-Ukraine Energy Dialogue Series, April 15, 2008 (<http://lugar.senate.gov/energy/press/speech/ukraine.cfm>).*

венных границ и раздумья по поводу постоянного пристанища для российского Черноморского флота (как надводного, так и подводного), тема туризма, приобретшая особое звучание по мере приближения зимних Олимпийских игр в Сочи, и т.д. В свете замечившего на горизонте 2017 г., когда истекает срок российско-украинского договора по поводу Севастопольской базы для российского Черноморского флота, и про-НАТОВских устремлений официального Киева и Тбилиси — с одной стороны, и неуклонно возрастающих региональных и евразийских амбиций России — с другой, Москва поддерживает напряжение вокруг Крыма и Керченского пролива, пресекает любые попытки в направлении разрешения конфликта в Абхазии в рамках территориальной целостности Грузии, действует весьма изобретательно по созданию препятствий для совместных многосторонних учений в акватории Черного моря под эгидой НАТО¹. Словом, Черное море и не интегрированные пока в европейские структуры страны Причерноморья (Грузия, Украина, а также Молдова, которую часто рассматривают таковой) представляют сегодня собой арену непосредственной конкуренции Запад-Россия.

Вот тут самое время дать ответ на вопрос об альтернативности «черноморского» и «южнокавказского» проектов для Грузии, упомянутой мною выше. «Черноморские устремления» в грузинской политике озвучены более четко, чем «южнокавказские», по совершенно определенным причинам: с одной стороны, Черное море воспринимается, как путь на Запад, а евро- и евроатлантический вектор грузинской политики является безусловно приоритетным, причем данный приоритет представляет собой редкий для Грузии пример широкого общественно-политического консенсуса по конкретной проблеме. А с другой — Южный Кавказ как бы таит в себе угрозу оказаться регионом закрытого, или «полузакрытого» типа, с доминирующей ролью России, и лишенной объективных оснований привязкой трех стран региона друг к другу. Повод для подобного беспокойства подает не только Россия, но подавал его и Евросоюз, сначала вполне равнодушный к Южному Кавказу, а затем подчеркивавший своего рода регионально-симметричный подход к данному субрегиону, как бы говоря: деньги мы вам, так и быть, выделим, но уж вы там на Южном Кавказе сами разберитесь друг с другом и с соседями, урегулируйте конфликты, наладьте сотрудничество, проявите способность к интеграции, словом — станьте хорошими ребятами, а уж потом все вместе стучитесь в двери Ев-

¹ См. например: *Blank S. Russia as a Black Sea Power // Turkish Policy Quarterly, Vol.6 No.2 Summer 2007* (www.turkishpolicy.com).

ропы. В логике подобному подходу не откажешь, но сегодняшняя логика не всегда в ладах с долгосрочной стратегией. Понятное дело, что в Грузии данный подход вызывал объяснимый дискомфорт, ибо она оказывалась обреченной на то, чтобы либо «уговорить» Армению и Азербайджан сообща двигаться в сторону НАТО и ЕС, что было нереально с любой точки зрения, либо махнуть рукой на свои евроатлантические амбиции и надолго застрять на месте, что противоречило национальным интересам.

Подобный «пакетный» подход со стороны ЕС к государствам Южного Кавказа вызывал непонимание в Грузии еще и потому, что на Балканах ЕС продемонстрировал прямо противоположный «поэтапный» подход типа «шаг за шагом», последовательно интегрируя те страны, которые демонстрировали большее стремление в объединенную Европу, наряду, естественно, с большей готовностью. Хотя, нельзя не заметить, что и на Балканах планка требований отнюдь не всегда и не для всех оказывалась на одной высоте.

Смещение «пакетного» подхода ЕС в пользу «поэтапного», как представляется, уже произошло, и произошло оно как в силу кристаллизации европейских интересов на Черном море, о чем говорилось выше, так и в результате активной прозападной политики двух причерноморских государств – Грузии и Украины. Исследование литовского аналитика А.Повильюнаса, проведенного сравнительный анализ Планов действий для Армении, Азербайджана и Грузии в рамках «Европейской политики соседства», на фоне ряда общих (или, если угодно – стереотипных) положений выявило и наличие элементов дифференцированного подхода ЕС к государствам субрегиона¹.

В контексте международной политики в отношении Причерноморья и Грузии в частности, представляется уместным порассуждать на тему «Грузия между Москвой, Вашингтоном и Брюсселем», и я даже добавил соответствующую строчку (вторую) в заголовок данного материала. Тем более, что эта тема отнюдь не уведет наш разговор в сторону.

Плохой, хороший, злой (большая, плохая, красивая)

Название знаменитого в свое время вестерна пришло мне на ум в качестве подзаголовка для той части доклада, где речь идет о роли США, Евросоюза и России в жизни сегодняшней Грузии. Правда, когда я увидел статью литовского политолога К.Паулаускаса под названием *Большая, Плохая и Красивая: «Мягкая сила Америки, России и*

¹ *Poviliūnas A. South Caucasus in the Context of European Neighbourhood Policy. June 13, 2006.*

*Европы»*¹, то решил, что характеристика, пригодная для случая Литвы, вполне уместна и для лаконичного описания роли трех основных внешних игроков в судьбе Грузии. Словом, оставаясь верным тактике двухстрочного заголовка, предоставляю читателю право выбора, который из двух ему больше по нраву; равно как и право решения, какой из эпитетов в большей мере соответствует роли того или иного актора. Поделюсь теперь несколькими отрывочными наблюдениями (собственными, или не претендующими на оригинальность), каковые, с моей точки зрения, играют на сегодняшний день определяющую роль в контексте повествования, и, соответственно, способствуют прослеживанию логики автора, в случае наличия последней.

Россия

Со дня обретения Грузией независимости Россия остается основным внешним игроком, непосредственно вовлеченным в важнейшие события, касающиеся Грузии. Описывать здесь в деталях все перипетии грузино-российских взаимоотношений не вижу не только необходимости, но и возможности: на эту тему думано (в основном — плохо), сказано (чаще всего — не к месту), написано (преимущественно — неадекватно) и наделано (плохо, не к месту, и неадекватно) столько, что разбираться со всем этим предстоит долго и мучительно.

Стремление Грузии в НАТО (и, соответственно, необратимый выход из российской сферы влияния), вызывает сегодня в России наибольшую ярость. Естественно, Россия не хотела бы также потерять контроль над транспортно-энергетическим коридором, пролегающим по территории Грузии, но это — лишь вторичная причина ее отношения к Грузии. При этом существуют еще третья, четвертая, пятая и т.д. причины, обсуждать которые я не стану.

Россия использовала косовскую ситуацию для возрастающего давления на Грузию, правда заявила (или предостерегла) о своих намерениях по этому поводу открыто и заранее. Основными рычагами давления России на Грузию (или, если угодно, шантажа Грузии) являются нерешенные конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Не вдаваясь в рассуждения о том, какой из них более сложен для разрешения; подчеркну лишь особую привлекательность абхазского сектора черноморского побережья Грузии для России, каковая включает в себя ряд параметров, как то: военно-морской, транспортный, туристический, олимпийский и т.д. Хотя с точки зрения «прикладной» военной стра-

¹ Обзорение литовской внешней политики; Центр исследований внешней политики. Вильнюс, 2008, №20.

тегии неподконтрольная Тбилиси Южная Осетия представляет собой даже большую угрозу безопасности Грузии, чем Абхазия.

Долгосрочная российская стратегия в отношении Абхазии прошла два этапа: первый из них имел место во второй половине XIX в., и его можно назвать «Абхазия без абхазов». Тогда большинство этнических абхазов были депортированы в Турцию и страны Ближнего Востока (махаджирство), но депопуляция Абхазии долго не продлилась. Кстати, вопреки насаждаемому представлению о том, что в результате махаджирства абхазский компонент местного населения был якобы замещен исключительно грузинским, факты свидетельствуют, что в период с 1897 по 1939 гг. при практически стабильной численности абхазов (56-58 тыс. человек) число этнических грузин в Абхазии возросло в три с половиной раза (с 25.9 до 91.9 тыс.), в то время как русских — почти в 12 раз (с 5.1 до 60.2 тыс.), а армян — в 8 раз (с 6.5 до 49.7 тыс.)¹.

В конце XX в. в ходе конфликта в Абхазии был осуществлен второй этап стратегии, который можно назвать «Абхазия без грузин». Население Абхазии вновь сократилось более чем в два с половиной раза, причем численность этнических грузин — более чем в четыре раза. Как долго на сей раз продлится депопуляция Абхазии — не знаю, но подозреваю, что место изгнанных грузин в случае недопущения возвращения последних займут отнюдь не потомки махаджиров. России нужна территория (и акватория) Абхазии, и ее реально мало волнует судьба этнических абхазов и/или грузин. Кстати, это именно тот случай, где интересы абхазов и грузин могут совпасть.

США

С.Маркедонов выделяет три фазы американской политики в отношении Южного Кавказа. По его мнению, до 1997 г. дипломатия США не рассматривала Южный Кавказ в качестве сферы своих стратегических интересов, оставляя за Россией ведущую роль на пространстве СНГ. После 1997 г. американцы включили Южный Кавказ в сферу своих геополитических приоритетов. События 11 сентября 2001 г. и последовавшая затем кампания в Ираке повысили заинтересованность американцев в регионе, и их влияние на внутреннюю политику стран Южного Кавказа возросло, что, в частности, проявилось в поддержке ими Революции Роз в Грузии².

¹ По книге: *Лежава Г.П.* Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии. Сухуми, 1989.

² *Маркедонов С.* Южный Кавказ: конкуренция геополитических проектов // Вопросы региональной безопасности: 2007 / Центр стратегического анализа СПЕКТР. Ереван, 2007. С.94-109.

Основная черта американской политики в отношении постреволюционной Грузии это — «широко закрытые глаза» на многие проблемы страны, в первую очередь — касательно (недо)развития демократии. Еще в мае 2005 г. в ходе своего визита в Тбилиси президент Буш назвал Грузию «маяком демократии», и с тех пор вашингтонская администрация ведет себя так, будто этот маяк, фигурально выражаясь, освещает что-нибудь еще, кроме улицы в Тбилиси, названной в честь самого Буша. Своего рода апофеозом американского панегирика Саакашвили можно рассматривать слова бывшего постоянного представителя США в ООН Ричарда Холбрука: «На самом деле 38-летний Саакашвили олицетворяет собой практически все, что должны поддерживать Соединенные Штаты и Европейский Союз»¹. В аналитических кругах США, правда, назревало, и после событий 7 ноября 2007 г. вышло-таки альтернативное мнение: «Политика США, заключающаяся в превозношении достижений Грузии в иных сферах, но оставляющая вне критики очевидные недостатки в области демократии, убедила грузинские власти в возможности дальнейшего отхода от демократии без каких-либо последствий. Что они и сделали» — считает американский эксперт в области международной политики Линкольн Митчелл, работавший в Тбилиси в 2002-2004 гг.² Даже столь лояльный к Саакашвили аналитик, как Дэвид Смит (сотрудник Потомакского Института политических исследований в Вашингтоне и Директор Центра анализа проблем безопасности в Тбилиси) предположил, что «дубинки и газы в Тбилиси 7-го ноября, а также закрытие телеканала Имени снизили перспективы Грузии» на получение Плана действий по членству в НАТО (ПДЧ) в Бухаресте³. Однако, шокировавшие многих доброжелателей Саакашвили методы управления государством, уже открыто продемонстрированные им 7 ноября 2007 г., на дальнейшую политику США влияния практически не оказали. Оно и понятно: «маяк демократии» — одно из тех весьма немногих явлений на международной арене, каковые администрация Буша занесла себе в актив, и признать, что и этот проект на деле оказался вовсе не таким успешным, как об этом твердили четыре года, значит подкладывать еще одну мину под собственный престиж, к тому же — в преддверии приближающихся президентских выборов в США.

¹ *Holbrooke R.* "David and Goliath" // *The Washington Post*, November 27, 2006. P.A19.

² *Mitchell L.* "Inside Track: Beacon of Democracy or Khachapuri Republic?" *National Interest Online*, 12.13.2007. <http://www.nationalinterest.org/Article.aspx?id=16352>.

³ *Smith D.J.* Georgia's Railway to NATO Passes through Turkey // *Turkish Policy Quarterly* Vol.6 No.3 Fall 2007. P.68 (www.turkishpolicy.com).

Между прочим: в качестве вознаграждения за свои широко закрытые глаза американцы получили возросший по численности на фоне всеобщей ретирады грузинский военный контингент в Ираке (2000 солдат и офицеров).

Соединенные Штаты твердо стоят за территориальную целостность Грузии, но, в то же самое время, упорно продвигали проект независимости Косово в центре Европы вплоть до его воплощения в жизнь. Некоторые американцы, похоже, недооценивают подоплеку конфликта в Абхазии и экзистенциальное значение проблемы для вовлеченных сторон, в том числе — для абхазов.

Иногда создается впечатление, что американцы любят Грузию больше самих грузин, а посему знают лучше, как следует грузинам думать и как себя вести вне, и, что самое интересное — внутри собственной страны. С легкой руки конгрессмена Э.Хастингса, целых двое суток несшего бремя главы миссии краткосрочных наблюдателей ОБСЕ, досрочные президентские выборы 5 января 2008 г. приобрели «внешнюю легитимность»¹. А помощник заместителя Государственного секретаря США Мэтью Брайза по мере надобности доходчиво объясняет не только своим европейским коллегам, но и самим гражданам Грузии, что последним живется гораздо лучше, чем на самом деле².

США изо всех сил лоббируют вопрос предоставления Грузии Плана действий по членству в НАТО (ПДЧ), курируют ее в иных международных организациях, и поддерживают прямые финансовые вливания в саакашвилевскую Грузию на весьма соблазнительном уровне.

Словом, получилось так, что без масштабной политической, финансовой, дипломатической, военно-экспертной и любой иной американской помощи Грузия вряд ли выжила бы, и уж во всяком случае, не имела бы тех шансов и возможностей, каковые все еще сохраняет. В то же самое время, часть этих шансов и возможностей упущена, с моей точки зрения — не в последнюю очередь из-за упомянутых выше широко закрытых американских глаз и легкой американской руки.

Европейский Союз

Евросоюз оказался неспособным выработать общий подход к проблеме Косово, но все же допустил прецедент. Высокая степень зависимости ряда стран Евросоюза от российских энергоносителей влияет на их политику в отношении Грузии (и не только).

¹ На пресс-конференции 6 января 2008 г. Элси Хастингс обозвал эти выборы «триумфальным шагом к демократии» (прим. автора).

² См. например интервью М.Брайза русской службе Би-Би-Си 29.05.2008 // http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/international/newsid_7426000/7426403.stm.

Провал ратификации евроконституции, а затем ирландский отказ от ратификации Лиссабонского соглашения косвенно свидетельствуют об осознанной или подсознательной поддержке рядовыми европейцами такой политики евроэлиты, которая помогла бы избежать необязательной головной боли, каковой с избытком хватает в обязательном порядке. А европейская политическая элита склонна прислушиваться к общественному мнению у себя в Союзе в несколько большей мере, чем политэлиты стран Южного Кавказа.

Дуализм внутри ЕС — страны «новой Европы» в большинстве своем настроены с энтузиазмом в отношении евро- и евроатлантических устремлений Грузии, в то время как государства «старой Европы» безразличны или даже скептически — дает возможность таким внешним акторам, как США и Российская Федерация, играть в собственные игры на политической площадке Европы.

Европейская «мягкая сила» не всегда оправдывает себя в части силы, особенно — в отношении тех, кто не понимает, или делает вид, что не понимает европейский дипломатический язык. Даже когда оценки были адекватно-однозначными, например — в Резолюции Европарламента от 29 ноября 2007 г. по ситуации в Грузии, где в числе прочего власти Грузии были призваны к «непредвзятому и независимому расследованию серьезных нарушений прав человека и свободы медики, в особенности — касательно применения избыточной силы представителями правоохранительных органов, с целью идентификации ответственных, привлечения их к суду, и наложения на них предусмотренных законом санкций»¹, призывы сии были блистательно проигнорированы.

Тем не менее, явно нарастающая вовлеченность ЕС в дела Грузии — достаточно упомянуть недавний визит Х.Соланы в Тбилиси и Сухуми, регулярные поездки в Сухуми и Цхинвали аккредитованных в Тбилиси послов европейских государств, немецкий план урегулирования конфликта в Абхазии — обнадеживают. Обнадеживают, в частности, потому, что будущее Грузии на политической карте мира просматривается не в качестве 51-го штата США, и не в статусе еще одного субъекта Российской Федерации, а как члена объединенной Европы. А также потому, что европейские стандарты в отношении немногочисленных народов и национальных меньшинств являют собой пока лишь гипотетический, но потенциально прочный фундамент для нормализации грузино-абхазских взаимоотношений на основе подхода «вместе в Европу!»

¹ <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2007-0572+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN>.

Теперь, наверное, настала пора перейти к месту Грузии внутри треугольника Москва–Вашингтон–Брюссель

Краеугольным камнем внешней, и, что может показаться странным, внутренней политики Грузии под предводительством Михаила Саакашвили, является ее антироссийская направленность. Подобное упрощенное видение вызовов, перед лицом которых стоит страна, не находит должного понимания в Европе, вернее – среди многих политиков «старой Европы». Власти Грузии не просто игнорируют основоположные европейские ценности во внутренней политике, разглагольствуя об одном, а творя иное; прослеживается некий «идеологический» отказ от развития демократии и соблюдения демократических процедур. В результате, саакашвилевская Грузия все больше уподобляется путинской России, что не ускользнуло от внимания как непредвзятых и осведомленных аналитиков, так и независимых международных институций¹.

На протяжении постреволюционных лет наметился явный дисбаланс во внешней политике Грузии, когда все яйца складывались в мягко высланную вашингтонскую корзину, в надежде, что американцы помогут, протасяют, продавят, пробьют, и надежды эти чаще всего осуществлялись. Лишь в преддверии и после бухарестского фиаско, где на саммите НАТО бурный натиск американцев и их союзников на восточных рубежах ЕС не смог преодолеть сопротивления «старых» европейцев под немецким командованием касательно предоставления Грузии ПДЧ, европейский вектор грузинской внешней политики стал набирать необходимую силу.

Заезд в Бухарест

Здесь предлагаю сделать кратковременную остановку в апрельском Бухаресте, ибо история с ПДЧ для Грузии (и Украины) высветила многие интересные нюансы в рассматриваемых нами взаимоотношениях. Несмотря на заведомо известную негативную позицию Германии, американцы (вместе с поляками, литовцами, эстонцами и некоторыми другими центрально-восточно-европейцами) не пожалели усилий, чтобы добиться ПДЧ для Грузии и Украины. Главным аргументом немецкого руководства против предоставления Грузии ПДЧ стало наличие нерешенных конфликтов и отсутствие сколько-нибудь позитивной динамики на соответствующих направлениях, хотя про-

¹ См. например: *Thomas de Waal*. Putin's copycats // *New Statesman*, 29.11.2007, <http://www.newstatesman.com/200711290030>; также: International Crisis Group “Georgia: Sliding towards Authoritarianism?” 19 December, 2007 <http://www.crisisgroup.org/home/index.cfm?id=5233&l=1>.

скользнули намеки и на неблагополучие во внутренних делах, в частности — репрессии против оппозиции¹.

Для пользы дела, думается, стоило поменять эти доводы местами, ибо путь к мирному решению (равно как и превенции) конфликтов проходит через динамичную и необратимую демократизацию и либерализацию Грузии по всем направлениям, а не наоборот. Более того — представлять (или принимать) конфликты в качестве оправдания антидемократических действий власти, значит оказывать медвежью услугу народу и отдалять время разрешения самих конфликтов. Впрочем, не составляло особого секрета то обстоятельство, что за немецким упорством маячила и нефтегазовая тень России, которая сделала ряд упреждающих резких заявлений (сопровождавшихся не менее резкими шагами) против интеграции Грузии (и Украины) в НАТО. Французская позиция (также негативная) в этом смысле была более откровенной, и сводилась к тому, что не стоит ради Грузии перенапрягать взаимоотношения с Россией². Словом, в этом вопросе, процедурно требовавшем консенсуса, Европа оказалась четко разделенной на «новую» и «старую». Заявления М.Саакашвили непосредственно до и после саммита были весьма характерными с точки зрения присущей ему риторики. Сначала в интервью газете «Financial Times» он сказал, что любое решение в Бухаресте, кроме предоставления Грузии ПДЧ, будет «великой победой России»³; после же того, как в ПДЧ прогнозируемо отказали, а в качестве «утешительного приза» в документе саммита появилась запись о том, что Грузию и Украину в будущем (когда — не указано) примут-таки в НАТО, президент Грузии заявил (для внутреннего пользования, во всяком случае) об очередной великой победе... грузинской дипломатии. Словесная эквилибристика президента и его команды заключалась в том, что Грузия, якобы, получила даже больше, чем надеялась, а именно — твердое обещание быть принятой в члены НАТО, а не какой-то там ПДЧ. При этом скромно умалчивалось, что финальный отрезок пути в НАТО в любом случае проходит через ПДЧ, и в результате бухарестского саммита последний лишь отодвинулся в лучшем случае — до декабря (министериял стран НАТО), а в худшем — на неопределенный срок.

Кстати, выдвижение именно немецкой стороной плана трехэтапного мирного урегулирования конфликта в Абхазии («план Штайнмайе-

¹ *Hugh Williamson*. Germany blocks ex-Soviets' NATO entry // Financial Times, 01.04.2008, http://www.ft.com/cms/s/0/ab8eb6a6-ff44-11dc-b556-000077b07658.html?nclick_check=1

² <http://www.civil.ge/geo/article.php?id=17910&search=>.

³ *Hugh Williamson*. Germany blocks ex-Soviets' NATO entry // Financial Times, 01.04.2008, http://www.ft.com/cms/s/0/ab8eb6a6-ff44-11dc-b556-000077b07658.html?nclick_check=1.

ра»), кроме прямого его назначения, может оказаться своего рода превентивным шагом против американской настойчивости в деле предоставления Грузии ПДЧ: мы, мол, тут целый план разработали, так добейтесь хоть каких-нибудь сдвигов в направлении его реализации, чтобы мы с чистой душой могли проголосовать за ПДЧ для Грузии. Не совсем ясен, правда, непосредственный адресат этого мессиджа: Грузия ли это, США, или все же Россия? А может — все вместе?

Тем не менее, сам факт выдвижения центральным государством ЕС плана по мирному разрешению одного из конфликтов на Южном Кавказе поднимает на более высокую ступень уровень вовлеченности ЕС в данный субрегион, равно как и ответственность Европы за происходящие там процессы и их динамику.

Не может быть (время парадоксов)

Подытоживая беглый и отрывочный обзор событий последних лет вокруг Грузии, хочу предложить тезис, который может показаться парадоксальным: невзирая на тот факт, что Россия играет роль главного внешнего врага Грузии, а Соединенные Штаты — главного внешнего друга, Москва и Вашингтон сообща укрепляют антидемократические тенденции в саакашвилевской Грузии. Вашингтон способствует этому своей поддержкой в режиме карт-бланш, оправдывая, а иной раз, видимо, поощряя Саакашвили вне зависимости от того, насколько продуктивны, в конечном счете, его поступки. А Москва — посредством своих враждебных по отношению к Грузии шагов, практически любой из которых приводит к объяснимой в сложившейся ситуации консолидации нации вокруг власти перед лицом внешней угрозы, какой бы эта самая власть не была по своей сути (такую же картину можно было наблюдать и в период правления Эдуарда Шеварднадзе). А на международной арене давление России на Грузию влечет за собой ответную реакцию в виде естественного желания поддержать слабого в его справедливой борьбе против сильного. Подобная реакция особенно очевидна среди тех европейских народов, кто в течение десятилетий или даже столетий находился под непосредственным гнетом России, и знает не понаслышке, как трудно и важно из-под него выбраться. Саакашвили же превосходно чувствует конъюнктуру, и пытается максимально использовать ее ради собственной выгоды. Хотя политические риски при этом иной раз превышают допустимый уровень.

Вот и получилось, что вольно или невольно Вашингтон и Москва общими усилиями выпестовали такого Саакашвили, который превратился в подобие “enfant terrible” для ЕС, в частности — для правительств стран «старой Европы». Тут, однако, не следует забывать, что на кону — судьба Грузии, а не Саакашвили как такового.

В заключение приведу некоторые данные из опросов, проведенных в марте 2008 г. – по заказу Фонда Конрада Аденауэра¹. Оговорюсь при этом, что с разной долей скепсиса отношусь к опросам общественного мнения в собственной стране, особенно – в предвыборный период. Но в данном случае не усматриваю политической ангажированности ни у заказчика, ни у исполнителя, да и период проведения опроса – после того, как страсти по президентским выборам утихли, а дата парламентских еще не была определена – позволяет принять его итоги в качестве информации, достойной размышления.

На вопрос о том, как они оценивают влияние конкретных стран на общественные и религиозные процессы в Грузии, 1000 опрошенных в трех городах страны (Тбилиси – 500, Гори – 200, Кутаиси – 300) дали такие ответы:

Страны	Положительно	Скорее + чем –	Скорее – чем +	Отрицательно	Не знают	Сумма +	Сумма –
США	5.0	29.3	35.4	23.0	7.3	34.3	58.4
Германия	9.7	51.3	16.4	5.7	16.9	61.0	22.1
Украина	25.0	60.4	5.8	1.4	7.4	85.4	7.2
Армения	3.7	37.2	32.3	7.1	19.7	40.9	39.4
Азербайджан	5.8	26.1	25.0	6.2	16.9	31.9	31.2

А на вопрос о том, в каком направлении желали бы респонденты развития влияния на Грузию основных игроков на политической арене, ответы оказались следующими:

Страны	Возрастание	Статус-кво	Уменьшение	Не знают
США	9.1	22.1	65.4	3.4
Евросоюз	48.1	24.0	22.4	5.5

Комментировать эти данные, которые говорят сами за себя, нет нужды. Необходимо лишь отметить, что в исследовании непосредственно затрагивались вопросы отношения к религии, и чрезвычайное благорасположение к Украине, в числе прочего, могло быть предопределено единоверием – православие является общей религией для большинства грузин и украинцев. А вот цифры для Германии (олицетворяющей собой в данном случае Евросоюз) и США в первой таблице, и для собственно ЕС и США во второй, однозначно свидетельствуют о том, что рост антиамериканских настроений становится суще-

¹ Городское население Грузии о религиозных и политических вопросах (на груз. яз.) // www.kas.de/kaukasus.

ственным фактором внутреннего дискурса Грузии. Скорее всего, воспринимается это как парадокс не только теми, кто лишь скользит по поверхности грузинских политических реалий и ограничивает свои визиты в Грузию посещением властных кабинетов, покидая их оптимистом, энтузиастом и альтруистом; похоже, данные настроения – полная неожиданность и для самих обитателей этих кабинетов, которые, впрочем, тоже скользят по реалиям жизни в направлении проруби.

Позиции Евросоюза достаточно прочны, хотя следует учесть, что опрос был проведен до саммита НАТО в Бухаресте, где занятая Германией (и «старой Европой» в целом) позиция могла сказаться отрицательно на степени благорасположенности граждан Грузии к ЕС.

Словом, политика США, суть которой стала восприниматься в Грузии как очередное воплощение доктрины «нашего сукиного сына», гораздо менее привлекательна для грузин, нежели европейское предложение собственных ценностей, каковые можешь разделять и принимать, а можешь – нет. Оставаясь, даже в последнем случае, человеком (общностью), которого уважают, и с кем считаются.

Заключение

Думается, что всем сторонам следовало бы сделать адекватные выводы.

АРМЕНИЯ В КАРАБАХЕ, КАРАБАХ В АРМЕНИИ (КАРАБАХСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ АРМЕНИИ)

СЕРГЕЙ МИНАСЯН

1. Введение

Со времени окончания военной фазы карабахского конфликта в мае 1994 г., Армения и Нагорный Карабах сформировали свои собственные стратегии и внешнеполитические подходы в карабахском конфликте.

Вместе с тем, карабахской фактор постоянно оказывает влияние на развитие независимой Армении, и это в значительной степени сказывается на подходах Еревана к проблеме карабахского урегулирования. Более того, именно карабахский вопрос, органически слившийся с антикоммунистическими устремлениями и лозунгами борьбы за отделение от СССР, стал краеугольным камнем идеологии армянских общественно-политических сил в 1988-1991 гг., т.е. еще до окончательного распада СССР и обретения Арменией независимости.

Исходя из этого, влияние карабахского фактора необходимо учитывать при рассмотрении как внешней, так и внутренней политики Армении.

2. Нагорный Карабах в Армении: влияние карабахского конфликта на внутриполитические процессы в Армении

Для Армении восприятие карабахского конфликта имеет не меньшее внутриполитическое значение, чем для Азербайджана, а в плане влияния карабахской проблемы на формирование политических элит в Ереване и Степанакерте — намного большее, системообразующее значение. Значимую часть нынешней политической элиты Армении, и тем более Нагорного Карабаха, составляют активисты карабахского движения, бывшие комбатанты и участники боевых действий, или же просто выходцы из Карабаха и армянонаселенных регионов Советского Азербайджана. Карабахская проблематика во всех ее аспектах является одной из важнейших составляющих идеологических платформ практически всех политических партий, как правящих, так и оппозиционных.

Наиболее наглядно гипертрофированное влияние карабахского фактора на политическую систему и развитие Армении иллюстрирует биография всех трех президентов независимой Армении. И Левон Тер-Петросян, и Роберт Кочарян, и Серж Саргсян играли важнейшую роль в са-

мом карабахском общественно-политическом движении, а затем возглавляли Армению и Нагорный Карабах в период войны или же непосредственно руководили боевыми действиями. Первый президент Армении Левон Тер-Петросян был вынужден подать в отставку в 1998 г. именно из-за того, что выдвинул план карабахского урегулирования, который не был принят армянскими элитами и обществом. На посту президента его сменил тогдашний премьер-министр Армении Роберт Кочарян, до этого бывший первым президентом Нагорно-Карабахской Республики. Пришедший к власти в Армении в 2008 г. Серж Саргсян — в прошлом министр обороны Армении, ранее командовавший войсками в Нагорном Карабахе во время войны.

В этом плане ситуация в Азербайджане была кардинально иная, и карабахский фактор, приведший к серии переворотов и смен власти в Баку в первой половине 1990-х гг., не имел такого инструментального значения для формирования нынешней азербайджанской политической элиты. Неудачный для Азербайджана исход боевых действий в Карабахе в начале 1990-х гг. привел к снижению популярности Народного Фронта и других актуальных политических сил Азербайджана того времени, а в конечном счете — к свержению президента Абульфаза Эльчибея и правительства Народного Фронта и приходу к власти неокommунистической клановой номенклатуры во главе с Гейдаром Алиевым. В результате наиболее активные азербайджанские политические деятели, выдвинувшиеся в ходе или в результате карабахского конфликта, в большинстве своем были политически маргинализированы или даже физически уничтожены. Впрочем, Гейдар Алиев тоже инкорпорировал в число своих сторонников и в пирамиду власти некоторых участников боевых действий и часть азербайджанской военной элиты. Однако нельзя даже сравнивать роль азербайджанских «карабахцев» в политической элите Азербайджана с политическим, военным и социально-экономическим весом и влиянием деятелей и участников карабахской войны в Армении, и тем более в Нагорном Карабахе.

Степень влияния комбатантов и деятелей карабахского движения на политическую и экономическую жизнь Армении достигла пика в последние годы президентства Левона Тер-Петросяна. Однако вскоре после прихода к власти выходца из Нагорного Карабаха Роберта Кочаряна она начала понемногу снижаться, что на первый взгляд кажется нелогичным. Дело в том, что будучи выходцем из Карабаха, Роберт Кочарян, придя к власти в Ереване, нуждался в усилении своей политической опоры и был вынужден инкорпорировать представителей ереванской и отчасти провинциальной элиты Армении в бюрократический аппарат и в экономическую элиту. Переломным моментом этого процесса можно считать май 2000 г., когда Кочарян отправил в отставку премьер-мини-

стра Армении Арама Саркисяна - брата убитого 27 октября 1999 г. в парламенте предыдущего премьер-министра и героя карабахской войны Вазгена Саркисяна. С этого момента и началась постепенная демилитаризация политической системы Армении; на большинстве постов бывших комбатантов и сторонников погибшего премьера сменили представители новой административно-бюрократической элиты. Это не привело к резкому снижению роли карабахского фактора в политической системе Армении, да и смена элит в период президентства Кочаряна осталась половинчатой. Но как показали общественно-политические события в Армении до и особенно после президентских выборов 2008 г., процесс ротации элит и снижение роли «карабахцев» (как участников боевых действий, так и просто выходцев из Нагорного Карабаха) продолжает идти, и по всей вероятности будет нарастать в период президентства Сержа Саргсяна. Это не связано с желаниями самого президента Саргсяна и его команды. Более важна общая динамика взаимоотношений власть-оппозиция и новая общественно-политическая ситуация в стране, требующая скорейшей ротации политических и экономических элит.

Вместе с тем, налицо также общая тенденция де-актуализации карабахского фактора во внутренней общественно-политической жизни Армении. Можно сказать, что карабахский фактор потерял прежнюю остроту для нынешней армянской политической элиты и общественности, что во всей наглядности показали внутривнутриполитические события в Армении последних двух лет. Общество и часть элит страны все меньше внимания обращает на борьбу за Нагорный Карабах, поскольку в общественном восприятии Нагорный Карабах Армении и так принадлежит. Более того, в последние годы актуализация карабахского вопроса перестала быть способом завоевать поддержку социально необеспеченных слоев населения – пожалуй, кроме жителей приграничных регионов, в глазах которых карабахское урегулирование связано с проблемой самосохранения. Дело в том, что в отличие от властей Азербайджана, власти Армении не могут оправдывать социальные проблемы страны неурегулированностью карабахского конфликта. Аргументация такого рода в руках армянской оппозиции частично работает, т.е. мобилизовать протестный электорат обещаниями скорейшего урегулирования конфликта можно. Но вот актуализировать и мобилизовать социально недовольные массы в поддержку правящего режима во имя спасения и защиты того, что оно уже имеет (т.е. Карабаха), власть не может, т.к. армянская общественность эти призывы воспринимает как неактуальные.

С другой стороны, одним из результатов военной победы в Карабахе является то, что армянское общество, естественно, в большей мере готово к уступкам и компромиссам, чем азербайджанское. Это создает ложные иллюзии у экспертов в Азербайджане, которые склонны интер-

претировать такие настроения как показатели усталости армянского общества в карабахском конфликте. Однако в Баку не замечают того, что уступки, к которым теоретически могут быть готовы в Ереване (и отчасти в Степанакерте), в принципе не касаются жизненных интересов, т.е. безопасности и охраны фундаментальных прав населения Карабаха.

В то же время, хотя карабахский вопрос не может считаться наиболее актуальной проблемой общественно-политической жизни Армении (именно в силу того, что общество привыкло к статус-кво и считает, что Нагорный Карабах уже ему принадлежит), тем не менее, никакая иная политическая проблема так не инструментализирована всеми политическими силами страны, как оппозиционными, так и провластными. Власти Армении пытаются выступать с более жестких позиций в карабахском вопросе, а оппозиция, в свою очередь, выступает с критикой официальной политики. Однако эта критика касается лишь способов реализации политики Армении в карабахском конфликте. Что же до общей концепции будущего Нагорного Карабаха или его статуса, то по этому поводу в армянском обществе существует почти полный консенсус. Соответственно, можно со значительной долей вероятности утверждать, что и в случае прихода к власти оппозиции подходы Армении к карабахскому конфликту существенно не изменятся. И дело тут не в личных взглядах лидеров оппозиции или нынешнего президента, а в том, что если бы президент Армении, кто бы это ни был, попытался бы вдруг радикально изменить политику Армении в карабахском вопросе, этого у него просто не получилось бы. Сыграли бы свою роль сдерживающие факторы как внутреннего, так и внешнеполитического характера. Кроме того, как четко показали события 1990-х гг., далеко не все в армянских подходах к карабахскому конфликту зависит от официального Еревана — существует еще позиция Степанакерта и военно-политического руководства самого Нагорного Карабаха.

Таким образом, тот факт, что некоторые армянские политики на внутривластной арене публично говорят о необходимости тех или иных уступок в карабахском вопросе, не является поводом подозревать их в пораженьстве. Маловероятно, что в случае внутривластных изменений в Армении могут реально измениться основные стратегические приоритеты страны, причем не только в карабахском вопросе. Кроме всего прочего, многие нынешние политические деятели в свое время сыграли важную роль в военных и политических успехах армянских сторон в ходе военных действий 1990-х гг., и будучи уже в оппозиции, продолжали принимать активное участие в общественно-политических процессах, связанных с Карабахом.

Деление армянских политических лидеров на «ястребов» и «голубей» во внешней политике является достаточно поверхностным и не

соответствует реальности политической жизни Армении. Как показывает опыт многих локальных конфликтов современности, зачастую к наибольшим уступкам в этнополитических конфликтах на каком-то этапе призывают именно политические лидеры с наиболее непримиримыми и радикальными националистическими взглядами, значительным опытом политической, военной, подпольной борьбы и т.д., а также наиболее блестящие и удачливые военачальники. И наоборот — имеющие образ миролюбивых и склонных к компромиссам в вооруженных конфликтах с соседями «либеральные» политические лидеры зачастую (осознанно или даже не очень) принимают наиболее жесткие и радикальные решения, начинают войны и формируют военные коалиции. К примеру, в преддверии Шестидневной арабо-израильской войны 1967 г. одним из наиболее жестких критиков начала Израилем боевых действий являлся Давид Бен-Гурион, вся жизнь которого прошла в политической (а еще ранее в подпольной) борьбе за независимость и безопасность еврейского народа. Основоположник и первый премьер-министр еврейского государства искренне считал этот шаг губительным для Израиля, неспособного, по его мнению, выиграть новую войну против арабов. А решение о начале победоносной войны 1967 г., кардинально изменившей политический ландшафт на всем Ближнем Востоке, принимал тогдашний премьер-министр Леви Эшкол, имевший в Израиле репутацию весьма нерешительного, мягкого политического деятеля, склонного к бесконечным переговорам и всевозможным уступкам¹.

¹ Ср. *Эпштейн А.Д.* Израиль и арабские страны: надежда на мир умирает последней? «Космополис», №2 (2003), стр. 96-109. <http://www.rami.ru/cosmopolis/archives/2/epshtein.html> «Договор о полной отдаче территории Синайского полуострова Египту был подписан бывшим лидером еврейских подпольщиков, наиболее преданным последователем непримиримого З.Жаботинского Менахемом Бегинным, а руководителем израильской делегации на международной конференции в Мадриде был еще более непримиримый радикал, в прошлом — вожак боевой организации ЛЕХИ Ицхак Шамир... Опыт правления так называемого «национального» лагеря свидетельствует: для того, чтобы развивать и углублять отношения с палестинцами и арабскими странами, совсем не обязательно облачать всей полнотой власти социал-демократов. Достижение тех или иных договоренностей между Израилем и арабами в гораздо большей степени зависит от готовности или неготовности тех или иных арабских лидеров идти на соглашение с Израилем, чем от того, какая именно политическая партия находится у власти в Израиле. Этот факт стал абсолютно очевидным в период правления Эхуда Барака, который ценой любых, прежде казавшихся невероятными, уступок пытался достичь мира с палестинцами, результатом чего стал не мирный договор, а новый виток палестинской интифады... Готовность к самым большим уступкам — как на палестинском, так и на сирийском направлении — была продемонстрирована премьер-министром Израиля Эхудом Бараком, посвятившем едва ли не всю свою жизнь службе в частях спецназа и военной разведке и удостоенным за это пяти воинских знаков отличия (беспрецедентный случай в истории Израиля)».

Более того, даже радикальная оппозиционно настроенная часть армянской общественности считает, что сама по себе сдача занятых карабахскими войсками земель и уступки силовому давлению Азербайджана не решат армяно-азербайджанского карабахского конфликта (т.к. главное противоречие заключается в споре о том, кому принадлежит вообще-то сам Карабах - !), а просто переведут его в другую форму, где у армян не будет таких выгодных позиций для обороны и, следовательно, для сохранения военно-политического и военно-технического баланса. В Армении бытует убеждение, что изменение географических позиций линии обороны за счет занятых армянами территорий Низинного Карабаха всего лишь изменит баланс в пользу Азербайджана, и у Баку просто появится большее искушение возобновить боевые действия. Тем самым, согласно такой логике, изменение нынешнего статуса-кво увеличит, а не уменьшит вероятность возобновления боевых действий. Размещение миротворцев вокруг границ в Карабахе также не решит проблемы, так как в случае форс-мажорных внешних обстоятельств (как показывает аналогичный мировой опыт) миротворцы не смогут гарантировать невозобновление боевых действий в зоне конфликта.

3. Армения в Карабахе: влияние Армении на политические события в Нагорном Карабахе

Отдельно следует сказать о том, как политика Армении в вопросах урегулирования карабахского конфликта воспринимается в Нагорном Карабахе, и какое влияние она оказывает на общественность, политические силы и элиты Нагорного Карабаха. Вне зависимости от того, кто именно находился у власти в Армении, влияние Еревана на карабахскую политику всегда было очень существенным. Ереван постоянно вынуждает карабахские власти к большей умеренности в подходах к мирному урегулированию и перспективам налаживания отношений с Азербайджаном. Сохраняя определенную самостоятельность в вопросах мирного урегулирования, карабахские власти и карабахская общественность воспринимают Армению и армянское руководство как единственных надежных союзников в своем противостоянии с Азербайджаном.

Соответственно, в периоды острой внутривнутриполитической борьбы и особенно во время выборов, карабахская элита и политические силы обычно поддерживают руководство Армении, кто бы его не возглавлял. Такой была позиция Степанакерта и в 1996, и в 2003, и в 2008 г. Даже отставка Левона Тер-Петросяна в начале февраля 1998 г. не выпадает из этого ряда. Поскольку причиной отставки Тер-Петросяна стали его предложения пойти на уступки в карабахском

вопросе, то симпатии большинства карабахской элиты и общественности, естественно, были не на его стороне, но существенного влияния на ситуацию позиция Карабаха тогда не оказала, и отставка первого президента стала результатом давления изнутри правящей элиты самой Армении, которое определялось позициями игроков внутри страны.

4. Карабах для Армении: карабахский фактор и ресурс конфликта во внешнеполитической повестке Еревана

Что же касается того, насколько в целом карабахский конфликт влияет на внешнюю политику Армении, то существуют два основных измерения этого вопроса. Первое измерение — это контрдействия Еревана в ответ на осуществляемую Азербайджаном политику в отношении Армении и Нагорного Карабаха, а второе — инструментализация карабахского фактора и его влияние на внешнеполитические приоритеты Армении и ее отношения с внешним миром.

Естественно, что одной из составляющих выработанной за послевоенный период «карабахской стратегии» Еревана и Степанакерта является система реагирования на действия Азербайджана на этом поле. Однако если элементами политики Азербайджана в противостоянии с Арменией и Карабахом (кроме обоюдно используемых элементов информационно-пропагандистской войны) явились коммуникационное давление, опора на политико-психологические и материальные ресурсы каспийской нефти, силовой шантаж, угрозы возобновления боевых действий и региональная гонка вооружений, то арсенал соответствующих политических подходов и контрдействий армянских сторон несколько иной. «Карабахская стратегия» Еревана и Степанакерта включает в себя следующие компоненты:

- *Асимметричность восприятия конфликта*, в первую очередь в виде асимметрии интересов и отношения к конфликту. То, что в Баку видится как политическая проблема, элемент национально-го строительства, вопрос престижа или реваншизма, то в Ереване и тем более в Степанакерте воспринимается как вопрос безопасности и физического существования государства. Асимметричное восприятие конфликта или феномен, когда «слабые выигрывают у сильных», проявился в случае с непризнанными государствами еще в ходе вооруженных конфликтов с бывшими метрополиями в 1990-е гг. Но у политической асимметрии есть и свои слабые стороны, в том числе в ее психологическом восприятии сторонами. Победенная сторона асимметричного этнополитического конфликта не может забыть, что проиграла более

слабому противнику¹. Поскольку ирредентисты формально слабее и малочисленнее, возникает представление, что они не могли бы выиграть войну самостоятельно и победили лишь благодаря поддержке внешних сил. В результате бывшие метрополии не могут смириться с поражением; это гораздо легче сделать, если победу одержал формально более сильный противник. Как показывает исторический опыт, реваншизм проигравшей стороны может ослабиться лишь после повторного тяжелого поражения (или серии поражений), или же в результате постепенной деактуализации конфликта, если статус-кво сохраняется в течение достаточно долгого периода. Как указывал немецкий военный классик Карл фон Клаузевиц, поражение в войне практически никогда не рассматривается потерпевшей стороной как абсолютная и окончательная реальность, «ибо побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими политическими отношениями»²;

- *Внешнеполитический комплементаризм Армении*, т.е. стремление не противопоставлять себя России и Западу, а совмещать их интересы, ко всему прочему, учитывая и иранский фактор в конфликте. Армения при любых внешних обстоятельствах всегда будет казаться намного более прозападной, чем Азербайджан, и одновременно восприниматься Москвой как более пророссийское государство, чем Азербайджан. В свою очередь, бытующее на Западе политическое восприятие Нагорного Карабаха, в условиях отсутствия в зоне карабахского конфликта российских миротворцев, абсолютно не похоже на восприятие, скажем, Южной Осетии и Абхазии;

¹ Основатель еврейского государства Давид Бен-Гурион написал в своем дневнике 27 ноября 1948 г.: «Наша реальность такова: арабские государства побеждены нами. Неужели они это нам так легко простят? 700 тысяч человек победили 30 миллионов. Смогут ли они простить это оскорбление?» См. подробнее: *David Ben-Gurion. War Diary: the War of Independence. 1948-1949* (in Hebrew) // G. Rivlin and E. Orren (eds). (Tel-Aviv, Ministry of Defence, 1982), цитируется по: *Avi Shlaim, Collision Across the Jordan*. New York, Columbia University Press, 1988. P.343. Поражение в первой войне с израильтянами действительно было воспринято в арабском мире как невыносимый факт. Все, чем арабские народы были недовольны - их слабыми и продажными правительствами, некомпетентными вооруженными силами, политической разобщенностью арабского мира - все это слилось в одно - в поражение в Палестине. Особенно унижительным для арабов представлялось то, что поражение это было нанесено арабам не могучей державой, а ничтожной горстью «сионистских захватчиков». И этот факт зарождал основы для стабильного и многолетнего чувства реваншизма арабов к своим численно намного уступающим еврейским противникам.

² *Клаузевиц К. О войне*. М. — СПб, 2007. С.27.

- *Сохранение военно-политического паритета* за счет того, что оборонительная стратегия требует меньших материальных и людских средств. При этом, по оценкам экспертов, армянская, и особенно карабахская армия лучше подготовлены и более мотивированы, чем вооруженные силы Азербайджана. Армянская и карабахская армии сравнительно компактны, но мобильны, и имеют профессиональный офицерский корпус, среднее и высшее звено которого практически полностью состоит из ветеранов войны 1992-94 гг. Организационная структура вооруженных сил Армении и Карабаха позволяет небольшим подразделениям действовать мобильно и эффективно, особенно в оборонительных боях и в горной местности. Нынешняя линия противостояния сторон (особенно в Карабахе), усиленная фортификационными сооружениями, дает возможность меньшим по численности армянским войскам эффективно противостоять наступлению азербайджанской армии. Кроме того, как показали результаты регулярно проводимых в Нагорном Карабахе учений, в случае начала военных действий уровень мобилизации мужского населения Карабаха составит почти 100%. Причем в составе военного резерва много ветеранов карабахской войны, обладающих опытом ведения боевых действий и отлично знакомых с местностью. Естественно, этот факт не изменит значительный дисбаланс в людских ресурсах, и азербайджанская армия в случае возобновления боевых действий по-прежнему будет иметь численный перевес над армянскими и карабахскими войсками, однако присутствие в карабахской армии ветеранов может в качественном плане компенсировать эту разницу. Подтверждения этого явились результаты боя 3-4 марта 2008 г. у села Левонарх Мардакертского района в Нагорном Карабахе, который, вероятно, явился самым масштабным боевым столкновением на линии противостояния в Карабахе после заключения перемирия в мае 1994 г.¹;
- *Баланс угроз, или политика сдерживания со стороны Армении и Нагорного Карабаха.* По мере раскручивания очередного витка гонки вооружений в зоне армяно-азербайджанского противостояния вероятность начала боевых действий снижается. Эта

¹ В ходе этого боя разведывательная рота 703-й бригады азербайджанской армии, воспользовавшись поствыборными событиями в Ереване 1-2 марта 2008 г., попыталась провести «разведку боем» карабахских позиций на северо-восточном участке линии фронта, но потерпела неудачу. В результате ответных мер подразделений Армии обороны НКР (в составе которых было много ветеранов) азербайджанские войска потеряли примерно 13-15 солдат и офицеров только убитыми, в то время как потери карабахской стороны составили всего 2 военнослужащих ранеными.

ситуация хотя и несколько парадоксальна, но хорошо знакома еще со времен Холодной войны и широко изучена в политологической науке. Вступает в силу механизм так называемого взаимного сдерживания, когда в силу высокой поражающей силы военных потенциалов вовлеченных в конфликт сторон любые выгоды от начала боевых действий для страны, начавшей военные действия, не смогут оправдать понесенные ею людские и материальные потери, не говоря уже о политических последствиях для нее в результате негативной реакции международного сообщества. Ситуация, повторяюсь, абсолютно не новая и в определенной степени фиксирующая тенденции времен Холодной войны и биполярного противостояния сверхдержав, но тогда речь шла о сдерживающем потенциале ядерного оружия. В данном же случае речь идет о сдерживании обычными вооружениями, однако надо учитывать, что в результате гонки вооружений военные потенциалы и армянских, и азербайджанской сторон не сравнимы с периодом военных действий середины 1990-х гг. Велика вероятность, что в случае возобновления боевых действий, в первые же дни боев потери вооруженных сил противостоящих сторон и мирного населения составят даже не тысячи, а десятки тысяч человек. Тем более, что с военно-технической точки зрения нет никаких оснований для азербайджанского «блицкрига» в Карабахе – наоборот, в случае возобновления боевые действия будут происходить вероятнее по сценарию длительной окопной ирано-иракской войны 1980-1988 гг. В этом случае затяжные боевые действия, как с военной, так и с политической точек зрения (особенно в глазах международного сообщества) будут губительны в первую очередь для инициатора их возобновления. Продолжающиеся закупки Азербайджаном вооружений, в принципе, действительно способны несколько изменить военный баланс, но стабильность в зоне карабахского конфликта будет сохранять создающийся уже новый баланс – можно его назвать «балансом угроз» - который вынудит стороны придерживаться хрупкого и нестабильного мира еще довольно долго. Как отмечал видный английский военный теоретик и историк Бэзил Лиддел-Гарт: «Целью любой войны является мир, лучший, нежели довоенный (хотя бы с вашей собственной точки зрения»¹. В условиях, когда противоборству-

¹ Лиддел-Гарт Б. Стратегия непрямых действия (Энциклопедия военного искусства). М. – СПб., 1999. С.403.

ющая сторона будет твердо знать, что при любом исходе военных действий в Карабахе ее потери составят десятки тысяч людей и громадные материальные и экономические издержки, она не один раз хорошо подумает, прежде чем решится на возобновление конфликта. Решившись возобновить боевые действия, вряд ли Азербайджан по их результатом получит лучший мир, чем довоенный. Как отмечает английский военный классик: «Победа в ее истинном значении подразумевает, что послевоенное устройство мира и материальное положение народа должны быть лучше, чем до войны. Такая победа возможна только в том случае, если будет достигнут быстрый результат или если длительные усилия будут экономно расходоваться в соответствии с ресурсами страны. Цель должна соответствовать средствам»¹;

- *Конвертация фактора времени в качестве силового ресурса политической борьбы*, который находится в арсенале всех непризнанных государств постсоветского пространства как действенный фактор упрочнения своего политического де-факто существования и статуса. Как показывает опыт большинства современных локальных конфликтов, успех военной кампании зачастую зависит не столько и не только от количественного соотношения силовых и военно-технических потенциалов противостоящих сторон, но и от взаимодействия военных факторов с невоенными факторами победы: политическими, психологическими и идеологическими, в частности, со способностями сторон к мобилизации общества и реальной легитимизации военных действий всеми слоями населения страны². И временной фактор в этом плане является одним из основных, т.к. Азербайджан – наиболее вероятный инициатор реваншистского возобновления боевых действий – по понятным причинам будет сталкиваться с более серьезными ограничениями в легитимизации военной кампании, чем общество и население самого Карабаха, для которых эта война является непосредственной борьбой за существование. Как показывает история колониальных войн и нынешнее противостояние между бывшими «метрополиями» и непризнанными государственными образованиями (или де-факто государствами), асимметрия воли и целей таких конфликтующих сто-

¹ *Лиддел-Гарт Б.* Стратегия непрямого действия (Энциклопедия военного искусства). С.408.

² *Дериглазова Л.* Парадокс асимметрии в международном конфликте // Международные процессы, Т.3, №3 (9), сентябрь – декабрь 2005. С.86-89.

рон приводит к ситуации, когда по меткому выражению Дова Линча, «де-факто государства играют долгую игру, в которой не проиграть — означает выиграть»¹. Нагорный Карабах может и не выиграть очередную, на этот раз «окопную» или же «дистанционную», войну на истощение с Азербайджаном, но даже при таком исходе он эту войну и не проиграет. А вот для азербайджанского военно-политического руководства, которое вот уже 14 лет постоянно призывает к реваншу и возврату Карабаха военным путем, любой исход боевых действий, кроме как достижение полного контроля над территорией Нагорного Карабаха, будет означать не только политическое, но и военное поражение, с последующими необратимыми последствиями в том числе и для самой правящей элиты страны².

Однако естественно, что политические подходы армянских сторон в карабахском конфликте не являются только контрдействиями или производными от политики Азербайджана (тем более что исторически с 1988 г. именно армянские стороны были инициаторами развития событий вокруг Карабаха). Ереван и частично Степанакерт осуществляют и свои самостоятельные шаги, используя карабахский фактор как ресурс своей внешней политики даже вне зависимости от результатов самого противостояния с Азербайджаном. Отчасти аналогичную политику осуществляет, например, Грузия, используя фактор абхазского и юго-осетинского конфликтов и свое противостояние с Россией как важнейший внешнеполитический козырь, получая значительные политические, экономические и иные дивиденды от Запада, даже вне зависимости от того, как будут в результате развиваться процессы в Абхазии и Южной Осетии. И хотя это измерение карабахского фактора во внешнеполитических подходах Армении чрезвычайно тесно связано с прямым противостоянием с Азербайджаном, — оно может рассматриваться здесь и отдельно.

¹ Lynch D. Separatist States and Post-Soviet Conflicts // International Affairs, Vol.78, №4, 2002. P.848.

² Аналогично Г.Киссинджер описывает ситуацию асимметричного конфликта США со Вьетнамом, где «слабому» во вьетнамской войне было достаточно ее «не проиграть», чтобы выиграть. Малые страны или народы, ведущие войну во имя значимой всеобщей идеи и при наличии определенных политических или моральных факторов (например, Финляндия в ходе «Зимней войны» 1939-1940 гг., Алжир в 1950-1960-х гг., Вьетнам в войнах против Франции и США в период с конца 1940-х до середины 1970-х гг., Израиль в арабо-израильских войнах 1948-1982 гг., непризнанные государства постсоветского пространства в первой половине 1990-х гг., и др.), способны в течение долгого времени обеспечить мобилизацию материальных и людских ресурсов для достижения победы над превосходящим по силе противником. См. подробнее: Дериглазова Л. Парадокс асимметрии в международном конфликте. С.87-88.

Во всяком случае, руководство Армении утверждает, что готово, несмотря на все политические и экономические издержки, строить свою внешнюю политику вне зависимости от состояния карабахского конфликта, развиваться и продолжать процессы своей европейской и евро-атлантической интеграции. Жестокая реальность, складывающаяся вокруг карабахского конфликта, к сожалению, не позволяет надеяться на урегулирование отношений с Азербайджаном в краткосрочной или даже среднесрочной перспективе. Соответственно, необходимо смириться с этим и попытаться налаживать, в отрыве от карабахского фактора, отношения с другими странами региона, а также международными организациями и ведущими мировыми державами. Армения надеется, что налаживание условий для региональной интеграции и установление общего фона более доверительных и более ориентированных на сотрудничество отношений приведет к созданию поля для урегулирования отношений и с Азербайджаном.

Одним из таких путей (возможно, важнейшим) является попытка налаживания политических отношений и последующего создания условий для открытий границ между Арменией и Турцией. Другой концепцией, не менее важной, пусть казалось бы и противоречащей предыдущей, является стимулирование интереса европейских организаций и мировых держав к Южному Кавказу именно в силу наличия конфликта. Фактор конфликта используют для поддержания информационного и политического интереса к региону, а также стимулирования экономической помощи и политического содействия. Иными словами, Ереван эксплуатирует тему карабахского конфликта для повышения геополитической роли Армении как в региональном формате, так и на общеевропейском уровне. Еще один пример прямого использования официальным Ереваном западного политического формата для решения собственных задач — это задействование европейского и американского факторов в качестве ресурсов для нормализации отношений между Арменией и Турцией. Это, естественно, входит в прямую связь и с последующими процессами вокруг Карабаха и взаимоотношений с Азербайджаном.

КАРАБАХСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

РАСИМ МУСАБЕКОВ

Резюме

Вот уже два десятка лет карабахский конфликт является стержневой проблемой во внутренней и внешней политике Азербайджана. На нынешнем этапе правительство стремится использовать колоссальный рост экономики и финансовых доходов от поставок нефти и газа, а также повышение геополитического значения страны для того, чтобы продвинуть вопрос урегулирования конфликта в приемлемых для Азербайджана формах. Ускоренными темпами увеличиваются военные расходы, наращиваются вооружения. На уровне ООН, Совета Европы и ОБСЕ, а также в двусторонних отношениях с различными государствами активизировалось дипломатическое давление на Армению с тем, чтобы побудить ее отступить от требований, связанных с отделением Нагорного Карабаха от Азербайджана и вывести войска с территорий, оккупированных вокруг него. Продолжается линия на изоляцию Армении от всех региональных проектов, усиливается конфронтационная антиармянская риторика в контролируемых властями СМИ.

Неурегулированность карабахского конфликта продолжает эксплуатироваться правящей элитой для того, чтобы отвлечь внимание широких слоев населения от безудержной коррупции, неэффективности власти, нарушений прав человека, отсутствия действительной демократии. Все это, а также отсутствие прогресса на ведущихся при посредничестве Минской группы ОБСЕ переговорах подводит конфликтующие стороны не к миру на основе компромиссов и восстановлению сотрудничества, а к опасной черте, переход которой чреват возобновлением военных действий, разрушениями и страданиями тысяч людей. Поддерживать и далее неустойчивое положение «ни мира, ни войны» становится с каждым годом и месяцем все трудней. Предотвратить негативный ход событий можно лишь консолидированными усилиями трезвомыслящих, ориентированных на мир людей и политических сил в Азербайджане и в Армении, а также решительно выраженной волей международного сообщества.

Тупик в переговорах по карабахскому урегулированию кажется беспросветным

Карабахский конфликт с момента своего возобновления в конце

1980-х гг. и по настоящее время находится в центре внутренней и внешней политики Азербайджана. Опросы общественного мнения, мониторинги СМИ, которые регулярно проводятся в стране на протяжении последних лет, показывают, что данная проблема неизменно остается приоритетной. Вокруг карабахского урегулирования выстраивается оборонная и внешняя политика Азербайджана. Апелляция к патриотическим чувствам в связи с карабахским конфликтом широко используется и во внутриполитической борьбе. Но прежде, чем анализировать ситуацию несколько слов о современном состоянии самого процесса урегулирования армяно-азербайджанского конфликта по поводу Нагорного Карабаха.

«Окна возможности», которые, по мнению некоторых зарубежных политиков, имелись в 2006 и начале 2007 гг. для осуществления прорыва в решении карабахского конфликта, оказались не использованы. Современный раунд переговоров, осуществляемый при посредничестве Минской группы и получивший известность в СМИ как «пражский процесс», не завершился даже таким куцым итогом, как принятие документа, в котором были бы согласованы и закреплены принципы урегулирования. Безрезультатность переговоров, а также выборный цикл, в который обе страны вошли в 2007-2008 гг., привел к гонке вооружений, усилению военной риторики, частым перестрелкам на линии фронта и снижению интенсивности переговорного процесса.

По итогам выборов в Армении сменился глава государства и министр иностранных дел. Новый президент Серж Саргсян был в прошлом премьер-министром, а еще ранее министром обороны и поэтому полностью информирован о ходе переговоров и обеспечивает преемственность власти и по этому чрезвычайно важному вопросу. Тем не менее, в переговорном процессе образовалась пауза, впрочем, непродолжительная. Ознакомительная встреча на уровне глав МИД уже состоялась, а в начале июня 2008 г. на неформальном саммите СНГ в Санкт-Петербурге прошла первая встреча президентов. Так что диалог между сторонами конфликта, прерванный на время выборов в Армении, возобновился, но достижение скорых результатов маловероятно.

Переговорный процесс, как и ранее, уперся в тупик по вопросу статуса Нагорного Карабаха. Посредники в лице сопредседателей Минской группы, понимая, что невозможно согласовать противоположные позиции сторон (Ереван требует признания независимости Нагорного Карабаха или присоединения его к Армении, а Баку соглашается лишь на «высокий» уровень автономии в границах Азербайджана), предложили в рамках поэтапного плана согласовать механизм

определения этого статуса через референдум. Теперь споры переместились в плоскость референдума.

Армянская сторона настаивает на его проведении не позже чем через 5 лет по достижению соглашения и признании сторонами решения, поддержанного простым большинством участников голосования. Принимая во внимание, что армян в Нагорном Карабахе до начала конфликта было около 70%, а после изгнания азербайджанцев - уже 100%, провести угодное для них решение не составит труда. Баку в свою очередь предлагает вариант, который сохраняет поле для маневров, и не приводит к легализации сецессии. По мнению азербайджанских переговорщиков в Нагорном Карабахе может быть проведен плебисцит, а не референдум. Разница в том, что результаты такого плебисцита всего лишь принимаются во внимание, а не определяют решения. Ведь согласно действующей Конституции Азербайджана все, что связано с отделением или передачей части территории страны, может быть узаконено лишь в результате референдума, в котором участвует все граждане республики, а не только население желающей отделиться территории. Поэтому Баку допускает проведение плебисцита после возвращения азербайджанцев в Нагорный Карабах и считает решение о статусе приемлемым лишь в случае совпадения волеизъявления обеих общин. Если же такого совпадения нет (что очевидно заранее), предлагается оставить вопрос открытым и продолжить переговоры с целью поиска взаимоприемлемого решения.

Причиной затягивания процесса мирного урегулирования конфликта является еще и односторонняя оценка правящими элитами фактора времени. Армяне, по-видимому, полагают, что по прошествии времени азербайджанцы смирятся с утратой Нагорного Карабаха и согласятся оформить это юридически, а мир признает новую реальность, не меняющую и не нарушающую действующие международное право. В Баку же считают, что нефтяные ресурсы уже позволили привлечь на свою сторону могущественные энергетические корпорации, повысили интерес ведущих держав к Азербайджану, а растущие нефтяные доходы дадут возможность перевооружить и усилить армию. Согласно ожиданиям властей Азербайджана, в ближайшие годы должны увеличиться как финансовые поступления от экспорта нефти, так и уровень международной поддержки. Следовательно, по их мнению, окажется возможным добиться более приемлемых для Азербайджана условий урегулирования карабахского конфликта. Одним словом, идет дипломатическая и пропагандистская борьба, стороны конфликта демонстрируют для внешнего мира свою приверженность мирному урегулированию конфликта, склон-

ность к компромиссам, а для внутреннего потребления – непреклонность.

В настоящее время в Азербайджане (как и в Армении), у власти находятся силы, вынесенные на ее вершину карабахской волной – причем в качестве более жестких критиков своих предшественников, склонных к компромиссам или неспособных организовать жесткое противодействие. Предъявить убедительные позитивные результаты своего правления они не в состоянии. Бедность, безработица, коррупция, произвол и чванливость чиновников, расхищение ими государственной собственности и доходов – таковы реалии наших стран. В этих условиях трудно обеспечить единство общества демократическим путем, посредством выдвижения убедительной и приемлемой для большинства идеи национальной безопасности и развития. Потому правящие, а частично и оппозиционные элиты по необходимости обращаются к суррогатным средствам сплочения людей: выпячиванию внешних, иноэтнических угроз; созданию «образа врага» и эксплуатации патриотических чувств людей.

Общественное мнение не приемлет компромиссы, но его к этому и не готовят

Социологические опросы показывают, что общественное мнение в вопросе урегулирования карабахского конфликта весьма противоречиво. Об этом свидетельствуют и данные мониторинга общественного мнения, который под моим руководством на протяжении нескольких лет проводит социологическая служба “Puls-R”¹. Так, на вопрос «**Как Вы оцениваете ближайшие перспективы конфликта по поводу Нагорного Карабаха?**» ответы распределились следующим образом:

	Декабрь 2005	Декабрь 2006	Февраль 2008
	%	%	%
1. Наступит прогресс в мирном урегулировании	37,2	38,4	31,6
2. Возобновятся военные действия	13,9	12,7	16,5
3. Ситуация «ни мира, ни войны» продолжится	43,9	46,7	48,8
4. Затрудняюсь ответить / отказ от ответа	5,0	2,2	3,1

Как видим, в достижение прогресса на переговорах по мирному урегулированию карабахского конфликта верят немногим более тре-

¹ Всего было опрошено 1000 человек или 0,014 % от генеральной совокупности. Тип выборки – случайный. Отбор осуществлялся по месту жительства респондентов (12 городов и 15 районов) среди граждан в возрасте от 18 лет и старше методом стандартного интервью «лицом к лицу».

ти респондентов, причем по итогам 2007 г. их число заметно снизилось. Возобновление военных действий ожидает явное меньшинство, но в ходе последнего опроса численность этой группы несколько выросло. Большинство же респондентов уверено, что существующая ситуация «ни войны, ни мира» продолжится.

Опросы одновременно показывают, что в вопросе мирного урегулирования общество пока что не ориентировано на серьезные уступки, без которых прогресс на переговорах не достигим. Так, на вопрос: «Какой компромисс в отношении статуса Нагорного Карабаха Вы допускаете для мирного урегулирования армяно-азербайджанского конфликта?» ответы респондентов распределились следующим образом:

	Декабрь	Февраль
	2006	2008
	%	%
1. Только культурную автономию и местное самоуправление	11,5	5,2
2. Автономию, аналогичную той, которая есть в Нахичевани	9,5	11,9
3. Самую высокую автономию, которая существует в мире	3,7	4,1
4. Пусть решает население Нагорного Карабаха на референдуме, при условии возвращения азербайджанских беженцев на прежние места проживания	11,1	9,8
5. Признать независимость Нагорного Карабаха и пусть живут так, как хотят	0,4	1,9
7. Не приемлю компромиссов	59,4	62,3
8. Затрудняюсь ответить/отказ от ответа	4,4	4,8

Как видно из таблицы, подавляющее большинство респондентов вообще не приемлет компромисса, причем в ходе последнего опроса число таковых даже несколько выросло. Очевидно, что сопредседатели Минской группы правы, когда призывают готовить общество к компромиссу, неизбежному при мирном урегулировании Карабахского конфликта. Что касается приемлемого варианта, то на возможность предоставления Нагорному Карабаху автономии (культурной, локальной и даже «самой высокой») согласен почти каждый пятый респондент. Небольшую поддержку (в интервале 10-11%) получила идея решить вопрос через референдум, правда при условии возвращения азербайджанских беженцев. Независимость же для Нагорного Карабаха в азербайджанском общественном мнении практически исключается.

В результате многолетней пропаганды население рассматривает конфликт в категориях «победа» или «поражение», а не рационального соотнесения выгод от скорого достижения мира и возобновления сотрудничества с потерями, вызванными консервацией ситуации в состоянии «ни мира, ни войны», сопряженной с непомерными военными расходами, задержкой в социально-экономическом и демократическом развитии. Поэтому люди скорее готовы мириться с сохранением существующего статус-кво, чем действовать в направлении его изменения.

Международные организации, посредники, политики различных государств настойчиво рекомендуют возобновить сотрудничество, не дожидаясь урегулирования конфликта. Однако эти предложения далеки от реальности. Действительно, сотрудничество порождает доверие и повышает уровень взаимозависимости, следовательно — и взаимной безопасности. Но очевидно, что сколько-нибудь масштабное сотрудничество без предварительного обеспечения хотя бы минимальной безопасности невозможно. Сотрудничество, если под этим подразумевается не локальная приграничная торговля, возможно лишь при наличии определенного уровня межгосударственных отношений, закрепленных соответствующими правовыми актами. А ведь в настоящее время Азербайджан и Армения еще не признали друг друга, не имеют дипломатических отношений. Поэтому ни сами граждане, ни их имущество на враждебной территории не пользуются защитой закона, а бизнесмены и хозяйствующие субъекты не могут заключать сделки, признаваемые исполнительными структурами и судами «добросовестными». Никто не возьмется страховать грузы, отправителем или получателем которых является противная сторона. Следовательно, эти грузы могут «пропасть», быть разграблены в пути и пр. Эти, а также другие соображения, сделали безрезультатными все попытки склонить стороны к сотрудничеству. Азербайджанские власти, отказываясь даже от символических шагов в этом направлении, непреклонно продолжают линию на изоляцию Армении от всех значительных региональных проектов.

Внешнеполитические приоритеты Азербайджана, нацеленные на укрепление максимально прочных союзнических отношений с Турцией, а также с партнерами по ГУАМ — Грузией и Украиной, при нейтрализации и умиротворении России и Ирана, прессинге и изоляции Армении, близко корреспондируется с общественными настроениями. На вопрос: «Назовите, пожалуйста, страны, являющиеся, на Ваш взгляд, дружественными и враждебными по отношению к Азербайджану» в ходе упомянутого выше социологического мониторинга проводимого «Puls-R» ответы респондентов распределились следующим образом:

Страны	Декабрь 2005	Декабрь 2006	Февраль 2008
	%	%	%
Дружественные			
Турция	82,8	84,9	89,0
Россия	23,0	17,8	20,6
Грузия	6,1	9,3	10,3
Украина	6,6	8,0	5,7
Иран	9,2	5,9	5,9
США	8,5	5,9	5,7
Враждебные			
Армения	93,2	89,0	96,1
Россия	7,5	13,1	8,9
Иран	5,5	9,7	11,0
Франция	1,7	10,8	3,8
США	3,6	3,1	2,6

Респонденты имели возможность самостоятельно назвать по три страны в каждой из категорий. Наиболее дружественным государством, по мнению абсолютного большинства участников всех трех опросов, является Турция, рейтинг которой в несколько раз превышает суммарный рейтинг стран, занимающих последующие места. Среди дружественных государств отмечены союзники по ГУАМ – Грузия и Украина. Самым враждебным для Азербайджана государством постоянно указывается Армения. Что касается России, Ирана и США, то эти страны входят в пятерку как дружественных, так и враждебных стран, что свидетельствует о том, что общественное мнение в отношении них поляризовано. При этом трудно сказать, идет ли общественное мнение следом за проводимой политикой или же проводимая политика подстраивается под преобладающее настроение в стране, так как связь между этими процессами довольно сложная. Но факт остается фактом – жесткая, неуступчивая внешнеполитическая линия нынешних властей хотя и не привела к решающему успеху, но это то, что желает большинство населения.

Азербайджан укрепляет армию и одновременно ведет дипломатическое наступление на Армению

На переговорах, которые ведутся под эгидой Минской группы ОБСЕ, Азербайджан занимает все более жесткую позицию. Формально соглашаясь продолжать переговоры на базе сформулированных сопредседателями МГ так называемых «Мадридских принципов», Баку выдвигает собственную, неприемлемую для армянской стороны трактовку.

В 2007 г. в рамках Пражского переговорного процесса состоялась одна встреча президентов и четыре - министров иностранных дел Азербайджана и Армении. По одной такой встрече уже состоялось в 2008 г. Но продвижение к соглашению все еще представляется труднодостижимым. Это отчетливо видно в позиции Азербайджана, подробно изложенной Аразом Азимовым, заместителем министра иностранных дел, курирующего вопросы карабахского урегулирования, в интервью популярному информационному portalу «Day.Az» 15 мая 2008 г. Вот как выглядит эта позиция в его интерпретации:

1. Конфликт должен быть разрешен в рамках территориальной целостности Азербайджана, и данный подход не имеет альтернативы;
2. Целью урегулирования конфликта является не только возвращение семи районов, расположенных вокруг Нагорного Карабаха. Главной целью является полное восстановление территориальной целостности Азербайджана и сохранение Нагорного Карабаха в составе Азербайджана с обеспечением его соответствующего статуса;
3. Самоопределение может быть реализовано только в рамках территориальной целостности Азербайджана. В международном праве применение данного принципа предусмотрено только в форме внутреннего самоопределения (internal self-determination). Международное право никоим образом не предусматривает и не дает основания для отделения части территории государства без согласия на то данного государства;
4. Для определения статуса Нагорного Карабаха необходимо возвращение изгнанного оттуда азербайджанского населения к родным очагам и обеспечение их проживания и безопасности наравне с населением армянского происхождения. Только после этого можно говорить об определении статуса;
5. Дорога, проходящая через Лачин, должна быть предоставлена в равное и взаимное пользование обеих сторон. Это является гарантией нормального, безопасного и устойчивого функционирования этого транспортного сообщения;
6. В целях развития Нагорного Карабаха Азербайджан готов предпринять все меры на пользу обеих общин, которые будут проживать в данном регионе. Главным препятствием для перехода на этот этап является оккупация Арменией территорий Азербайджана;
7. Принципы возвращения азербайджанцев в Нагорный Карабах, предоставления в пользование обеих сторон дороги, проходящей через Лачин, и определение статуса региона в рамках территориальной целостности Азербайджана должны быть внесены в проект Основных Принципов урегулирования конфликта. Только в таком случае обсуждения будут иметь результат;

8. Нагорный Карабах должен оставаться неотъемлемой частью Азербайджана. Это приведет к урегулированию конфликта и восстановлению нормальных отношений Армении с Азербайджаном. Если Армения изберет иной путь, то в этом случае, кроме вражды и изоляции, она ничего не приобретет¹.

Параллельно, Азербайджан уже четвертый год подряд резко наращивает военные расходы с 170 млн. долларов в 2004 г. до 300 млн. долларов в 2005 г., около 600 млн. в 2006 г., более 1 млрд. в 2007 г. и 1,5 млрд. долларов (а может быть и более), в 2008 г. Рост, как видим, почти десятикратный и обещание президента Ильхама Алиева довести военные расходы Азербайджана до уровня, равного всему бюджету Армении, не так уж далеки от реальности.

Баку закупает в большом количестве вооружения. В СМИ приводятся различные данные, но, принимая во внимание закрытый характер военных закупок и небеспристрастность местных и зарубежных источников информации, не хотел бы их тиражировать. Очевидно, что речь идет о сотнях единиц современного тяжелого вооружения, приобретенных преимущественно у Украины и Белоруссии. Одновременно правительством Азербайджана предпринимаются серьезные шаги по формированию собственного военно-промышленного комплекса. В прошлом году Министерство оборонной промышленности приступило к серийному выпуску 29 наименований вооружения, запасных частей к ним и боеприпасов. В Программе государственного оборонного заказа на 2008 г. значится освоение 80 изделий оборонного значения, а всего производство 444 изделий².

26 июня 2008 г. в день 90-летия вооруженных сил, Азербайджан впервые открыто продемонстрировал возросшую мощь своей армии. На парад, как было сообщено пресс-службой МО Азербайджана, помимо 4,5 тысяч человек личного состава из различных родов войск, было выведено 210 единиц модернизированной боевой техники (танки, орудия, бронетранспортеры), 19 вертолетов, 25 самолетов, 31 корабль и катер, а также тактические ракеты «Точка-У», реактивные системы залпового огня (РСЗО) «Смерч» и др.³

Баку не только ужесточил военную риторику, но и пользуется любым поводом для демонстрации решимости действительно прибегнуть к военным действиям для освобождения оккупированных тер-

¹ «Еще раз о принципиальных позициях Азербайджана по вопросу урегулирования армяно-азербайджанского конфликта» // www.day.az/news/politics/118039.html, 14.05.2008.

² *Мамедов Дж.* Что сулит двухмиллиардный военный бюджет? // *Зеркало*, 26.04.2008.

³ *Оруджиев Р.* Парад в Баку высоко оценили иностранные военные специалисты. Война не окончена, заявил президент // *Эхо*, 28.06.2008.

риторий. В текущем году увеличилось число перестрелок по линии прекращения огня и произошло самое значительное столкновение на севере Нагорного Карабаха. На протяжении нескольких дней велся ожесточенный огонь из стрелкового оружия, гранатометов и даже использовалась тяжелая техника, с попеременным переходом из рук в руки военных позиций. С начала года потери уже исчисляются десятками погибших и раненых с обеих сторон.

Дело идет к новой войне или «стратегия изматывания»?

«В ближайшие годы произойдут кардинальные изменения в пользу Азербайджана в его военном противостоянии с Арменией», - такие выводы еще в 2005 г. сделали участники экспертного опроса, проведенного Армянской Ассамблеей Америки (AAA) в котором приняли участие 24 американских и западноевропейских экспертов, бывших государственных чиновников и аналитиков. Около 33% из них считали, что к 2015 г. Азербайджан сможет одержать военную победу над Арменией и только 4% считают, что к 2015 г. победу одержат армяне.¹ Хотел бы обратить внимание, что эти оценки делались в то время, когда нефть еще стоила 30-40 долларов за баррель, а военный бюджет Азербайджана составлял довольно скромную цифру. На фоне нынешних запредельных цен на энергоносители, колоссальных финансовых поступлений и стремительного роста военных расходов Азербайджана, данный прогноз если и был бы пересмотрен, то лишь в еще более неблагоприятную для Армении сторону.

По мнению аналитиков влиятельной «International Crisis Group», около 2012 г., когда доходы Азербайджана от продажи нефти, как ожидается, начнут снижаться, у него может появиться соблазн решить карабахский конфликт силой. Согласно их рекомендациям международному сообществу следовало бы отказаться от самоуспокоенности и активней влиять на власти конфликтующих сторон с тем, чтобы они в свою очередь убеждали население своих стран в необходимости достижения компромисса и обеспечения мирного урегулирования².

Действительно, риск возобновления военных действий к 2012 г. увеличится, хотя и не по причине, отмеченной в докладе «Internation-

¹ «Экспертный опрос: К 2015 году Азербайджан одолеет Армению» // www.regnum.ru/news/516508.html, 23.09.2005.

² Нагорный Карабах: рискуя войной. Доклад №187. Европа, 14 ноября 2007. С.1. (International Crisis Group - 187 Nagorno-Karabakh Risking War) // www.crisisgroup.org/home/index.cfm?id=5157&l=3.

tional Crisis Group». Недавно высокопоставленный менеджер кампании ВР, являющегося оператором основных нефтегазовых проектов в Азербайджане, внес в правительство предложение об увеличении на треть добычи нефти на разрабатываемом месторождении «Азери-Чираг-Гюнашли». Период стабильной добычи более 1 млн. баррелей нефти в сутки (50 млн. тонн в год) на этом месторождении может быть продлен с ранее планировавшихся 2009-2013 гг. до 2009-2019 гг.¹ Некоторые местные эксперты утверждают, что такой объем добычи удастся сохранить вплоть до 2025 г.² Так что дело не в скором сокращении добычи нефти и сопряженных с этим доходов, а в ином.

К 2012-2013 гг. население Азербайджана привыкнет к достигнутому благодаря нефтяным доходам уровню благосостояния, а вот недовольство имущественным расслоением и коррупцией напротив, усилится. У президента Ильхама Алиева будет завершаться второй президентский срок. Для сохранения власти в руках правящей элиты ей будет крайне необходим успех на карабахском направлении. Если его не удастся обеспечить мирными средствами, то иллюзия военного превосходства может подтолкнуть к тому, чтоб обеспечить освобождение оккупированных армянскими силами территорий посредством вооруженных действий. Однако целью развязанной гонки вооружений все же является стремление втянуть в нее гораздо более слабую в экономическом и финансовом отношении Армению и измотать ее. В сочетании с отмеченной выше политикой изоляции Армении от региональных проектов и транспортной блокадой, все это должно привести к перенапряжению ее бюджета, сокращению и без того скудных социальных программ, вызвать недовольство населения правительством и напряженность в обществе. Проявления всего этого уже наблюдаются, а со временем должны усилиться и побудить широкие армянские массы и политиков к умеренности и компромиссу в вопросе карабахского урегулирования.

Меры по укреплению вооруженных сил Азербайджана дополняются активным пропагандистским и дипломатическим наступлением на Армению и Нагорный Карабах. Делается это посредством инициирования обсуждения и принятия соответствующих резолюций в различных международных организациях. Так, вопреки предостережениям и недовольству сопредседателей Минской группы в лице США, РФ и Франции, Азербайджан настоял на внесении в повестку дня 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопроса «Положение на оккупиро-

¹ *Ализаде Ф.* Далеко идущие планы Азербайджана // Зеркало, 06.06.2008.

² Инглаб Ахмедов: «Ближайшее экономическое будущее Азербайджана мне видится туманным» // Day.Az, 26.07.2008.

ванных территориях Азербайджана» и принятии соответствующей резолюции. В ее поддержку проголосовало 39 стран, против принятия резолюции высказались представители 7 стран, а 100 делегаций воздержались. Согласно опубликованному тексту резолюции A/62/L.42 от 14 марта Генассамблея:

1. вновь заявляет о неизменном уважении и поддержке суверенитета и территориальной целостности Азербайджанской Республики в пределах ее международно-признанных границ;
2. требует немедленного, полного и безоговорочного вывода всех армянских сил со всех оккупированных территорий Азербайджанской Республики;
3. подтверждает неотъемлемое право населения, изгнанного с оккупированных территорий Азербайджанской Республики, на возвращение в свои дома и подчеркивает необходимость создания надлежащих условий для этого возвращения, включая всеобъемлющую реабилитацию пострадавших от конфликта территорий;
4. признает необходимость обеспечения нормальных, безопасных и равных условий жизни армянской и азербайджанской общинам в нагорно-карабахском регионе Азербайджанской Республики, что позволит создать эффективную демократическую систему самоуправления в этом регионе в рамках Азербайджанской Республики;
5. вновь заявляет, что ни одно государство не должно признавать законной ситуацию, сложившуюся в результате оккупации территорий Азербайджанской Республики, и не должно содействовать или способствовать сохранению этой ситуации;
6. заявляет о поддержке международных посреднических усилий, в частности усилий сопредседателей Минской группы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, направленных на мирное урегулирование конфликта в соответствии с нормами и принципами международного права, и признает необходимость активизации этих усилий в целях обеспечения устойчивого и прочного мира согласно положениям, изложенным выше;
7. призывает государства-члены и международные и региональные организации и механизмы эффективно содействовать, в рамках своей компетенции, процессу урегулирования конфликта;
8. просит Генерального секретаря представить Генеральной Ассамблее на ее шестьдесят третьей сессии всеобъемлющий доклад об осуществлении настоящей резолюции;

9. постановляет включить в предварительную повестку дня своей шестьдесят третьей сессии пункт, озаглавленный «Положение на оккупированных территориях Азербайджана»¹.

Критики всячески принижают значение этой резолюции, говорят о ее декларативности, акцентируют то обстоятельство, что против нее проголосовали страны-сопредседатели Минской Группы, а большинство стран-членов Евросоюза воздержались. Однако сам факт принятия резолюции свидетельствует об важных изменениях, происходящих в настроениях международного сообщества. Это отчетливый сигнал, что на прежнее попустительство и снисхождение с его стороны Армении далее рассчитывать не приходится. Баку же, опираясь на данную резолюцию, уже повел атаку на те положения обсуждаемых в рамках МГ ОБСЕ «Мадридских принципов», которые не отвечают его интересам.

Азербайджанская дипломатия не ограничивается площадкой ООН, а активно продвигает карабахскую повестку в Парламентской Ассамблее Совета Европы (ПАСЕ), Организации Исламской Конференции (ОИК), в ГУАМ. Одновременно эта важная проблема постоянно поднимается во время всех визитов президента Ильхама Алиева и приемах в Азербайджане глав других государств. Принимая во внимание то, что интенсивность такого рода контактов у Азербайджана существенно выше, чем у Армении, Баку все чаще удается зафиксировать на двусторонней основе понимание собственной позиции по карабахскому урегулированию. Делать это становится легче, так как почти всех визитеров Азербайджана интересуют его энергоресурсы и возможность участия в больших проектах (NABUCCO) по доставке нефти и газа Каспия, Центральной Азии на европейские рынки.

Перетянуть соседние страны на свою сторону

Особое внимание Баку в последние годы уделяет российскому направлению своей политики. Ведь именно на стратегическом партнерстве с Россией зиждется политика безопасности Армении и стратегия Еревана по карабахскому вопросу. Здесь определенные перемены наметились уже после того, как вместо Бориса Ельцина, довольно холодно относившегося к Азербайджану, хозяином Кремля стал коллега Гейдара Алиева по службе в советском КГБ Владимир Путин. Но не только субъективные перемены на уровне первых лиц государства, но

¹ «Генассамблея ООН приняла резолюцию, поддерживающую целостность Азербайджана» // Day.Az, 15.03.2008.

главным образом объективные интересы все больше смещают вектор политики Москвы на Южном Кавказе в сторону Баку. Как отмечается в исследовании авторитетного «Совета по внешней и оборонной политике» (СВОП), российская политика в Закавказье будет постепенно фокусироваться на Азербайджане¹.

Это связано не только с наличием у него крупных энергоресурсов и важным геополитическим положением. Стремительный экономический рост и значительные финансовые авуары превратили Азербайджан в растущий платежеспособный рынок, в страну, привлекательную как в качестве инвестора, так и объекта приложения инвестиций. Не удивительно, что Дмитрий Медведев после избрания президентом России свой второй визит на постсоветском пространстве после Казахстана совершил 2-3 июля 2008 г. именно в Баку. В подписанной в ходе визита «Декларации о дружбе и стратегическом партнерстве между Россией и Азербайджаном» подчеркивается важность урегулирования нагорно-карабахского конфликта при соблюдении территориальной целостности и нерушимости границ государств. В принятом документе также отмечается: «Стороны будут способствовать скорейшему добровольному и безопасному возвращению беженцев и перемещенных вследствие конфликтов лиц»². Возможно, названная проблема не так уж интересна для России по сравнению с сотрудничеством в газовой сфере, но приходится считаться и с пожеланиями Азербайджана.

У Москвы появляются причины задуматься о необходимости вывода карабахского урегулирования из нынешнего тупика. Очевидно, что бесконечно поддерживать нынешнюю ситуацию «ни мира, ни войны» в условиях сохраняющейся оккупации армянскими силами территорий вне границ Нагорного Карабаха не удастся. Конфликты на Южном Кавказе «размораживаются». Продвижение НАТО на Южный Кавказ, а также развернутая гонка вооружений в регионе ставит Москву перед трудным выбором. Чтобы не допустить изменения существующего военного баланса, ей придется оказать Армении массивную экономическую и военную помощь, исчисляемую миллиардами долларов. Это будет означать не только большой финансовый груз и потерю привлекательного азербайджанского рынка, но и неизбежную эволюцию Баку, следом за Тбилиси, к НАТО. Если оставить верного союзника — Армению — без массивной российской поддержки, то она будет в не столь уж отдаленном будущем раздавлена превосходящими силами Азербайджана.

¹ Мир вокруг России: 2017 контуры недалекого будущего / Под редакцией Караганова С.А. М., 2007. С.133.

² «Президент России совершил визит в Азербайджан» // Day.Az, 04.07.2008.

При таком развитии событий неизвестно как долго Армения, лишенная коммуникаций с РФ, останется изолированным пророссийским островком. Поэтому, чтобы не допустить реализации негативного сценария, Москве придется либо дать отмашку на возобновление военных действий между Арменией и Азербайджаном, что крайне рискованно, либо самой продвинуть процесс урегулирования вперед. Ведь единственным способом упрочить влияние, как в Ереване, так и в Баку в новых условиях для России может стать роль инициатора и гаранта мирного соглашения. Однако наблюдаемое в последние годы сближение РФ и Азербайджана и хорошие личные отношения между президентами все еще не трансформировались в доверие между государствами. Москва за свое позитивное спонсорство в продвижении карабахского урегулирования требует от Баку слишком многого.

Это и может стать камнем преткновения. Очевидно, что Азербайджан ни при каких обстоятельствах не согласится на роль сателлита России, не присоединится к давлению Москвы на Грузию и Украину, не свернет в угоду Кремлю свои взаимовыгодные отношения с западными энергетическими компаниями. Национальные интересы и общественное мнение не позволят этого сделать, даже если у кого-то в азербайджанском руководстве появился бы соблазн решительно изменить вектор внешнеполитической ориентации страны. Но сбалансировать свою политику, с большим учетом интересов РФ, Баку может. Остается нащупать такую линию сопряжения интересов сторон, вдоль которой они могут сложиться во взаимоприемлемую конфигурацию, и дело карабахского урегулирования будет сдвинуто с мертвой точки.

Важным направлением внешней политики Азербайджана остается поддержание и углубление стратегического партнерства и союзнических отношений с Турцией. Интенсивность контактов, как на высшем политическом, так и на военном и экономическом уровнях остается высокой. Однако в связи с экономическим усилением и укреплением государственности Азербайджана эти отношения все больше принимают характер равноправного партнерства. Сегодня ГНКАР (Государственная нефтяная компания Азербайджана) приступила к реализации многомиллиардного инвестиционного проекта в сфере нефтехимии на территории Турции. Прорабатываются вопросы азербайджанского участия в газораспределительной сети Турции, а также проект расширения выхода азербайджанского газа через территорию этой страны на европейский рынок. Рассматриваются совместные проекты по производству и ремонту военной техники. Поддерживается высокий уровень координации между Турцией, Грузией и Азербайджаном по обеспечению безопасности трубопроводов.

Возможно, в ответ на наблюдаемое сближение Азербайджана с Россией, Ереван недавно сделал шаг в сторону Турции, следствием которого стали конфиденциальные переговоры высокопоставленных дипломатов в Швейцарии. Как информируют СМИ, их цель нормализовать армяно-турецкие отношения, установить дипотношения и открыть границы. Такие попытки неоднократно делались и ранее, но в условиях, когда Армения не отказывается от территориальных претензий к Турции и не освобождает оккупированные азербайджанские территории, вероятность достижения сторонами соглашения невысока. Материальным подтверждением тому стали торжества с участием президентов Турции – Абдуллы Гюля, Азербайджана – Ильхама Алиева и Грузии – Михаила Саакашвили по случаю начала работ на турецком участке железной дороги Карс-Тбилиси-Баку, который свяжет Азербайджан, Грузию и Турцию маршрутом, минующим Армению и исключаяющем ее и из этого регионального проекта. Так что, если кто-то предполагал ослабить позиции Азербайджана посредством сближения Турции с Арменией, то расчет этот вряд ли оправдается.

Определенное место в азербайджанской политике в контексте карабахского урегулирования занимает Иран. Поведение этой страны довольно двусмысленно. Официально Тегеран признает факт агрессии Армении, присоединяется к требованиям освободить оккупированные ею территории и поддерживает урегулирование карабахского конфликта в рамках территориальной целостности Азербайджана. Одновременно с этим Тегеран поддерживает тесные политические и экономические связи с Ереваном. Многозначительным выглядело поведение делегации Ирана на Генассамблее ООН, которая, присутствуя на заседании, вопреки предварительным обещаниям уклонилась от голосования, послав впоследствии ничего не значащее письмо с поддержкой позиции Азербайджана. Однако международная изоляция, в которую из-за ядерных амбиций попал правящий в Иране режим, а также наличие в этой стране многомиллионной азербайджанской общины, ограничивает поле маневра Тегерана между Ереваном и Баку. Принимая во внимание нежелание западных стран, да и Москвы отвести какую-то роль Тегерану в делах Южного Кавказа, а также негативный опыт посредничества Ирана в карабахском урегулировании в начале 1990-х гг., включение его в этот процесс на данном этапе не ожидается.

Таким образом, карабахская тематика продолжает оставаться в центре политики Азербайджана. В ее проведении официальный Баку стал вести себя более напористо и уверенно, опираясь на возросшие финансовые возможности и растущие стратегические позиции в региональной геополитике. Этого достаточно для проявления неуступчиво-

сти и противостояния любому внешнему давлению, побуждающему к уступкам, но пока недостаточного для проведения решений, отвечающих азербайджанским интересам. Дальнейший ход событий зависит не только от способностей Азербайджана и Армении распорядиться своими преимуществами, но и от того, как сложится глобальный и региональный баланс сил и конфигурация международных отношений.

МЕСТО КАРАБАХА В РЕГИОНЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ТУПИКИ

МАСИС МАИЛЯН

Нагорно-карабахский конфликт считается одним из застарелых и трудноразрешимых конфликтов на Южном Кавказе. Проблема Нагорного Карабаха впервые возникла в 1918 г. после развала Российской империи – в связи с необходимостью территориального разграничения между ставшими независимыми Арменией и Азербайджаном. Этот спор, который стал предметом рассмотрения Лиги наций, длился до 1921 г., когда после советизации Армении и Азербайджана партией большевиков было принято решение о передаче Нагорного Карабаха в состав Азербайджана на правах автономии. Решение было принято под давлением Иосифа Сталина и не учитывало волю карабахских армян, которые составляли в то время более 90% населения края. В 1923 г. на части территории Нагорного Карабаха была создана автономная область. Одновременно, за счет территорий Карабаха и приграничной Зангезурской провинции Армянской ССР, был образован Курдистанский уезд (Красный Курдистан), который просуществовал около семи лет. Одной из важных целей создания и упразднения Красного Курдистана было лишение Армении и Карабаха общей границы.

В течение почти 70-летнего пребывания Нагорного Карабаха в составе советского Азербайджана официальные власти Азербайджана систематически нарушали права карабахских армян, тормозили развитие экономики края и проводили политику выдавливания армян из Карабаха с целью изменения демографической картины региона в пользу его азербайджанского меньшинства. Имели место случаи убийств, исчезновений людей и пыток, произвольных арестов, показательных судов над политическими заключенными, подавления инакомыслия и открытой депортации жителей десятков населенных пунктов.

Арцах (*историческое армянское название Карабаха – М.М.*) не смирился с репрессивной политикой азербайджанских властей и неоднократно поднимал карабахскую проблему перед центральными органами власти СССР. Однако в условиях советской тоталитарной системы все подобные попытки жестоко подавлялись. В период горбачевской перестройки начался новый этап национально-освободительного движения Арцаха, итогом которого стало провозглашение 2 сентября 1991 г. Нагорно-Карабахской Республики (НКР).

Таким образом, в ходе распада СССР на территории бывшей Азербайджанской ССР де-факто и де-юре образовалось два независимых государства - Азербайджанская и Нагорно-Карабахская республики.

Уже с осени 1991 г. Азербайджан начал широкомасштабную войну против Карабаха. Война привела к гибели десятков тысяч людей и нанесла существенный урон экономике региона. Народу Нагорного Карабаха ценой огромных жертв удалось защитить свое право жить свободной и достойной жизнью. Перемирие, достигнутое между Азербайджаном, Нагорным Карабахом и Арменией в мае 1994 г., соблюдается по сей день. Одной из уникальных особенностей данного конфликта является то, что многолетнее поддержание режима прекращения огня имеет место без присутствия международных сил по поддержанию мира и проведения международной миротворческой операции. Перемирие в зоне конфликта держится на военно-политическом балансе сил и ряде факторов мировой политики.

В послевоенный период народ Нагорного Карабаха сумел в значительной мере восстановить разрушенное войной, достигнув определенных успехов в государственном строительстве, социально-экономическом и демократическом развитии. Создание и совершенствование регулярной армии Нагорного Карабаха продолжает играть важную роль в сохранении стабильности и безопасности в регионе. Армия обороны НКР обеспечивает безопасность республики перед лицом серьезной угрозы военной интервенции или террористических атак с территории Азербайджана, а также фактически выполняет миротворческую функцию в условиях политической неурегулированности карабахско-азербайджанских отношений.

Поскольку на протяжении всей истории взаимоотношений Азербайджан при всех режимах представлял реальную угрозу безопасности Нагорного Карабаха, обеспечение внешней безопасности НКР и сегодня остается весьма актуальной задачей.

В то же самое время НКР не угрожает безопасному существованию и развитию Азербайджана. Напротив, после правового, а следом и военного размежевания Нагорного Карабаха и Азербайджана, а затем и после заключения перемирия, Азербайджан переживает бурное экономическое развитие. Об этом свидетельствуют статистические данные, озвученные президентом Азербайджана на заседании Кабинета министров весной 2008 г. По словам азербайджанского президента, за последние четыре года, в 2004-2007 гг., экономика Азербайджана возросла на 96%, экономический потенциал удалось удвоить и на этой экономической базе сохранить высокие темпы роста. Было отмечено, что бюджет Азербайджана с каждым годом увеличивается, сводный бюджет на 2008 г. находится на уровне 12 млрд. долларов. Это в десять раз

больше, чем в 2003 г. По бюджетным расходам на душу населения Азербайджан находится на одном из передовых мест на всем пространстве СНГ, страна занимает высокое место по этому показателю в мировом масштабе.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что Нагорно-Карабахская Республика в послевоенных границах 1994 г. не препятствует развитию Азербайджана. Более того, сегодняшние фактические границы между НКР и Азербайджаном, появившиеся вследствие этно-территориального размежевания, являются важным элементом в поддержании стабильности в регионе. Создавшиеся условия, с одной стороны, позволяют странам региона развиваться, а с другой - способствуют обеспечению прав граждан НКР на физическую безопасность и государственную независимость. Совершенно очевидно, что НКР не сможет самостоятельно развиваться и обеспечивать военную, продовольственную, энергетическую и экологическую безопасность в изначально нелегитимных и анклавных границах бывшей НКАО. Очевидно и то, что претензии Азербайджана на территории Карабаха являются вопросом политических амбиций, а не жизненно важным фактором развития этой страны.

Кроме того, как уже отмечалось, перемирие между Азербайджаном и НКР держится благодаря сложившейся системе военно-политического баланса сил сторон, в которой освобожденные в ходе навязанной Карабаху войны территории выполняют стратегическую функцию. Любой скоропалительный и не гарантированный целым рядом предварительно ратифицированных межгосударственных соглашений отход от сложившихся реалий приведет к немедленному нарушению упомянутого баланса сил и, вне всякого сомнения, спровоцирует новую войну.

Нагорный Карабах выступает против войны и играет в регионе стабилизирующую роль. В послевоенные годы Карабах не раз выступал с миротворческими инициативами, выражал готовность вести прямые переговоры с официальным Баку, содействовал диалогу между неправительственными организациями НКР и Азербайджана. Очевидно, что политика открытости НКР не находит адекватной реакции со стороны Баку. Азербайджан демонстрирует иную позицию, суть его заявлений сводится к следующему: мы хотим мирного исхода, но на наших условиях, а иначе мы прибегнем к военному решению.

Сегодня, с учетом накопленных за 14 лет перемирия военных потенциалов сторон, можно утверждать, что возобновление военных действий в нашем регионе будет иметь катастрофические последствия для всего Южного Кавказа и не оставит в стороне соседние страны. Поэтому приверженность армянских сторон мирному урегулированию кон-

фликта является проявлением ответственности как перед собственным, так и перед всеми народами региона, а не признаком слабости.

Соревнование и соперничество стран региона должны быть сбалансированы кооперацией и чувством общей судьбы. В Нагорном Карабахе считают, что региональное сотрудничество в экономической и других сферах возможно и на этапе мирного процесса, то есть до окончательного урегулирования конфликта. Процессы урегулирования конфликтов и развитие всесторонних связей между странами и народами региона должны идти параллельно.

Очевидно, что налаживание взаимовыгодных экономических связей между вовлеченными в конфликт странами создаст необходимую позитивную атмосферу для разрешения существующих сложных политических проблем. Подобная позиция положительно оценивается и находит поддержку со стороны международного сообщества. В частности, Европейский Союз, Совет Европы и ОБСЕ регулярно призывают страны нашего региона разблокировать коммуникации и установить региональное сотрудничество. Официальный Баку пока отрицательно реагирует на призывы евроструктур и отдельных стран, воспринимая их как способ давления на Азербайджан. Не находят положительного отклика в азербайджанском истеблишменте и предложения НКР по мерам установления доверия. Между тем эти меры носят сугубо гуманитарный характер, и от их реализации одинаково выиграют как военнослужащие, так и жители приграничных населенных пунктов Азербайджана и Нагорного Карабаха.

Баку по-прежнему подвергает Армению и Нагорный Карабах транспортно-энергетической блокаде, что по международно-правовым нормам является одной из форм враждебных действий. Это происходит вопреки известным резолюциям Совета Безопасности ООН по нагорно-карабахскому конфликту. Продолжающаяся сухопутная блокада Армении со стороны Турции, несомненно, серьезно усугубляет противостояние в регионе и тормозит его полноценное развитие. Турция в нагорно-карабахском конфликте выступает в двух противоречивых ипостасях: с одной стороны Анкара, как член Минской Группы ОБСЕ, является посредником в урегулировании спора, с другой – открыто поддерживает Азербайджан, участвуя вместе с ним в блокаде Армении.

Между тем, открытие коммуникаций, налаживание взаимовыгодных экономических и гуманитарных контактов, осуществление программ научного, образовательного и культурного сотрудничества будет способствовать снятию напряженности между странами региона. По причине отсутствия прямых экономических связей страны нашего региона несут немалые финансовые потери, поскольку товарооборот между государствами все-таки существует, но он осуществляется по-

средством третьих стран. Легализация торговли и налаживание прямых бизнес-контактов снизит коррупционные риски в регионе и будет способствовать экономической интеграции Южного Кавказа. В свою очередь, хозяйственная интеграция сама послужит стимулом к региональному миру и безопасности.

На наш взгляд, безопасность НКР должна быть обеспечена на нескольких уровнях: системой безопасности самой НКР, документально оформленными гарантиями Армении, гарантиями, которые будут включены в текст будущего мирного договора с Азербайджаном, а также международными гарантиями (включая возможное подключение НКР к региональным и субрегиональным системам безопасности).

С учетом меняющегося миропорядка настало время заинтересованным международным организациям предусмотреть возможность для подключения Нагорно-Карабахской Республики к региональным системам безопасности. Это было бы целесообразным, поскольку международно-признанное устройство Южного Кавказа, которое состоит исключительно из трех государств, не учитывает все действующие в регионе силы, потому и не может обеспечить полноценную и долгосрочную региональную стабильность.

Подобный подход способен, с одной стороны, повысить ответственность всех субъектов региона за судьбу Южного Кавказа, с другой — даст возможность соответствующим международным структурам сотрудничать с реально функционирующими в регионе структурами безопасности, например, в рамках Форума ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности.

Необходимы такие решения, которые позволили бы зафиксировать уже состоявшееся этно-территориальное размежевание, и в то же время не подорвали бы геополитический баланс интересов в регионе. Балканский опыт разрешения конфликтов показал, что только способ территориально-государственного размежевания может привести к мирному и бесконфликтному сосуществованию, основанному на поддержке европейского и международного сообществ. В настоящее время все больше стран, заинтересованных в урегулировании конфликтов, приходят к мнению о том, что гораздо безопаснее, эффективнее и намного дешевле признавать право непризнанных государств на политическую самостоятельность и суверенитет, чем принуждать их к подчинению бывшим враждебно настроенным метрополиям. Есть понимание, что силовое принуждение приведет в итоге к возникновению новых проблем мировой и региональной безопасности.

Урегулирование карабахско-азербайджанского конфликта на основе естественной концепции мирного сосуществования двух государств — Нагорно-Карабахской Республики и Азербайджанской Республики —

станет залогом стабильности, сотрудничества и процветания стран и народов как Южного Кавказа, так и его соседей.

Принимая во внимание то, что Нагорный Карабах не преследует агрессивных и других деструктивных целей, создал и развивает собственные вооруженные силы для обеспечения мира и безопасности, развивает государственность с учетом современных стандартов, стремится к развитию экономики на основе рыночных отношений, Нагорно-Карабахская Республика в ближайшей перспективе должна стать полноправным партнером стран региона, а также быть вовлечена в такие проекты Европейского Союза, как «Политика Европейского соседства» и «Восточное партнерство».

На пути к полноценному и полноформатному региональному сотрудничеству, в том числе в области безопасности, лежат определенные преграды, такие как: неурегулированность конфликтов, столкновение интересов региональных и внешних игроков, нахождение стран Южного Кавказа в разных системах политических координат, гонка вооружений, сложные армяно-турецкие отношения, низкий уровень демократии и другие.

Вышеназванные причины не дали многочисленным инициативам по принятию Пакта стабильности для Кавказа получить должную поддержку со стороны региональных игроков. В политике стран Южного Кавказа должна возобладать тенденция к осознанию общих региональных интересов, поскольку от этого фактора зависит эффективность регионального сотрудничества и достижение консенсуса по приоритетам и подходам к их реализации. Очевидно, что существующие конфликты будут и далее использоваться для усиления влияния внешних сил. Поэтому целесообразно строить политику не на противопоставлении интересов сильных игроков, а добиваться соблюдения общего интереса и взаимной выгоды. Основными приоритетами регионального сотрудничества должны быть безопасность и торговля. Восстановление нормальных торговых отношений, с немедленным снятием блокады, восстановлением региональной инфраструктуры, что уже подготовлено программами ИНОГЕЙТ и ТРАСЕКА, может привести к созданию зоны свободной торговли, совместимой с ВТО.

Южный Кавказ стал одним из наиболее милитаризованных регионов мира. Накопление в нашем регионе большого количества вооружения и военной техники актуализирует проблемы контроля, ограничения и сокращения вооружений. За малым исключением на Южном Кавказе не существует действенных механизмов по контролю или ограничению основных видов конвенциональных вооружений.

Важно отметить, что отсрочка мировым сообществом де-юре признания государственной независимости Нагорно-Карабахской Респуб-

лики и приток в Азербайджан нефтедолларов стимулируют эту страну наращивать гонку вооружений, заниматься милитаристской риторикой и демонстрировать все более жесткую переговорную позицию. Между тем, деэскалация гонки вооружений и освобождение ресурсов от военного бюджета положительно скажутся на социальных затратах и инвестициях в гражданские инфраструктуры. На тех странах, которые инвестировали в нефтяной сектор экономики Азербайджана, лежит большая ответственность за сохранение мира в регионе. Этим странам, а также России, следовало бы недвусмысленно и последовательно указывать Азербайджану на бесперспективность вынашиваемых в Баку планов военного решения конфликта с НКР.

Исключительно важную роль играет контроль со стороны Соединенных Штатов за использованием создаваемой в Азербайджане при помощи США военной инфраструктуры в целях поддержания безопасности в бассейне Каспийского моря. США должны обладать эффективным механизмом для предотвращения использования этих сил против интересов НКР и Республики Армения.

Признание НКР со стороны международного сообщества откроет новые возможности для укрепления безопасности региона. Таким образом, США и европейские страны могли бы помочь Азербайджану преодолеть имеющиеся психологические барьеры и пойти на сотрудничество со всеми странами Южного Кавказа, точно так же, как Запад помог Сербии начать интеграцию в Евросоюз, сохранив лицо в вопросе Косово. Подобное развитие ситуации принесет долгосрочную стабильность Южному Кавказу и обеспечит энергетическую безопасность Европы. По мнению ряда европейских экспертов, разрешение нагорно-карабахского конфликта, единственного в регионе конфликта, который напрямую сталкивает между собой два признанных и одно «непризнанное» государство (по сути, половину из шести политических субъектов региона Южного Кавказа) — это ключ к любому значительному прогрессу в деле обеспечения безопасности и достижения соглашения о сотрудничестве в регионе.

В заключение хотелось бы отметить, что региональная стабильность и безопасность неотделима от мер по углублению кооперации государств региона по предотвращению кризисного обострения глобальных и региональных проблем. Совместное решение таких вопросов, как сохранение мира и обеспечение необратимости процессов мирного урегулирования конфликтов, охраны окружающей среды, рационального использования минерально-сырьевых ресурсов, создания сбалансированной инфраструктуры энергетики, борьбы с болезнями и эпидемиями, значительно улучшит условия жизни населения региона.

Наше видение мира – это установление стабильности и доверия в регионе, а в перспективе – развитие интеграционных процессов практически во всех сферах социально-экономической и политической жизни. Только на основе взаимоуважения и равноправного партнерства можно будет обеспечить достойное будущее для всех народов Южного Кавказа.

Использованная литература

1. Letter from the President of the Peace Delegation, Republic of Azerbaijan, to President of League of Nations, December 7, 1920, objecting to League's conclusion on difficulties in assessing frontiers, boundaries, and refuting problems in dispute with Armenia, [FO 371/4955], in *Caucasian Boundaries, Documents and Maps (1802-1946)*, edited by Anita L.P. Burdett, Archive Editions, London, 1996;
2. *Fairbanks Ch., Starr F.S., Nelson R.C., Weisbrode K. Strategic Assessment of Central Eurasia*. ACUS, SAIS: Washington, 2001;
3. *Perlo-Freeman S., Stalenheim P. Military Expenditure in the South Caucasus and Central Asia//Armament and Disarmament in the Caucasus and Central Asia*, SIPRI, Stockholm, 2004;
4. *Мурадян И. Политика США и формирование региональных альянсов на Ближнем Востоке*. Ереван, 2001;
5. Большая советская энциклопедия, т. I, Москва, 1929;
6. *Челак С., Эмерсон М., Точки Н. Пакт стабильности для Кавказа*. Брюссель, 2000;
7. *Эмерсон М., Точки Н., Прохорова Е. Пакт стабильности для Кавказа в теории и практике – дополнительная записка*. Брюссель, 2000;
8. *Мирманова Н. Коррупция и конфликты на Южном Кавказе*. International Alert, London, 2006;
9. *European Neighbourhood Policy (European Union – Brief Survey and Document File)*, Yerevan, 2006;
10. *Маилян М. Признание НКР не самоцель, а возможность обеспечения политико-дипломатическими средствами безопасности народа от возможных внешних угроз // Демо, Степанакерт, 2008;*
11. *Mayilian M. The Nagorno-Karabakh Republic as Factor of Peace and Stability in the Region of the Southern Caucasus*. University of Connecticut, USA, 2006;
12. *Заргарян Р. Доктрина геополитики современной Восточно-Средиземноморской цивилизации*. Санкт-Петербург, 2004;
13. *Пирумов В. Стратегия выживания социума*. Москва, 2003.

ГРУЗИЯ И КОНФЛИКТЫ НА ЕЕ ТЕРРИТОРИИ

ПААТА ЗАКАРЕИШВИЛИ

Наблюдатель может прийти к заключению, если в самом деле что-то еще и объединяет Южный Кавказ, то это, в первую очередь, неразрешенные конфликты. Смело можно констатировать, что в карабахском конфликте на сегодняшний день нет той динамики, которая наблюдается в конфликтах, тянущих на территории Грузии. В Грузии своего разрешения ждут два неурегулированных этно-территориальных конфликта, которые еще в начале 1990-х гг. прошли военные фазы противостояния и теперь находятся в периоде глубокой стагнации. Это - конфликт в Абхазии (активные боевые действия прекратились осенью 1993 г.) и конфликт на территории бывшей Юго-Осетинской автономной области (активные боевые действия прекратились летом 1992 г.). На сегодняшний день переговорный процесс фактически находится в тупике и ситуацию оживляют время от времени вспыхивающие инциденты, которые, с легкой руки грузинских властей, становятся предметом обсуждения в международных организациях и зарубежных СМИ. А некоторые из инцидентов имеют склонность к расширению и создают условия разрастания угрозы региональной безопасности. К таковым можно причислить эскалации мая 1998 г. и октября 2001 г. в Абхазии. А в июле 2004 г. вооруженная эскалация на территории бывшей Юго-Осетинской автономной области чуть не переросла в полномасштабные боевые действия. С целью разрешения конфликтов подписан ряд соглашений, но практический не одно из них не выполняется в полной мере, и постоянно слышны упреки конфликтующим сторонам за их нарушения. На сегодняшний день переговорный процесс приостановлен и нет никаких признаков его возобновления в ближайшее время в обоих конфликтах.

Даже названия конфликтов и названия конфликтующих сторон являются предметом недоразумений. 15 марта 2007 г. в своем ежегодном выступлении в парламенте Грузии Михаил Саакашвили возмущался теми, кто пользуется терминами «грузино-абхазский конфликт» и «грузино-осетинский конфликт»: Эти «Термины придуманы глупыми людьми, просто не информированными людьми. Мы должны раз и навсегда осознать, что это — очередная брехня имперских идеологов и технологов»¹. Нечто подобное он говорил и годом раньше — 14 февраля 2006 г.

¹ <http://www.president.gov.ge/?l=G&m=0&sm=6&st=0&id=2164>.

В литературе и в риторике существуют два варианта названия конфликта в Абхазии: «грузино-абхазский конфликт» и «конфликт в Абхазии/Грузия». Первый вариант, как правило, фигурирует в тех документах, которые подписаны и абхазской стороной. Например, «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта»¹ подписанное в Москве 4 апреля 1994 г. Однако подобное название конфликта встречается и в некоторых документах, принятых Содружеством Независимых Государств: «Заявление Совета Глав Государств СНГ о проведении операции по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта, принятое в Москве 15 апреля 1994 г.»².

Второй вариант, т.е. название «конфликт в Абхазии/Грузия», употребляется в тех документах, разработка которых не подвластна абхазской стороне и которые подписывают только субъекты международного права. Во всех резолюциях Совета Безопасности ООН, включая Резолюцию от 29 июля 2005 г., конфликт упоминается как «конфликт в Абхазии/Грузия»³. Типичным примером является принятая 29 июля 2005 г. Резолюция 1615 (2005): «...подчеркивая, что сохраняющееся отсутствие прогресса по ключевым вопросам всеобъемлющего урегулирования конфликта в Абхазии/Грузия...». Но, после отчетного доклада президента Грузии перед парламентом 14 февраля 2006 г., в котором он заявил, что «грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты» - некомпетентные термины, выдуманные нашими недоброжелателями», во всех последующих резолюциях Совета Безопасности ООН конфликт уже называется «грузино-абхазским». Этот факт указывает на возникновение в Совете Безопасности ООН видения, отличного от видения президента Грузии. Например: Резолюция 1666 (2006) Совета Безопасности ООН от 31 марта 2006 г.: «...поддерживает все усилия Организации Объединенных Наций и Группы друзей Генерального Секретаря, в основе которых лежит их решимость способствовать урегулированию грузино-абхазского конфликта...»⁴. Резолюция 1808 (2008) Совета Безопасности ООН от 15 апреля 2008 г.: «1. ...поддерживает все усилия Организации Объединенных Наций и Группы друзей Генерального секретаря, в основе которых лежит их решимость способствовать урегулированию грузино-абхазского конфликта...»⁵.

¹ <http://www.un.org/russian/peace/pko/unomig/94-397.pdf>.

² <http://www.un.org/russian/peace/pko/unomig/94-476.pdf> или Постановление Совета Министров _ Правительства Российской Федерации «О дальнейших мерах по урегулированию грузино-абхазского конфликта» от 13 сентября 1993 г. (Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, № 39, 13 сентября 1993. С.4042).

³ <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2005/res1615.htm>.

⁴ <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2006/res1666.htm>.

⁵ <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2008/res1808.htm>.

Не все четко и с названием конфликта на территории бывшей Юго-Осетинской автономной области. Базовый документ по урегулированию этого конфликта, подписанный в Сочи 24 июня 1992 г., называется «Договор о принципах урегулирования грузинско-осетинского конфликта»¹. Впоследствии конфликт будут называть «грузино-осетинским». Например: «Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Грузия об экономическом восстановлении районов в зоне грузино-осетинского конфликта. 14 сентября 1993 г.»². Так конфликт называют и по сей день. Это подтверждают и все протоколы Смешанной контрольной комиссии, начиная с осени 1994 г., например: «Соглашение о дальнейшем развитии процесса мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта и о Смешанной Контрольной Комиссии. 31 октября 1994 г.» или заявление, принятое в Сочи 5 ноября 2003 г. на встрече Зураба Жвания и Эдуарда Кокойты: «Заявление по итогам встречи З.Жвания и Э.Кокойты ... Во время встречи произошел основательный обмен мнениями по вопросам урегулирования грузино-осетинского конфликта... стороны заявили верность основополагающим документам, которые подписаны в рамках урегулирования грузино-осетинского конфликта и которые представляют твердую базу для переговоров по полномасштабному политическому урегулированию грузино-осетинского конфликта...» и так далее. Но разработанный и расписанный по времени правительством Грузии Мирный план, который был распространен на встрече министров иностранных дел ОБСЕ в Любляне в конце 2005 г., официально назывался «План мирного урегулирования грузино-юго-осетинского конфликта, разработанный правительством Грузии»³. А документ, опубликованный на Батумской конференции в июле 2005 г., называется «Инициатива правительства Грузии, связанная с мирным урегулированием югоосетинского конфликта»⁴.

Однако, 30 апреля 2008 г., в совместном заявлении президентов Грузии и Украины говорится: «Президенты Украины и Грузии рассмотрели современное состояние вокруг урегулирования грузино-абхазского и грузино-юго-осетинского конфликтов (...) Украина и Грузия подтверждают, что решения грузино-абхазского и грузино-юго-осетинского конфликтов возможно лишь мирными средствами и в рамках резолюций Совета безопасности ООН (...)»⁵.

¹ Свободная Грузия, №82, 27.07.1992.

² Дипломатический Вестник, № 23-24, 1993. С.44.

³ <http://www.un.org/russian/peace/pko/unomig/unmigdocs.htm>.

⁴ <http://www.president.gov.ge/?l=G&m=0&sm=5>.

⁵ ИА Новости-Грузия, 30.04.2008.

В 1993-94 гг. были подписаны все те соглашения, которые формировали институты, на которые возложены обязательства через мирный процесс управлять и трансформировать конфликты. Правово-политической основой урегулирования грузино-осетинского конфликта является подписанное 24 июня 1992 г. между Республикой Грузия и Российской Федерацией в Сочи «Соглашение о принципах урегулирования Грузинско-Осетинского конфликта»¹. Результатом этого соглашения стало окончательное и действительное прекращение огня на всей территории бывшей Юго-осетинской автономной области. Согласно Договору, была создана Смешанная контрольная комиссия (СКК), четырехсторонний орган с участием грузинской, южно-осетинской, российской и северно-осетинской сторон. В июне 1992 г. на основе этого документа был создан объединенный трехсторонний контингент миротворческих сил с общим Командованием в составе 1500 военнослужащих.

6 ноября 1992 г. по решению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, эта организация (впоследствии Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе — ОБСЕ) непосредственно подключается к разрешению грузино-осетинского конфликта.

Правово-политической основой урегулирования грузино-абхазского конфликта являются: «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта»² от 4 апреля 1994 г., а также подписанное в тот же день «Четырехстороннее Соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц»³ и «Соглашение о прекращении огня и разъединении сил»⁴ от 14 мая 1994 г.

Миссия Организации Объединенных Наций по наблюдению в Грузии (МООНГ) была учреждена 24 августа 1993 г. Резолюцией №858 (1993) Совета Безопасности ООН⁵. Резолюцией Совета Безопасности ООН №937 (1994) от 21 июля 1994 г., был определен мандат МООНГ, который состоит в следующем: а) наблюдении и контроле за выполнением сторонами Соглашения о прекращении огня и разъединении сил, подписанного в Москве 14 мая 1994 г.; б) наблюдении за операцией миротворческих сил СНГ в рамках осуществления Соглашения; в) контроле путем наблюдения и патрулирования за тем, чтобы войска сторон не оставались в зоне безопасности и не возвращались в нее; г) наблюдении за районами хранения тяжелой боевой техники,

¹ Свободная Грузия, №82, 27.06.1992.

² Свободная Грузия, №52, 05.04.1994.

³ Свободная Грузия, №53, 06.04.1994.

⁴ Свободная Грузия, №79, 17.05.1994.

⁵ <http://www.un.org/russian/document/res1993/res858.htm>.

выведенной из зоны безопасности и зоны ограничения вооружений, в случае необходимости в сотрудничестве с миротворческими силами СНГ; д) наблюдении за выводом войск Республики Грузия из Кодорского ущелья в места за пределами Абхазии, Республика Грузия; е) регулярном патрулировании Кодорского ущелья; ж) расследовании по просьбе любой стороны или миротворческих сил СНГ или по своей собственной инициативе сообщений или утверждений о нарушениях Соглашения и в попытках урегулирования или содействия урегулированию таких инцидентов; з) поддержании тесных контактов с обеими сторонами в конфликте и сотрудничестве с миротворческими силами СНГ, а также благодаря своему присутствию в районе в содействии созданию благоприятных условий для безопасного и упорядоченного возвращения беженцев и перемещенных лиц¹.

22 августа 1994 г. Советом глав государств Содружества независимых государств было принято решение об использовании Коллективных сил по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта. Это решение было основано на просьбах абхазской стороны от 15 мая 1994 г., и грузинской стороны от 16 мая 1994 г. — где стороны в конфликте, почти что единогласно, просили руководство СНГ как можно скорей ввести миротворческие силы для поддержания мира в конфликтной зоне. Главы государств СНГ решили разместить в зоне грузино-абхазского конфликта Коллективные силы по поддержанию мира, состоящие из российского воинского контингента. В период действия миротворческие силы должны были выполнять следующие задачи: а) обеспечение строгого соблюдения прекращения огня, установление мира и предотвращение возобновления военных действий в зоне конфликта путем разъединения вооруженных формирований конфликтующих сторон; б) создание условий для безопасного и достойного возвращения людей, покинувших зону конфликта в районы их прежнего постоянного проживания и выполнения других положений Четырехстороннего соглашения о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц от 4 апреля 1994 г.²

Заявлением о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта от 4 апреля 1994 г. был начат т.н. «Женевский процесс», который подразумевает поддержание грузино-абхазского регулярного мирного переговорного процесса. На очередной встрече в Женеве 17-19 ноября 1997 г. грузинской и абхазской сторонами была

¹ <http://www.un.org/russian/documen/scresol/res1994/res937.htm>.

² Сборник документов, касающихся вопроса урегулирования конфликта в Абхазии, Грузия, принятых в период 1992 по 1999 гг. // Составитель Уридия Г. Тбилиси, 1999. С.40-42.

достигнута договоренность образовать Координационный совет, в рамках которого действовали бы три рабочие группы по конкретным направлениям:

- вопросы устойчивого не возобновления огня и проблемы безопасности;
- беженцы и лица, перемещенные внутри страны;
- экономические и социальные проблемы¹.

На этой же встрече в Женеве было принято решение о создании Группы друзей Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. По статусу эта группа могла участвовать во встречах и заседаниях, выступать с заявлениями и предложениями по различным аспектам мирного процесса, включая политическое урегулирование. Группа друзей Генерального секретаря Организации Объединенных Наций не является стороной на переговорах и не приглашается для подписания документов, согласуемых в ходе переговоров сторонами конфликта. В группу вошли США, Россия, Великобритания, ФРГ и Франция.

Общее видение международным сообществом основных принципов урегулирования грузино-абхазского конфликта отражено в так называемом «Документе Бодена»². Несмотря на всё его значение, к «Документу Бодена» имеют претензии принципиального характера как абхазская, так и грузинская стороны. Абхазскую сторону пугает реинтеграция в грузинское государство, а грузинскую сторону — фиксация статуса суверенности Абхазии. Неразрешимо ли подобное противоречие? В случае наполнения основных принципов «Документа Бодена» конкретными, определенными в правовом и политическом отношении демократическими механизмами и гарантиями, для обеих сторон разработка решений должна стать приемлемой. Только это должны сделать непосредственно грузинская и абхазская стороны, так как ни ООН, ни международное сообщество независимо от них не смогут определить, какая конкретно степень суверенитета может соответствовать интересам сразу обеих сторон.

Несмотря на перечисленные выше устойчивые институты и многолетний опыт работы над трансформацией и решением указанных конфликтов, наличие многочисленных заключенных договоров и соглашений, конфликтующие стороны вот уже 15 лет продолжают занимать

¹ Свободная Грузия, №215, 20.11.1997.

² Документ «Основной принцип раздела полномочий между Тбилиси и Сухуми», подготовленный представителем Генерального Секретаря ООН Дитером Боденом при участии представителей стран-друзей Генерального Секретаря ООН, 20.11.2001.

радикальные и непримиримые позиции. На уровне риторики абхазские и осетинские стороны стремятся к независимости от Грузии и признанию международным сообществом их независимости. А с грузинской стороны до сих пор остается без ответа важнейший вопрос: какой видится грузинским властям модель будущего устройства страны, какими механизмами будет гарантирован суверенитет Абхазии и бывшей Юго-Осетинской автономной области в составе грузинского государства и вообще, о какой степени суверенитета могла бы идти речь. Центральные власти по сей день не выработали единой позиции по данному вопросу.

Следствием отсутствия у грузинских власти единой, выверенной с политической и правовой точек зрения позиции является то, что вплоть до сегодняшнего дня основные надежды в деле урегулирования конфликтов возлагаются на внешние силы (ООН, Россию, США, Группу друзей генсека ООН, ОБСЕ, ЕС и ГУАМ). Существующие обстоятельства создают проблемы и дружественным странам и институтам в условиях, когда не существует четкой позиции правительства о статусе и гарантиях отколовших регионов в составе грузинского государства. Дружественным странам объективно трудно убедить абхазскую и осетинскую сторону в целесообразности возвращения в состав Грузии.

За последние 15 лет в грузино-осетинском конфликте наиболее динамичным оказались 2004 – 2006 гг. Существующую динамику однозначно определило резкое изменение политики Грузии в отношении переоценки роли России в урегулировании грузино-осетинского конфликта. В начале динамику спровоцировала вооруженная эскалация в Цхинвальском регионе в июне-июле 2004 г. После безболезненного и эффективного выпровождения из политики Эдуарда Шеварднадзе, а затем и лидера Аджарской автономии Аслана Абашидзе, в политической элите Грузии сложилась эйфория и настрой на то, что все задачи, стоящие перед новыми властями Грузии, так же легко решаемы. Так же задумали подойти и к решению грузино-осетинского конфликта. К сожалению, наступательная и не учитывающая интересов осетинского населения тогдашняя политика Грузии привела к вооруженному столкновению. В результате непродуманной стратегии имелись человеческие жертвы с обеих сторон. Приостановились все социально-экономические проекты и поддержка западных институтов. Значительно углубилось отчуждение между осетинским и грузинским населением в регионе. В итоге, грузинские власти получили резко противоположный планируемому результат.

После событий лета 2004 г. произошло определенное переосмысление стратегии. В сентябре 2004 г. президент Грузии Михаил Саакаш-

вили представил на заседании Генеральной Ассамблеи ООН план последовательного решения конфликтов на территории Грузии. 26 января 2005 г. он успешно выступил с новой «Инициативой Правительства Грузии в связи с мирным урегулированием южно-осетинского конфликта»¹. А в декабре 2005 г. в Любляне, на встрече министров иностранных дел стран ОБСЕ, был распространен План мирного урегулирования грузино-югоосетинского конфликта, который был подготовлен правительством Грузии².

12 декабря 2005 г. неожиданно озвучивается Инициатива де-факто президента Южной Осетии Эдуарда Кокойты по мирному урегулированию грузино-осетинского конфликта. Через эту инициативу Кокойты предложил конкретные шаги, направленные на обеспечение динамики в деле урегулирования отношений между южно-осетинской и грузинской сторонами: «1. Поскольку планы по грузино-осетинскому урегулированию, выдвигаемые в одностороннем порядке, не дают положительных результатов, полагаю необходимым приступить к совместной разработке грузино-осетинской программы последующих шагов по справедливому урегулированию конфликта; 2. Предлагаю создать к 1 февраля 2006 г. в рамках Смешанной контрольной комиссии (СКК) по урегулированию грузино-осетинского конфликта рабочую группу по выработке такой скоординированной программы; 3. Указанная программа, по моему мнению и с учетом некоторых ранее высказанных предложений, должна включать в себя следующие позиции: - трехэтапность схемы урегулирования, одобренная сторонами, участвующими в урегулировании конфликта: первый этап - демилитаризация зоны конфликта, восстановление доверия и гарантии безопасности, второй этап - социально-экономическая реабилитация, третий этап - политическое урегулирование; - необходимость срочного проведения встреч руководителей правоохранительных органов и силовых структур в формате СКК с целью координации действий в зоне конфликта; - проведение встреч между парламентариями, представителями общественных организаций, интеллигенции и духовенства; - создание неформальной структуры содействия СКК с возможным участием представителей законодательных органов сторон, вовлеченных в урегулирование; - начало разработки концепции зоны наибольшего экономического благоприятствования, которая, как вариант, могла бы включать Алагирский район Северной Осетии, Южную Осетию и Горийский район Грузии, с учетом положений россий-

¹ <http://www.president.gov.ge/others/initru.htm>.

² <http://www.un.org/russian/peace/pko/unomig/unmigdocs.htm>.

ско-грузинского межправительственного Соглашения о взаимодействии в восстановлении экономики в зоне грузино-осетинского конфликта и в возвращении беженцев от 23 декабря 2000 г.; - создание необходимых условий для реализации в зоне конфликта экономических проектов, финансируемых Еврокомиссией и ОБСЕ; - политико-правовая оценка событий 1989 - 92 гг. и 2004 г.; - выработка Грузией с учетом международных норм и принятие ею закона о реституции; - обязательства сторон перед международным сообществом не наращивать свой наступательный потенциал и не использовать вооруженные силы в зоне конфликта; 4. Для запуска работы над такой совместной программой предлагаю провести не позднее 15 февраля 2006 г. встречу полномочных представителей сторон в формате СКК с участием ОБСЕ; 5. Рабочей группе представить согласованный проект совместной программы на одобрение СКК к 1 марта 2006 г.; Такая совместная программа могла бы стать основой для обсуждения в ходе встречи высших политических руководителей сторон, участвующих в урегулировании конфликта, которая была предложена на заседании СКК в г. Любляне 15-16 ноября 2005 г.»¹

К сожалению, эти интересные и перспективные инициативы не были реализованы. Краткосрочные результаты перевесили долгосрочные перспективы, и на сегодняшний день ни одно из этих предложений не является предметом переговоров.

Параллельно мирным инициативам, которые продвигало вперед правительство Грузии, другая группа во власти в лице министра внутренних дел Грузии Вано Мерабишвили 19 ноября 2005 г. организовала побег из Цхинвальской тюрьмы бывшего секретаря Совета безопасности самопровозглашенной республики Южная Осетия Джемала Каркусова и его брата, и дала им убежище на территории, контролируемой грузинскими властями. «Это была очень сложная операция, которая планировалась в течение шести месяцев. Это серьезная победа», - заявил 19 ноября журналистам Вано Мерабишвили². Этим он доказал, что весь процесс мирных инициатив был всего лишь ширмой. Именно после этого побега резко меняется политика Грузии и воздействие на конфликт приобретает опять конфронтационный характер.

В очередной раз произошла переоценка подходов и в настоящее время работает совсем другой проект, основанный на разделении осетинского населения на территории бывшей Юго-Осетинской автономной области. Создано «альтернативное правительство Южной

¹ ИА REGNUM, 12.12.2005.

² <http://www.civil.ge/rus/article.php?id=9331&search=>.

Осетии» во главе с Дмитрием Санакоевым, который в 1990-92 гг. с оружием в руках воевал против Грузии, а с 2006 г. перешел на грузинскую сторону и с 1 августа 2007 г. является руководителем Временной администрации Южной Осетии. Он занимается государственным надзором над органами самоуправления в границах административно-территориальной единицы Южной Осетии. Данные полномочия были переданы Санакоеву на основании постановления правительства Грузии от 27 июля 2007 г.

С тех пор, как было создано «альтернативное правительство», Грузия стала требовать изменения формата переговоров, который существует до сегодняшнего дня, и который исчерпал себя или не работает. С лета 2006 г. практически ни одно заседание СКК не состоялось. Грузинская сторона заявляет, что нет смысла участвовать в тех форматах, которые заведомо не дают результата. Грузинская сторона считает необходимым установление контактов между цхинвальскими де-факто властями и Временной администрацией Южной Осетии Д.Санакоева. 29 февраля 2008 г. госминистр по реинтеграции Темур Якобашвили выступил с инициативой изменения формата СКК (грузинская, югоосетинская, российская и североосетинская стороны). По его словам, «вместо СКК, переговоры должны проходить по новой формуле 2+2+2, в которой будут представлены: грузинская сторона и правительство Дмитрия Санакоева; российская сторона и де-факто власти Южной Осетии; ОБСЕ и ЕС. 4 марта Т.Якобашвили заявил, что Тбилиси не желает продолжения переговоров по урегулированию конфликта в Южной Осетии в рамках СКК»¹. В отличие от Грузии, Россия собирается сохранить формат СКК.

Для конфликта в Абхазии не характерна та динамика, которая наблюдается на территории бывшей Юго-Осетинской автономной области. Несмотря на то, что Россия официально признает территориальную целостность Грузии, на деле Абхазия экономически полностью поглощена Россией. 6 марта 2008 г. МИД России заявил, что Москва в одностороннем порядке выходит из соглашения СНГ от 1996 г., которое предусматривает установление экономических санкций против Абхазии². Этим решением Россия превращает Абхазию в еще один дотационный регион на Кавказе. Практически все жители Абхазии владеют паспортами Российской Федерации, а внутривластная жизнь Абхазии значительно зависит от воли Кремля. Грузинское население составляет примерно одну треть населения нынешней Абха-

¹ <http://www.civil.ge/rus/article.php?id=15828>.

² http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/648830C5AF867590C32574040046B653.

зии. Несмотря на это, употребление и распространение грузинского языка преднамеренно ограничивается. В Абхазии формально не разрешено функционирование грузинских школ. Преподавание проводится в полулегальных условиях на базе русских школ.

16 апреля 2008 г. президент России Владимир Путин поручил правительству России и другим государственным структурам наладить официальные отношения с соответствующими органами Южной Осетии и Абхазии¹. Российским государственным структурам было поручено:

- Сотрудничать с соответствующими органами Абхазии и Южной Осетии;
- Обеспечить сотрудничество в торгово-экономической, социальной, научной, культурной сферах, в том числе и подключая регионы России к этому процессу;
- Определить перечень тех документов, которые выданы государственными органами Абхазии и Южной Осетии физическим лицам, и которые будут признаны соответствующими государственными органами Российской Федерации;
- Признать те юридические лица, которые зарегистрированы в рамках законов Абхазии и Южной Осетии;
- Обеспечить правовую помощь по гражданским, семейным и уголовным делам;
- В случае необходимости, местные представительства МИДа России будут выполнять функции консульств, чтобы помочь населению Абхазии и Южной Осетии.

Главным мотивом российских действий, по их заявлению, на этом направлении является забота об интересах населения Абхазии и Южной Осетии, в том числе проживающих там российских граждан. Но фактический этот шаг России является попыткой узаконения аннексии этих двух самопровозглашенных регионов Грузии. По этому поводу президент Грузии сделал заявление, в котором отметил: «Мы ждем от Российской Федерации, и требуем пересмотра всех тех решений, которые нарушают суверенитет и территориальную целостность Грузии. Я удивлен и возмущен, как провокационностью шага России, так и на этот раз очень доволен резкой реакцией со стороны ЕС, НАТО, наших традиционных партнеров. Я думаю, этот шаг был неожиданным и для самой России. Россия привыкла, что, что бы она не делала, многие в международном содружестве глотают это. Я думаю, вчера начался серьезный пересмотр

¹ http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/FD56A80A7198CD7CC325742D003F807C.

и поворачивание этой политики. Поэтому мы должны набраться терпения, выносливостью, но также должны быть очень смелым»¹.

Среди многообразных документов, созданных в контексте разрешения грузино-абхазского конфликта, особое место занимает документ под названием «Ключ к будущему». Он был создан абхазской стороной в мае 2005 г. Через его изучение можно увидеть иной взгляд на то, как можно решить или трансформировать затянувшийся конфликт. В документе много слабых мест, и его при желании очень легко раскритиковать. Но в нем присутствуют позиции, которые придают ему определенный интерес, привлекательность и преимущество с учетом того, что абхазская сторона опередила грузинскую сторону и официально передала свои предложения. При таких обстоятельствах абхазский документ представляет интерес и для международных организаций. Кроме тех позиций, которые совершенно неприемлемы, в документе имеется несколько тем, которые можно смело обсуждать. В документе почти ничего не говорится о положительной роли России в конфликте (кроме признания контрпродуктивных действий Грузии, направленных на выдавливание России из процесса мирного урегулирования грузино-абхазского конфликта). В противовес этому, в документе несколько раз указывается на то, что Абхазия желает начать интеграцию в черноморское и европейское пространство.

Другое интересное предложение, содержащееся в данном документе, это то, что уровень доверия между сторонами значительно повысится, если абхазское общество увидит, что в Грузии, вместе с демократическими реформами, произошла переоценка ошибок прошлого и новое руководство Грузии будет готово извиниться перед народом Абхазии за государственную политику по ассимиляции, войне и изоляции; а предвстретим нового этапа процесса урегулирования должен стать отказ от методов политического и экономического давления на Абхазию, в частности, отмена режима экономической и информационной блокады: Грузия непосредственно несет ответственность за развязывание войны 1992-1993 гг. Как следующий шаг в документе отмечается: «Практические действия по укреплению мер доверия. На нынешнем этапе грузино-абхазских взаимоотношений, в условиях, когда опасения абхазской стороны относительно интенсивной милитаризации Грузии являются обоснованными, особо важно подчеркнуть необходимость создания надежных мер, гарантирующих невозобновление военных действий. Такие шаги требуют экстренного реагирования и решения, так как милитаризация вдохновляет определенные воинственно настроенные группы в руковод-

¹ <http://www.civil.ge/rus/article.php?id=16202&search=>

стве и обществе Грузии на новую войну. Данные настроения, все больше внедряются в общественное сознание в Грузии, что является следствием нарастающего недоверия и отчуждения в абхазском обществе»¹.

Одним из неиспользованных ресурсов для воздействия на конфликты на территории Грузии является региональное сотрудничество, но пока этот ресурс никак не востребован. Редким положительным примером может послужить внесение в повестку дня 61-й сессии Генеральной ассамблеи ООН проекта резолюции «О затянувшихся конфликтах на территории ГУАМ и их результатах с точки зрения международного мира, безопасности и развития». В случае принятия этой резолюции страны ГУАМ смогли бы на качественно новом уровне поднять рассмотрение своих конфликтов. Несмотря на то, что Россия называет такого рода действия контрпродуктивными и попытками дестабилизировать существующие механизмы урегулирования этих конфликтов, этим же создаются дополнительные возможности монтажа и созидания новых, более конструктивных и современных моделей взаимоотношений в процессе управления конфликтами.

К сожалению, пока этот проект не стал резолюцией, и соответственно, до сих пор ведется активная работа в направлении поддержки Генеральной ассамблеей ООН этой резолюции по замороженным конфликтам. Планируется подобная активность по принятию в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) специальной резолюции по «замороженным» конфликтам. Однако на фоне такой активности, Азербайджан 14 марта 2008 г. в одностороннем порядке внес на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции «Положение на оккупированных территориях Азербайджана» и добился голосования. Так как Азербайджан является членом ГУАМ и тема резолюции соответствует заявленным интересам всех остальных стран-членов альянса, возникает вопрос, почему Азербайджан был вынужден в одиночку идти в бой? Может, внесение в повестку дня 61-й сессии Генеральной ассамблеи ООН проекта резолюции «О затянувшихся конфликтах на территории ГУАМ и их результатах» становится неактуальным или нереальным? Решение Азербайджана в одиночку добиваться успеха на международной арене бросает вызов всей перспективе регионального сотрудничества. А 15 мая 2008 г. уже Грузия проделала тоже самое на заседании Генассамблей ООН, принявшей резолюцию о возвращении беженцев в Абхазию. Видно, что ни Грузия, ни Азербайджан не готовы объединять усилия для совместной деятельности, а Армения в обоих случаях проголосовала против!

¹ Из личного архива автора.

ОСЕТИЯ: КОНФЛИКТ С ГРУЗИЕЙ И ПРОБЛЕМЫ ВЫЖИВАНИЯ

КОСТА ДЗУГАЕВ

Интенсивную подготовку к военной операции в Южной Осетии грузинские войска начали в июле 2008 г. К Цхинвалу были подтянуты войска с тяжёлой техникой. В первую неделю июля территория Южной Осетии семь раз облеталась грузинскими СУ-25 и пять раз беспилотными самолётами-разведчиками, был совершён теракт против начальника милиции с. Дменис полковника Нодара Бибилова (убит), инсценировано покушение на главу «альтернативного правительства» Дмитрия Санакоева, неоднократно обстреляны осетинские посты, а также посты миротворческих сил (убит ОМОНовец Валерий Дзахоев), обстрелян (в том числе из миномётов) Цхинвал¹ и ранены 10 горожан. Грузинские миротворческие силы покинули расположение Объединённого штаба Смешанных сил по поддержанию мира (ССПМ) и свои посты без уведомления об этом коллег-миротворцев. Была захвачена одна из ключевых высот Сарабук, откуда простреливаются несколько важных дорог на территории осетинского контроля; при этом югоосетинские наблюдатели с негодованием отметили, что российское командование ССПМ и не собиралось мешать грузинским подразделениям занимать высоту².

7 июля был взят в заложники подросток 14 лет, Андрей Петраченко, что вызвало острую реакцию и в осетинских силовых подразделениях, и в обществе. В ночь на 8 июля на территории, контролируемой осетинами, были задержаны полковник и три капрала грузинской армии, занимавшиеся корректировкой артиллерийского огня. Нападение грузинских войск планировалось начать 8 июля сразу после отъезда из Цхинвала делегации послов 20 стран-участниц ОБСЕ. К вечеру 8 июля грузинские войска ожидали приказа в состоянии полной боевой готовности, при развёрнутых командных пунктах, при этом к Цхинвалу продолжала стягиваться тяжёлая техника. Однако около девяти часов вечера 8 июля над Южной Осетией совершили полёт два российских истребителя МИГ-29, в том числе пролетев на небольшой высоте над грузинскими позициями в зоне конфликта. После этого

¹ Названия географических пунктов даны в авторской редакции.

² *Кочиева И.* Тбилиским лидерам напекло головы. *Истребители – лучшее средство от жары* // Республика. № 29 – 30, июль 2008.

ударные подразделения грузинских вооружённых сил были отведены от Цхинвала, и состоялся обмен задержанных грузинских военнослужащих на похищенного мальчика.

Россия выступила с официальным заявлением о необходимости появления своих самолётов над зоной грузино-осетинского конфликта. Это внесло принципиально новый элемент в структуру конфликта, обозначив некоторый рубеж в процессе политического, информационного и военного противоборства сторон в конфликте и их покровителей. Обычно хорошо информированная «Независимая газета» в этом контексте сочла возможным вынести на первую страницу основной материал об этом событии с подзаголовком «Россия может объявить Южную Осетию и Абхазию зоной своих жизненно важных интересов»¹.

На этом фоне более чем симптоматично появление в югоосетинской прессе материалов о геополитическом переделе территории Грузии и, соответственно, всей геополитической конфигурации Южного Кавказа². Отметим, что идея «прорубания коридора на Армению» обсуждалась в югоосетинских боевых подразделениях (отрядах самообороны) ещё в 1992 г., но в тех военно-политических условиях не вышла на уровень публичного рассмотрения.

Столь угрожающее развитие событий в зоне конфликта указывает на то, что нынешний конфликт и связанное с ним самоопределение Южной Осетии в качестве независимой республики нельзя понять в рамках лишь политологического анализа. Необходим учёт историко-культурологического контекста. Ведь грузинская сторона в конфликте отказывает Южной Осетии в праве на существование не только в качестве политического образования, но и образования исторически-национального. В свою очередь, югоосетинская сторона в конфликте утверждает своё право не просто на политическое бытие в качестве Республики Южная Осетия, но и на бытие историческое. По определению Р.Бзарова, после распада Аланского государства асы-осетины сформировали «свободную конфедерацию самоуправляющихся земель-областей (осет. «комбжстж»), которые по-русски принято называть обществами»³, южная часть которой после утверждения России на Кавказе вела упорную вооружённую борьбу за независимость южных

¹ *Перевозкина М.* Полёт на опережение. Россия может объявить Южную Осетию и Абхазию зоной своих жизненно важных интересов // *Независимая газета*, 14.07.2008.

² *Остаев С.* Южный проект. Или взгляд без соплей на территорию, называемую «Грузия» // *Республика*. № 25 – 26, июнь 2008.

³ *Бзаров Р.С.* Независимость Республики Южная Осетия – гарантия безопасности и надёжного будущего осетинского народа // *Стыр Ныхас* (газета всеосетинского народного общественного движения «Стыр Ныхас»), № 31, сентябрь 2007.

осетин против грузинских феодалов-тавадов, поддерживаемых русскими экспедиционными силами. Первая карательная экспедиция царских войск в Южную Осетию, состоялась в 1802 г., т. е. сразу после принятия Картло-Кахетии в состав Российского государства¹; затем последовали восстания горцев-крестьян, сопровождавшиеся очередными карательными экспедициями, в 1804, 1807-1808, 1809, 1810, 1812-1813, 1817, 1820-1821, 1830, 1836, 1838, 1839-1840, 1841-1842, 1848, 1850 гг. Лишь в 1852 г. крестьяне Южной Осетии добились от царской власти перевода в разряд казённых². Таким образом, южные осетины пятьдесят лет вели практически непрерывную освободительную войну с политико-административной верхушкой, хорошо сознавая суть происходящего. Важно отметить, что осетины вели не только вооружённую, но и судебную борьбу, что отмечалось исследователем М.Блиевым: «Стоило обратить внимание и на другое – на довольно высокий уровень политико-судебной борьбы, с которой югоосетинское население отстаивало свою свободу и независимость. Эта борьба, уникальная по своей политической культуре для Кавказа, где острые социальные и этнические конфликты, как правило, решались насильственными методами, была продолжена и после (...)»³

Именно национальная борьба южных осетин предопределила вынужденное решение главнокомандующего и наместника Кавказа А.И.Барятинского, который в 1859 г. вывел из состава Осетинского округа Нарский участок, а также вывел из Горского округа юго-восточную часть Осетии и в качестве Осетинского участка передал в Осетинский округ Горийского уезда. Таким образом, за исключением небольшой территории на юго-западе, входившей в Рачинский уезд, Южная Осетия административно консолидировалась, представив собой некий *прообраз сегодняшней республики*.

Следующим подобным шагом стало образование Юго-Осетинской автономной области в 1922 г. Эта форма политического бытия южных осетин тоже была достигнута после кровопролитного столкновения с грузинским национал-экстремизмом в 1918-1920 гг.; при этом, если столкновения в XIX в. психологически воспринимаются как события

¹ Напомним, что Осетия присоединилась к России в результате свободного выбора в 1774 г., причём, как подчёркивает Р.Бзаров в цитированном выступлении, «посольство, принятое на высшем уровне, и русско-осетинские переговоры в Петербурге – надёжное свидетельство того, что Осетия воспринималась на Кавказа и в России как единая страна с особым геополитическим статусом».

² Хронология исторических событий // История Юго-Осетии в документах и материалах (1800 – 1864 гг.) / Составитель И.Н.Цховребов. Т. II. Сталинир, 1960. С. 646 – 647.

³ *Блиев М.М.* Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М. 2006. С.229.

давно минувших дней, то геноцид 1920-го г. жив в памяти народа и постоянно акцентируется в ходе текущей информационно-идеологической конфронтации. Южная Осетия как этнотерриториальная родина южных осетин была уничтожена, и её восстановление, а затем и институирование в виде автономии было не заслугой грузинских большевиков во главе с главным провокатором югоосетинского побоища Г.Орджоникидзе, а заслугой политики ЦК РКП(б), где национальными вопросами занимался И.Сталин. Первоначальным требованием южных осетин, неоднократно политически заявленным, было требование республики в составе России; однако Южная Осетия нужна была Москве в составе большевизированной Грузии как «якорь», удерживающий Грузинскую ССР в составе строящегося огромного коммунистического государства. Поэтому Южная Осетия была введена в состав Грузии, причём в ходе закулисной борьбы группа грузинских большевиков в центральных органах власти СССР добились того, что, в отличие об Абхазии и Аджарии, Южной Осетии дали статус автономной области¹.

Из Южной Осетии был изъят Кобийско-Трусовский район, где осетины веками проживали компактно и нераздельно со своими соплеменниками в Туалии (Двалети грузинских летописей), о чём в

¹ Югоосетинский исследователь вопроса В.Д.Цховребов в своей монографии «Из истории Юго-Осетинской организации КП Грузии (1917 – 1925 гг.)» цитирует постановление в первом пункте как о признании необходимым образовать автономную область Юго-Осетию, делая ссылку на сборник «Борьба трудящихся Юго-Осетии за Советскую власть, 1917 – 1921 гг. Документы и материалы» (с. 221). Действительно, там говорится о создании автономной области, и даётся ссылка на ЦГАОР и СС ГССР, ф. 437 (128), д. 27, лл. 164 – 169 (подлинник).

Мы ссылаемся на статью Левана Тоидзе (на то время главный научный сотрудник Института демократического созидания и политологии Парламента Республики Грузии, доктор исторических наук, профессор) «Образование осетинской автономии в Грузии», опубликованную в сборнике «Осетинский вопрос» (Осетинский вопрос // Составители: Акакий Бахрадзе и Омар Чубинидзе. Рецензенты: Джемал Степнадзе, профессор, доктор исторических наук; Квели Чхатарашвили, профессор, доктор исторических наук. Тбилиси, 1994. С.297): Л.Тоидзе указывает свой источник – Центральный Государственный архив новейшей истории Грузии (ЦГАНИИ), ф. 281, оп. 2, д. 3, л. 164. *И это тот случай, когда мы больше доверяем грузинскому историку*, так как цитированные осетинские издания, очевидно, искажены по приказу партийной цензуры. Показательно, что ряд лет в Юго-Осетинской автономии, тем не менее, действовали республиканские органы власти (ЦИК, наркоматы и т. п.).

Лалиева Ю.Н. и Цховребов И.Н. в своей работе «О границах Южной Осетии» («Южная Осетия», 09.02.1994) цитируют постановление Президиума Кавбюро ЦК РКП(б) 31 октября 1921 г., где Ревкому Грузии предлагалось «совместно с Юго-Осетинским исполкомом определить границы Юго-Осетинской Республики (курсив наш. – Авт.)», что также подтверждает ссылку Л. Тоидзе (ЦГА РЮО, партийный отдел, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 8).

советское время и они сами, и в Южной Осетии всегда помнили. После распада СССР этот факт был предан огласке и в настоящее время, в условиях резкого обострения конфликта, также акцентируется в массовом сознании. Исследователи этой проблемы Ю.Н.Лалиева и И.Н.Цховребов подчёркивают: «На самом деле (...) грузины втихаря прибрали к рукам целый осетинский район, северную часть которого, начиная от села Коб до водораздельного хребта, присоединили к Казбекскому району, а южную часть от Крестового перевала до юго-восточной границы Ленингорского района включили в Душетский район»¹.

В 1925 г. руководством обоих осетинских национально-государственных образований на Юге и на Севере была предпринята попытка объединения в единую республику. И.Сталин положительно отнёсся к этой инициативе, встречался с осетинскими лидерами по данному вопросу, но усилиями А.Микояна и Г.Орджоникидзе вопрос завис и был в итоге провален: А.Микоян возражал против вхождения объединённой Осетии в состав Грузии, а Г.Орджоникидзе столь же категорично был против вхождения объединённой Осетии в состав России. Тем не менее, этот эпизод отражает глубокую закономерность югоосетинского национального движения как движения не сепаратистского, а ирредентистского, что предполагает иное понимание проблемы сецессионизма южных осетин, и соответственно обязывает к поиску иных политико-правовых способов её разрешения.

Наконец, в 1990 г. состоялось провозглашение Республики Южная Осетия, а в 1992 г. был принят Акт о её государственной независимости. И на этот раз это политико-правовое и историческое событие не обошлось без массового кровопролития — за тем лишь отличием, что уничтожить Южную Осетию не удалось, хотя около трети ее территории на данный момент (статья была подготовлена к 31 июля 2008 г. — прим. ред.) находится под грузинским контролем. Провозглашение Республики многими и грузинскими, и осетинскими аналитиками и сейчас всё ещё понимается как проявление личной политической инициативы тогдашнего лидера Т.Кулумбегова, чуть ли не как волюнтаристский шаг, к тому же обостривший и без того напряжённую ситуацию в грузино-осетинских отношениях. Между тем даже приведённое эскизное рассмотрение основных историко-политических вех развития Южной Осетии вполне достаточно для того, чтобы сделать вывод: Республика южных осетин есть *закономерный этап политического развития* южной ветви осетинского народа, отражающий её относи-

¹ Указ. соч. Ю.Лалиевой и И.Цховребова.

тельно самостоятельное восхождение по ступеням политического развития и приобретённое ускорение этого развития в силу сложившихся (во многом трагичных) обстоятельств.

Если бы мы имели дело с грузинским государством европейского типа, с развитыми демократическими механизмами гражданского волеизъявления, то самоопределение южных осетин потребовало бы большего времени, но зато могло бы обойтись без кровопролития. Однако в конце 1980-х — начале 1990-х гг. было создано грузинское государство жестко авторитарного типа с крайне националистической идеологией и ясно выраженной политической целью создания унитарного мононационального государства (что сегодня и делается, но без Абхазии и Южной Осетии).

Непрерывные убийства осетин в зоне грузино-осетинского конфликта загоняют ситуацию в поистине безвыходный тупик, ни о каком урегулировании в таких условиях и речи быть не может, тем более, что Грузия последовательно уклоняется от подписания документа о неприменении силы. Более того, погибшие осетины являются гражданами России, и этот факт уже не может далее игнорироваться государственными структурами России, как это было до сих пор.

Вместе с тем надо подчеркнуть, что угрозы или даже применение силы грузинской стороной в конфликте не является для судеб Южной Осетии фатально опасным. В этом отношении безусловно прав бывший министр обороны Грузии, ныне политический оппонент М.Саакашвили И.Окруашвили, заявивший о том, что сейчас военным путём решить югоосетинский вопрос невозможно; тем более, что, помимо ясно обозначенной воли России к защите своих граждан, проживающих на территории самоопределившейся Республики Южная Осетия, у самих южных осетин уже есть чем ответить нападающим в случае новой войны.

Учитывая эту реальность, в Тбилиси, наряду с продолжением милитаристских приготовлений, продолжают развивать и проект «альтернативного правительства» Д.Санакоева. Кроме того, явно наблюдается попытка активизации прозападного потенциала среди осетинских неправительственных организаций. Так, на первую половину августа 2008 г. запланировано масштабное мероприятие в Тбилиси в рамках так называемого осетино-грузинского гражданского форума (в связи с началом боевых действий в зоне конфликта оно не состоялось — прим. ред.), для чего постараются набрать некоторое количество осетин, представляющих лишь самих себя, но не сколько-нибудь заметное меньшинство осетинского общества. При очевидной необходимости подобных акций для пиара перед западными покровителями нынешних грузинских властей, для целей реального урегулирования кон-

фликта эти и подобные им мероприятия играют деструктивную роль, заведомо исключая поиск компромисса как таковой.

Прогноз по зоне конфликта малоутешителен. Очевидно, что Грузия не остановит своего движения в НАТО, равно как и НАТО – по крайней мере, по состоянию на данный момент – не отказывается от намерения принятия Грузии в свои ряды. Но даже если и не состоится формального решения о членстве Грузии, то де-факто, явочным порядком НАТО всё же обосновывается в Грузии. Соответственно, зеркальным отражением процесса вступления Грузии в НАТО является процесс легитимации Южной Осетии и Абхазии, вплоть до неизбежного признания Республики Южная Осетия Россией и ещё рядом государств, по аналогии с Косово. Эти диаметрально противоположные политико-исторические векторы находят своё выражение и в культурной сфере, в первую очередь в языковой политике. В Грузии происходит целенаправленное вытеснение русского языка из национального культурного контекста. Аналогичные процессы происходят и в некоторых других регионах Кавказа. Между тем именно русский язык является одним из важнейших инструментов развития взаимосвязей между коренными народами Кавказа. Это существенный ресурс, утрачивать который не имеет смысла. Схожая логика применима и к зоне грузино-осетинского конфликта, где вступающее во взрослую жизнь поколение осетин совершенно не знает грузинского языка, равно как и грузины, живущие по соседству, перестают понимать осетинский. Это явление лишь осложняет взаимоотношения сторон.

Высказывания экспертов обеих сторон в конфликте оптимизма отнюдь не прибавляют. Так, в Осетии не остался незамеченным пессимистический прогноз-вердикт пронизательного грузинского философа Гелы Бараташвили: «Грузинский народ и грузинское общество, особенно его интеллигенция, так и не предложившая обществу политическую и социальную альтернативу, уже лишилась права запретить правящей элите начать масштабную войну. (...) Грузия обречена на войну и поэтому – катастрофу. Но этот путь она должна пройти. Быть может, случится чудо и Грузия возродится наперекор судьбе. Различные высокопарные рассуждения о безопасности, переговорах, международной ответственности – всё это просто лицемерие»¹.

Таким образом, ситуация в грузино-осетинском конфликте вышла на критическую черту, когда требуется принятие особо ответственных решений, и для подготовки решений в свою пользу обе стороны задействовали максимальные возможности. Установка Грузии на пол-

¹ Бараташвили Г. Грузинский гамбит // www.regnum.ru/725806.html, 21.10.2006.

ную победу над Южной Осетией вызывает ответную реакцию в осетинском общественном сознании, порождая установки на бескомпромиссную борьбу любой ценой против угрозы восстановления грузинской власти над Южной Осетией. Перед лицом этой угрозы югоосетинское, а теперь уже в решающей степени и общеосетинское общество консолидировано и имеет высокую морально-психологическую мотивацию.

АБХАЗИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ, ГРУЗИЕЙ И ТУРЦИЕЙ

ВИТАЛИЙ ШАРИЯ

Россия: противоречивый покровитель

В советскую эпоху, согласно принятому в СССР «матрешечному» принципу национально-территориального устройства, Абхазия управлялась сразу из двух центров — столицы союзной республики Тбилиси и столицы СССР Москвы. До 1953 г. — года смерти Сталина и расстрела Берия — эти центры действовали в унисон, благодаря чему в Абхазии произошли события, которые ныне многие у нас называют «вторым махаджирством». Имеется в виду изменение этнодемографической ситуации в результате организованного властями переселения в Абхазию крестьян из Западной и Центральной Грузии и перевода с 1945-1946 учебного года всех абхазских школ на грузинский язык обучения.

В последние десятилетия советской истории в Абхазской АССР происходили периодические (раз в 10-11 лет) выступления абхазов в защиту своих национальных прав и против грузинской экспансии, во время которых они неизменно апеллировали к Москве. Это обстоятельство, наряду со многими другими, предопределило вовлеченность Российской Федерации в грузино-абхазскую войну 1992-1993 гг. Когда в разгар войны, летом 1993 г., я писал в городе Гудауте документальную книгу «Абхазская трагедия» (она вышла в Сочи осенью того же года), то одну из глав так и назвал: «Треугольник «Абхазия — Грузия — Россия». Начиналась глава с описания состоявшейся 3 сентября 1992 г. в московском «Президент-отеле» встречи руководителей России, Грузии, Абхазии и республик, краев и областей Северного Кавказа. На встречу эту вовлеченные в конфликт стороны возлагали надежды, что она сможет положить конец боевым действиям, которые развернулись в Абхазии после ввода на ее территорию тремя неделями ранее войск Госсовета Грузии. Однако принятый на встрече Итоговый документ создавал лишь видимость урегулирования конфликта, и вскоре бои вспыхнули с новой силой.

В позиции Бориса Ельцина и всего тогдашнего руководства России, взявшего на себя роль посредника, отражалась противоречивость настроений и подходов к конфликту в российском обществе.

«Россия и впрямь слишком велика и политически противоречива, чтобы можно было однозначно охарактеризовать ее позицию в этой

войне, — писал я в этой книге. — Начать с того, что Северный Кавказ, поднявшийся на защиту Абхазии, — это ведь тоже Российская Федерация... Среди рядовых российских граждан (если человек вообще осведомлен о ситуации), без сомнения, преобладают симпатии к Абхазии — даже просто на эмоциональном уровне: во-первых, как естественная ответная реакция на «русофильство» абхазов и «русофобию» многих представителей грузинской общественности; во-вторых, как естественное движение души в защиту более слабого, когда «сорок пошли на одного».

Однако, в сфере политики здесь оказалось очень много привходящих обстоятельств... Во взаимоотношениях демократической России и Грузии с некоторых пор к синдрому «9 апреля 1989 г.» добавился и синдром Шеварднадзе (выступить против Шеварднадзе, недавнего соратника на «баррикадах» августа 1991 г. в Москве, признанного в международном сообществе «миротворца» — это, по мнению многих, выступить против демократии). Явственно ощущалось и опасение, что попытка защитить абхазов будет воспринята на Западе как реанимация имперских устремлений России, претензий ее на роль жандарма — и Шеварднадзе активно этим опасением пользовался, стремясь склонить российское внешнеполитическое ведомство к прогрузинской позиции.

В то же время примитивная, но неискоренимая логика политической борьбы, по которой «враг моего врага — мой враг», расклад противоборствующих сил в постсоветском пространстве сделали активными союзниками абхазов оппозицию в РФ — русских национал-патриотов и коммунистов, которые нередко объединяют себя в понятие «государственники» и которых объединяет ностальгия по СССР. При этом нетрудно заметить, что для многих из них Абхазия превращалась лишь в аргумент в собственной политической борьбе¹.

Из демократического же лагеря в защиту абхазов выступали тогда лишь одинокие фигуры: вдова академика Сахарова Елена Боннэр, политик и ученый Галина Старовойтова, писатель Андрей Битов. Разделилась по признаку отношения к воюющим сторонам и российская пресса: если «Независимая газета» и «Известия» явно склонялись к поддержке грузинской стороны, то «Литературная газета», «Литературная Россия» и коммунистические издания поддерживали абхазскую.

Противоречивость позиции России весьма наглядно проявилась и в роли ее армии. С одной стороны, Закавказский военный округ с командованием в Тбилиси вооружил грузинскую армию техникой и бо-

¹ Абхазская трагедия. Сочи, 1993. С.53.

е припасами, — хотя до этого на встрече в Ташкенте было оговорено не передавать положенную часть бывшего советского армейского имущества государствам, имеющим внутренние конфликты. С другой стороны — группировка российских войск в Абхазии, которая не подчинялась командованию ЗакВО, другие военспецы из РФ сделали многое для того, чтобы помочь абхазам переломить ход военных действий в свою пользу.

После 30 сентября 1993 г., когда вместе со спешно отступавшими грузинскими войсками Абхазию покинуло почти все грузинское население (жители Гальского района вскоре вернулись), российское руководство качнулось в сторону поддержки Тбилиси. Апогея давление Москвы на Абхазию достигло в середине 1990-х гг. В декабре 1994 г. началась Первая российско-чеченская война, и спустя несколько дней была перекрыта государственная граница на реке Псоу: чтобы не допустить возможного, по мнению Кремля, проникновения в Чечню на помощь Дудаеву абхазских боевиков, российским пограничникам был дан приказ не пропускать в РФ мужчин призывного возраста — жителей Абхазии. А через два года, в январе 1996 г., на саммите стран СНГ было принято решение о введении против Абхазии экономических санкций. Главным тут, конечно, было участие в них России. Непризнанная республика оказалась в блокаде.

Из всех северокавказских народов, поддержавших абхазов во время войны 1992-1993 гг., чеченцы были представлены самой многочисленной группой (хотя, кстати, Джохару Дудаеву эта поддержка не очень нравилась). И благодарность за помощь в той войне, и возникшее на ней боевое братство, и солидарность с народом, который, как и абхазы, поднялся на борьбу за независимость, — все это формировало симпатии в абхазском обществе к Чеченской Республике Ичкерии, которые находили отражение на страницах негосударственной абхазской прессы.

И хотя часть абхазских ветеранов войны огорчала невозможность прийти чеченскому сопротивлению на помощь, пусть и символическую, дальнейшие события изменили отношение абхазского общества к чеченской войне. Это произошло после того, как лидеры Ичкерии не воспользовались завоеванным в результате Хасавюртовского договора, занялись междоусобной борьбой за власть и стали прибегать к террористическим актам, в результате которых гибли мирные люди. Отношение ко Второй русско-чеченской войне в абхазском обществе уже существенно отличалось от отношения к Первой, собственно, как и среди демократически настроенных представителей российского общества.

Кроме того, в Абхазии оценили новое отношение к себе российского руководства. В 1999 г., будучи премьер-министром, Владимир

Путин отменил запрет на въезд в Россию мужчин из Абхазии, а годы его президентства ознаменовались введением облегченной процедуры выдачи гражданам Абхазии российских загранпаспортов, выплатой им российских пенсий и другими мерами, существенно облегчившими жизнь в непризнанной республике.

Западные «ветры»

Итак, в последнее десятилетие Россия постепенно превратилась в покровителя Абхазии. Но одновременно о своих геополитических интересах в нашем регионе все явственнее стали заявлять сперва США, а в последние годы — и Евросоюз, после вхождения в него с начала 2007 г. Румынии и Болгарии, после чего наш регион превратился в соседний с ЕС. Причем оба эти крупнейших мировых игрока противостоят России и покровительствуют Грузии: Соединенные Штаты, как полагают многие эксперты, — в большей степени, а ЕС — в меньшей. Хотя другие напоминают, что самыми жесткими по отношению к Абхазии были в 1990-е гг. две резолюции ОБСЕ.

Переориентация грузинской правящей элиты на Запад, и прежде всего на лидера западного мира — США — произошла не сегодня. Интерес американцев к Южному Кавказу значительно возрос в 1994 г., после их нефтяного соглашения с Баку и решения о прокладке нефтепровода. Роман Вашингтона и Тбилиси начался после «розовой революции» в Грузии 2003 г., когда к власти пришел Михаил Саакашвили, и особенно после визита в Тбилиси в 2005 г. Джорджа Буша-младшего, когда он выдал Грузии щедрый аванс, назвав ее «маяком демократии» в регионе.

В странах западной демократии нет единомыслия в отношении грузино-абхазского конфликта. В отличие от американской дипломатии, которая поддерживала и поддерживает контакты почти исключительно с грузинской стороной конфликта (частый гость в Сухуме¹ — разве что заместитель помощника госсекретаря США Мэтью Брайза), Евросоюз гораздо более активен в контактах с Сухумом. Первой ласточкой тут можно назвать визит представительной делегации Еврокомиссии в Абхазию в январе 2007 г. В 2008 г. контакты участились. Так, в июне 2008 г. состоялся визит в Сухум верховного комиссара ЕС по вопросам внешней политики и политике в области безопасности Хавьера Соланы; чуть раньше в Сухум приезжали 15 послов стран ЕС в Грузии.

В Грузии активизацию ЕС в Абхазии встретили с воодушевлением, а реакция в России и в Абхазии была неоднозначной. Если МИД России высказал в своем заявлении одобрение этих контактов, то среди части

¹ Сохранена авторская орфография.

российских политологов и публицистов звучали ревнивые высказывания на тему: а не предадут ли абхазы интересы России на Южном Кавказе в ответ, допустим, на обещание интеграции с ЕС? Абхазские оппозиционеры встретили в штывы контакты властей Абхазии с западными дипломатами, получившие определение «многовекторная внешняя политика». Так, Рауль Хаджимба заявил, что многовекторность во внешней политике пагубна для Абхазии. «У нас нет ресурсов, - сказал он на пресс-конференции 20 июня 2008 г., - поэтому мы не должны расплываться по разным направлениям, а тем более с учетом того, что ЕС и друзья Генсека ООН навязывают нам устранение России из переговорного процесса. Все действия Грузии находят защиту у Запада, что же касается абхазской стороны, то, кроме России, никто не печется об ее интересах»¹. Критики многовекторности абхазской внешней политики внутри Абхазии смыкаются с единомышленниками в России и ставят в пример официальному Сухуму президента Южной Осетии Эдуарда Кокойты, который заявил: «Я перестану быть осетином, если мой народ изменит данному предкам слову о верности России. Разновекторность в политике для нас неприемлема».

Сторонники многовекторности утверждают, что она не означает отказа от приоритетности стратегического партнерства с Россией; речи идет лишь о том, чтобы не отказываться от диалога с любым государством, заинтересованным в таком диалоге. Без многовекторной политики, заявил также Сергей Шамба после своей последней поездки в Турцию, он не представляет себе выполнение задачи возвращения на историческую родину потомков абхазских махаджиров XIX в., проживающих в основном в Турецкой Республике, а также в Сирии, Иордании и др.

Южный сосед предпочитает сдержанность

А теперь остановимся на роли в урегулировании грузино-абхазского конфликта Турецкой Республики и на том, почему она не стала активным игроком в этом урегулировании наряду с Россией, США и Евросоюзом.

В XIX в. абхазский народ оказался разделенным в результате нескольких волн вынужденного переселения абхазов, как и других горских народов Кавказа, в Османскую империю. Общее число абхазов в диаспоре неизвестно. Оценки количества абхазов в Турции колеблются от 200 тысяч до 700 тысяч. Перестройка и падение железного занавеса открыли новые перспективы для общения диаспоры с кавказской родиной. Между Абхазией и Турцией стали осуществляться морские пассажир-

¹ Республика Абхазия, № 69 (2237), Сухум, 24-25.06.2008.

ские перевозки, и впервые после почти ста лет полной изоляции друг от друга абхазы получили возможность свободно посещать своих соплеменников в Абхазии и Турции. Этапным стал визит Председателя Верховного Совета Абхазии Владислава Ардзинба в Турцию в 1991 г., когда он был принят рядом министров и главами некоторых оппозиционных партий. Сразу после начала грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. началось движение добровольцев из Турции и Сирии. В этот период турецкое правительство занимало официально прогрузинскую политику, но Анкара не препятствовала отправке в Абхазию добровольцев, сбору финансовых средств для помощи Абхазии и массовым кампаниям протеста, которые регулярно проводились во всех главных городах Турции¹.

После окончания грузино-абхазской войны наступил другой этап во взаимоотношениях Абхазии с Турцией и ее абхазской диаспорой. После войны между Турцией и Абхазией функционировало прямое пассажирское морское сообщение. Однако в 1996 г., по настоянию Грузии Турция закрыла этот канал сообщения между гражданами Абхазии и Турции, однако грузовые перевозки между двумя странами, связанные с импортом из Абхазии лома цветных металлов, дешевых высококачественных древесины и угля, не прекращались и осуществляются поныне. Причем после закрытия Ельциным российско-абхазской границы в 1994 г. и вплоть до конца 1990-х гг. коммерческие морские поставки горючего, пищевых продуктов и медикаментов из Турции играли важную роль в поддержании жизнедеятельности оказавшегося в почти полной российско-грузинской блокаде населения Абхазии².

Связь Абхазии с соотечественниками в диаспоре чрезвычайно затруднилась, и основным путем сообщения с Абхазией стала граница по реке Псоу, т.е. через Россию. Получив монопольный контроль над передвижением людей в Абхазию, Россия создавала значительные трудности для пересечения границы турецким и ближневосточным абхазам. Те же репатрианты, которые к тому времени жили в Абхазии, лишились возможности выезжать из нее, так как потом не смогли бы вернуться обратно. После начала войны в Чечне возможности выезда лишились не только репатрианты, но и все взрослое мужское население Абхазии.

В то же время в Турции в среде диаспоры, особенно среди старшего поколения, постепенно укоренилось мнение, что устроить новую жизнь в Абхазии чрезвычайно трудно. Более того, некоторые считали, что кавказские абхазы изменились под влиянием условий жизни в СССР и утратили традиционные ценностные ориентиры абхазского

¹ *Чирикба В.* Абхазская диаспора во внутренней и внешней политике Абхазии. Сухум, 2006.

² Там же.

кодекса *ансуара*¹. При знакомстве с реальной Абхазией идеальный образ померк, Абхазия оказалась обычной страной, населенной обычными людьми, правда, говорящими на абхазском языке. Разочарование было настолько велико, что многие так и не смогли простить реальной Абхазии крушения этого поддерживаемого вот уже 150 лет идеализированного облика кавказской прародины. Усугубляли это впечатление и послевоенный разгул преступности, жертвами которой становятся и репатрианты, правовая и социальная незащищенность репатриантов, а также широко распространенная коррупция². В 1990-х гг. абхазская мечта о воссоединении абхазов на исторической родине потерпела крах.

Как отмечает В.Чирикба, сейчас на сцену выходит новое поколение турецких абхазов, новая национально-ориентированная абхазская элита. Абхазская диаспора в Турции ныне прекрасно организована, отделения абхазских культурных обществ или клубов имеются во многих крупных городах Турции. Она входит в федерацию северокавказских культурных организаций, в рамках которой осуществляются тесные связи с другими диаспорами, прежде всего, с насчитывающей несколько миллионов и обладающей значительными политическими и финансовыми ресурсами адыгской диаспорой. Кавказцы – весьма лояльные турецкие граждане, что обуславливает, в целом, благожелательное отношение к ним нынешних турецких властей. Стремясь стать членом Евросоюза, Турция под давлением последнего вынуждена была недавно пойти на некоторые уступки этническим и языковым меньшинствам в плане предоставления им ограниченных культурных прав, например, публикации изданий на собственных языках, организации курсов родного языка и даже предоставления радио- и телевизионного эфира для вещания на родных языках.³

Ныне в Абхазии живет несколько сот репатриантов, а в нынешнем составе абхазского парламента из 35 депутатов двое – репатрианты из Турции, оба известные бизнесмены. По мнению В.Чирикба, в России опасаются усиления турецкого и исламского влияния в Абхазии, и поэтому, в отличие от граждан западных стран, которые с апреля 2006 г. могут пользоваться свободным проездом в Абхазию через Псоу, имея российскую двукратную визу, этнические абхазы – граждане Турции и

¹ В абхазской мифологии Абхазия - *Апсны* - страна, населенная идеальными людьми *ансуа*, которые живут, руководствуясь древними традициями и морально-этическим кодексом *ансуара*.

² Там же.

³ Там же.

стран Ближнего Востока — сталкиваются с трудностями при получении российской визы для поездки в Абхазию¹.

Политика Турецкой Республики по отношению к Абхазии, как и во время грузино-абхазской войны, остается двойственной. Эту двойственность определяет ряд разноречивых факторов, которые не дают Турции возможности играть более активную роль в грузино-абхазском урегулировании. С одной стороны, Анкара всецело поддерживает тезис о территориальной целостности Грузии — во-первых, не желая ссориться с Тбилиси, а во-вторых, у Турции есть свои весьма серьезные проблемы с курдскими сепаратистами. С другой стороны, турецкое правительство не препятствует общению своих граждан абхазского происхождения с исторической родиной, работе в Абхазии частных турецких фирм, торговле и рыболовству у берегов Абхазии (хотя зафиксированы десятки случаев, когда грузинские пограничники задерживали в море и подвергали аресту грузовые и рыболовецкие суда из Турции).

В то же время грузино-абхазская война «всколыхнула не только северокавказские сообщества в Турции, но и прежде почти незаметную, но весьма значительную мусульманскую грузинскую общину, которая стала энергично работать над созданием набирающего силы прогрузинского лобби. Уже сейчас, как отмечают турецкие политологи, кавказские конфликты имеют прямые последствия для внутренней ситуации в Турции. Так, грузино-абхазский конфликт отражался в виде дискуссий на турецком телевидении и в растущей неприязни между абхазской и грузинской общинами, ранее абсолютно не наблюдаемой»².

Все это, несомненно, внесло свою лепту в историю с несостоявшимся визитом в Турцию в октябре 2007 г. президента Абхазии Сергея Багапша. Поездка эта готовилась долго, несколько раз откладывалась, причем, конечно, планировался совершенно неофициальный визит. Но абхазской диаспоре первая встреча с главой Абхазии за последние 16 лет представлялась очень важной. И вот в самый канун поездки заместитель министра иностранных дел Турции позвонил в Сухум и попросил перенести визит на более поздний срок. Именно попросил, поскольку визит был частный и Анкара не могла его отменить (объявлять Багапша персоной нон грата она тем более не хотела). Причина была названа уважительная — теракты со стороны курдов и сложная ситуация на турецко-иракской границе в связи с курдской проблемой. Посовещавшись, в Сухуме приняли решение просьбу уважить.

¹ *Чирикба В.* Абхазская диаспора в внутренней и внешней политике Абхазии.

² Там же.

Но многие посчитали, что это был лишь повод, а действительной причиной стали протесты Тбилиси. Причем в самой Турции, а именно в абхазской диаспоре, ситуацию восприняли гораздо болезненней, чем в Абхазии. Комитет солидарности с Абхазией, то есть орган, изначально занимавшийся организацией визита, устами главы комитета Ирфана Аргуна и его заместителя Инала Джигу, заявил, что визит не состоялся в результате действий грузинского руководства и поддержке этих действий руководством Турецкой Республики. «Фактический запрет на въезд в Турцию президента Республики Абхазия Сергея Багапша – оскорбительная пощечина каждому из нас. Огорчению нашему нет меры», – говорилось в их заявлении¹.

Отмена визита возмутила всю черкесскую диаспору Турции. В селекции Узунджермон провинции Хандак состоялась многотысячная акция протеста представителей диаспоры. «Черкесы, служба верой и правдой Турецкому государству, – было сказано в воззвании, распространенном электронной рассылкой «Кавказского форума», – не думали, что такое может случиться с ними. Но это произошло, и теперь мы в оцепенении»².

Нечто подобное несостоявшемуся визиту Багапша произошло в июне 2008 г., когда давление грузинских властей вынудило МИД Турции принять решение об отмене официального визита представителей торгово-промышленной палаты страны в Пицунду на представительный трехдневный Международный экономический форум «Абхазия – 2008: инвестиции, перспективы». В связи с этим организацию поездки турецких бизнесменов взял на себя стамбульский клуб «Дружба». Он собрал новую делегацию, но поехало не 70, как планировалось, а только 25 бизнесменов³. Как и ожидалось, главной темой на форуме стало участие всех заинтересованных сторон в строительстве олимпийских объектов Сочи-2014.

Перспективы урегулирования

И в заключение следует вернуться к ключевому вопросу – отношениям Грузии и Абхазии. Сегодня они переживают один из самых драматических, даже трагических моментов своей истории. Вообще, конечно, на эту историю не надо смотреть ни через розовые очки («у наших народов всегда раньше были братские отношения»), ни через черные («мы всегда враждовали»). В многовековой истории отношений

¹ *Хашиг И.* Долгие проводы и затянувшее ожидание // Чегемская правда, № 40 (170), Сухум, 2007.

² Там же.

³ Эхо Абхазии, №23 (639), Сухум, 2008.

абхазов и грузин, как и почти всех соседних народов, были периоды как мирного сосуществования и совместной борьбы против иноземных завоевателей, так и вооруженных конфликтов.

Когда международные представители твердо заявляют: они не намерены рассматривать при урегулировании межнациональных конфликтов исторический аспект, и надо основываться исключительно на сегодняшних реалиях, — в этом есть несомненная логика. Ибо в исторических доводах сторон можно, бывает, разбираться бесконечно долго, и каждая из них все равно останется при своих убеждениях, причем неизменно настаивая на своей «точке отсчета» в истории — наиболее ей выгодной.

Вместе с тем, совершенно игнорируя исторический аспект, разобратся в таком конфликте, как грузино-абхазский, понять его специфику просто невозможно. Тугой узел нынешних этнополитических проблем стал затягиваться здесь полтора столетия назад, когда после последней, опустошительной волны махаджирства Абхазия стала быстро превращаться из страны по сути моноэтнической (по данным посемейной переписи 1886 г., абхазы составляли в ней 85,8% населения) в полиэтничную, причем доминирующим этносом в ней стал грузинский (по Всесоюзной переписи 1989 г. — 45,7% населения Абхазской АССР, в то время как абхазы составляли только 17,8%)¹. Вот почему, когда грузинские представители, отталкиваясь от демографических данных 1989 г., заявляют, что справедливого и всеобъемлющего грузино-абхазского урегулирования не может быть без «безопасного и достойного» возвращения в Абхазию всех грузинских беженцев и их потомков, абхазские представители, в свою очередь, апеллируют к более ранним датам. И с их точки зрения то, что соседняя Грузия воспользовалась постигшей абхазов во второй половине XIX в. этнической катастрофой для кардинального изменения демографической ситуации в Абхазии в свою пользу, никак нельзя назвать справедливым. Подобные демографические сдвиги не являются явлением уникальным. В течение XX в., скажем, в Латвии доля русскоязычного населения достигла одной трети, а в ряде субъектов Российской Федерации — превысила половину всего населения. Но там нигде не утверждалось, что это исконно русская земля, а так называемый титульный народ не объявлялся пришлым племенем, как было сделано в середине XX в. в известной теории грузинского ученого Павле Ингороква. Это делает вполне объяснимыми исторические обиды абхазов и их недоверие к звучащим из Тбилиси заявлениям, что в будущем едином грузинском государстве им будут предоставлены абсолютно все возможности для сохранения и развития языка, культуры, традиций и т.д.

¹ Абхазская трагедия. Сочи, 1993. С.12.

Все послевоенные пятнадцать лет в грузинском обществе не стихают дискуссии на темы: «Что мы можем предложить Абхазии и абхазам?», «Какие права Тбилиси может делегировать Сухуми?» и т.п. Например, выдвигается инициатива и потом даже споры идут об ее авторстве: а давайте мы после воссоединения освободим Абхазию от уплаты налогов в республиканский центр на 15 лет. Но Абхазия и так не платит налоги этому центру более 15 лет. При этом упускается из виду одна деталь: «А собираются ли абхазы от Тбилиси что-либо принимать? Нужно ли им это?». В этом плане весьма любопытна публикация в газете «Свободная Грузия» от 31 мая 2008 г. «В Тбилиси идет дождь, или о чем спорили политологи Арно Хидирбегишвили и Джумбер Кирвалидзе». Последний рассуждает об опасностях, которые сулит создание двухсубъектного государства, которое, на его взгляд, предлагают Грузии Запад и США: «Абхазы согласятся, но чтобы вернувшиеся в Абхазию 250 тысяч грузинских беженцев не нарушили этнический баланс, они потребуют двойного гражданства, а затем проведут референдум и на основе международного права выделятся в отдельное государство, точно так же, как в 2006 году черногорцы провели референдум и выделились из общего государства Сербия и Черногория»¹. Дело в том, подсчитал он, что абхазы и остальное негрузинское население Абхазии в сумме составят 56%, а грузины – лишь 44%. На это Арно Хидирбегишвили ему резонно возразил: «Поставьте себя на место абхазских сепаратистов: разве для этого они воевали, чтобы сначала вернуть грузинских беженцев на всю территорию, а потом провести референдум и опять их вытеснить?».

Планы грузино-абхазского урегулирования (например, план Дитера Бодена и презентованный в конце июля 2008 г. план вице-канцлера, министра иностранных дел ФРГ Франка-Вальтера Штайнмайера), оказываются нереализуемы на практике, поскольку Абхазия категорически не согласна на возвращение ей статуса грузинской автономии и массовое возвращение грузинских беженцев. В Абхазии такое решение воспринимается как возвращение в те беспокойные годы XX века (в конце 1980-х – начале 1990-х гг.), когда в Абхазии абхазские митинги и забастовки бесконечно сменялись грузинскими, когда в СМИ, в жилых домах и трудовых коллективах только и делали, что спорили, чья же это земля, потихоньку вооружались и т.д. и т.п.

И сейчас подавляющее большинство абхазов убеждено, что теракты лета 2008 г. в Гагре, Сухуме и Гале были организованы грузинскими спецслужбами. При существующих настроениях грузин и абхазов

¹ Свободная Грузия, № 44-45 (23984), 2008.

не может быть компромиссного решения, способного хотя бы отчасти удовлетворить обе стороны. Абхазы считают, что любая существенная уступка будет равнозначна капитуляции, т. к. обязательно повлечет за собой потерю всего завоеванного ими в сентябре 1993 г., а точка невозврата их в состав единого грузинского государства была пройдена еще в августе 1992 г. Грузию же ничто при сегодняшних реалиях не может заставить отказаться от идеи восстановления территориальной целостности. Любое другое решение для Грузии тоже равнозначно капитуляции.

Словом, грузино-абхазское урегулирование видится сегодня столь же туманным и неопределенным во времени, как и в конце 1993 г. При установившемся в мире равновесии заинтересованных сил нынешнее подвешенное состояние статуса Абхазии может длиться еще не одно и не два десятилетия. Изменить же решающим образом ситуацию в пользу той или другой стороны смогут, скорее всего, лишь какие-то глобальные, тектонические сдвиги, подобные тем, которые порождали новые геополитические реальности после Первой и Второй мировых войн.

Бывший госминистр Грузии по урегулированию конфликтов, а ныне оппозиционер Георгий Хаиндрава сказал, что в Абхазии сегодня три партии: та, которая ратует за независимый статус, та, которая желала бы вхождения Абхазии в состав России, и та, которая за вхождение в Грузию. И с этим можно согласиться. Но только с важными уточнениями. Прогрузинская партия — это исключительно грузинское (мегрельское) население приграничного Гальского района в старых его границах. За вхождение в состав России — в основном русское, армянское и др. население, а также некоторые абхазы. Очень существенный момент, однако, заключается в том, что полемики по этим вопросам в обществе пока нет, публично почти все поддерживают курс на независимость. Нынешние незначительные, идущие скорее от внутриполитических трений расхождения в абхазском обществе между сторонниками и противниками многовекторной политики не могут привести к расколу, так как и те, и другие в качестве своего стратегического партнера и покровителя видят только Россию.

Что же касается возможного возвращения в состав Грузии, то если в 1992 г. у этой идеи и нашлось среди абхазов несколько десятков сторонников, вошедших в Комитет спасения Абхазии, то сейчас таковых нет. В этом существенное отличие Абхазии не только от Чечни, где Надтеречный район никогда не выходил из подчинения Москве, но даже и от Южной Осетии, где Тбилиси сумел создать параллельную прогрузинскую структуру в лице Дмитрия Санакоева и его сторонников.

АРМЯНО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ВЕЧНЫЙ ТУПИК?

АЙБАРС ГОРГУЛУ

Введение

После распада СССР в 1991 г. на территории бывшей советской империи образовалось пятнадцать новых государств. В результате распада Советского Союза Армения была признана мировым сообществом как независимое государство, наряду с другими бывшими советскими республиками, в том числе и теми, которые не требовали и не добивались независимости. Провозглашение 23 сентября 1991 г. Арменией независимости стало воплощением давнишних чаяний армянского общества, всегда мечтавшего о собственном государстве. 16 декабря 1991 г. Турция не замедлила признать своего нового соседа, однако за истекшие с тех пор 17 лет дипломатические отношения между двумя государствами так и не были установлены. Между тем, армянское руководство постоянно заявляло, что готово на нормализацию отношений с Турцией без каких-либо предусловий¹. Со своей стороны, турецкие власти также выражали желание нормализовать отношения с Арменией, но выдвигали для этого ряд предварительных условий:²

- Мирное урегулирование карабахского конфликта с Азербайджаном;
- Признание турецко-армянской границы;
- Прекращение кампаний за признание «геноцида» (*здесь и далее сохранены авторские кавычки. Прим. ред.*).

Наиболее острая из перечисленных выше проблем – неурегулированный карабахский конфликт между Арменией и «братской» для Турции страной – Азербайджаном. Остальные предусловия – признание границ и кампания вокруг «геноцида» – тоже проблематичны, однако урегулирование карабахского конфликта является для Турции приоритетным.

¹ Vartan Oskanyan, “Turkey misses its chance with Armenia ...with its neighbour” Armenia Foreign Ministry website (February 7, 2007). (<http://www.armeniaforeignministry.com/minister/070207-la-times.html>)

² “Türkiye'nin Ermenistan'a sunduğu şartlar” Dünya Bülteni website (December 22, 2007) (http://www.dunyabulteni.net/news_detail.php?id=30113).

С момента основания у Турецкой Республики складывались сложные отношения с соседними странами. В этом смысле Армения — не исключение, но отношения с ней уникальны именно тем, что дипломатические связи не установлены, а граница закрыта. Цель данной статьи — описать сложившиеся между Турцией и Арменией особые отношения. Для этого здесь будут подробно рассмотрены имеющиеся в отношениях между двумя странами весьма непростые проблемы, которые обе страны пытаются преодолеть: карабахский конфликт, признание территориальной целостности и проблемы закрытой сухопутной границы, и наконец, требования признания «геноцида». Затем будет обоснована необходимость урегулирования этой ситуации и дана оценка возможных последствий нормализации отношений с Арменией, а также новых возможностей, которые при этом откроются.

1) История двусторонних отношений

Распад СССР в 1991 г. стал поворотным моментом в политической истории Евразии. В его результате в самом сердце континента, на Кавказе, образовалось три новых государства — Грузия, Азербайджан и Армения. На этом переходном этапе Турцию более всего заботило сохранение стабильности в регионе. Именно поэтому отношение Турции к новой конфигурации изначально можно считать позитивным. 9 ноября 1991 г. Турция признала независимость Азербайджана, а месяц спустя, 16 декабря, Турция известила мировое сообщество о признании ею всех остальных постсоветских стран без исключения. Через год после признания новых государств Кавказа Турция установила с Азербайджаном и Грузией дипломатические отношения. Тогда же в весьма позитивном ключе состоялись первые контакты с Арменией. В рамках первых переговоров посол Турции в России Волкан Вурал посетил Ереван в апреле 1991 г. для обсуждения будущего отношений между двумя странами¹. В ходе визита Вурал и президент Армении Левон Тер-Петросян согласовали проект договора об установлении добрососедских отношений². После этого в Анкару для обсуждения сфер сотрудничества и будущих торговых связей прибыла высокопоставленная армянская делегация.

Кроме того, Турция пригласила Армению стать одной из стран-учредителей Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). Присутствие президента Армении Левона Тер-Петросяна на встрече глав государств стран ОЧЭС в Стамбуле в 1992 г.

¹ “Türk-Ermeni İlişkilerinin Dünü Bugünü” Anadolu Dergisi website (July 2005) (<http://www.anadolu.be/ermeni/ermeni.html>).

² *Graham E. Fuller*, *Turkey’s New Eastern Orientation* (Oxford: Westview Pres, 1993), pp. 77.

было воспринято как свидетельство готовности Армении налаживать отношения с Турцией. Кроме того, Тер-Петросян отправил в отставку министра иностранных дел Раффи Ованисяна за откровенно анти-турецкую речь, произнесенную им на встрече министров иностранных дел в Совете Европы¹. Все эти шаги способствовали созданию благоприятной атмосферы в отношениях двух стран, и с осени 1991 г. по лето 1992 г. представлялось вероятным, что Турция и Армения смогут установить добрососедские отношения. Турция направила в Ереван дипломатическую миссию. Отмечая все те преимущества, которые Армения сможет приобрести благодаря регулярным политическим и экономическим связям с Турцией, члены миссии, однако, впервые заговорили и о важности мирного урегулирования карабахского конфликта для установления турецко-армянских отношений.

В 1992 г. Турция, в качестве знака доброй воли, оказывала Армении содействие в преодолении затяжного экономического кризиса, направляя в страну гуманитарную помощь. В ноябре 1992 г. Турция согласилась поставить в Армению 100 тыс. тонн пшеницы, а также начать поставлять в Армению столь необходимую ей электроэнергию через ЛЭП, соединяющие эти две страны. Последнее решение вызвало протесты в Азербайджане². После скандала вокруг поставок электроэнергии, карабахский конфликт начал оказывать прямое влияние на турецко-армянские отношения. 8 декабря 1992 г. в ходе визита в Баку вице-премьер Турции Эрдал Иненю был вынужден сообщить о приостановлении поставок электроэнергии в Армению, отметив при этом, что в случае улучшения ситуация в Нагорном Карабахе экономические связи с Арменией могут быть вновь налажены³. Одним словом, несмотря на многочисленные визиты и встречи официальных лиц, Турция и Армения не смогли установить дипломатические отношения. Процесс переговоров о двустороннем протоколе установления дипломатических отношений между Турцией и Арменией столкнулся с рядом проблем и, в конце концов, зашел в тупик.

По утверждению Турции, Армения не выступила с официальным признанием нынешней границы между Турцией и Арменией, установ-

¹ Burcu Gültekin "Prospects for regional ... Russian cooperation in South Caucasus" *Final Report Manfred Wörner Fellowship 2004-2005* (June 2005) p. 41.

² Akif Maharramazadeh "Armenian-Azerbaijan Relations and the Nagorno-Karabakh Conflict in the Foreign Policy of Turkey." *The Journal of Turkish Weekly website* (February 14, 2006) (<http://www.turkishweekly.net/articles.php?id=105#>).

³ "8 Aralık 1992" *Başbakanlık Basın-Yayın ve Enformasyon Genel Müdürlüğü website* (December 1992) (<http://www.byegm.gov.tr/yayinlarimiz/ayintarihi/1992/araklik1992.htm>).

ленной на основании Карского¹ и Александропольского договоров от 1921 г. Таким образом, в качестве предусловия установления дипломатических отношений Турция требовала от Армении официального заявления, где говорилось бы, что Армения признает законность этих договоров и уважает территориальную целостность Турции. По мнению армянской стороны, в подобном заявлении не было никакой необходимости, поскольку ни одна из двух стран никогда не денонсировала эти договора.²

По мере эскалации карабахского конфликта, в переговорном процессе возникла напряженность, и в конечном счете турецко-армянская граница была полностью закрыта. В марте 1993 г. армянские вооруженные силы перешли в новое наступление, приведшее к новым потокам азербайджанских беженцев. В ответ турецкое правительство остановило поставки зерна в Армению через территорию Турции и закрыло границу с Арменией, в результате чего прямое сообщение между двумя странами полностью прекратилось. Однако закрытие наземной границы не означало полного прекращения сношений между Турцией и Арменией. Так, например, после заключения при посредничестве американских дипломатов соглашения о прекращении огня в карабахском конфликте Турция открыла свое воздушное пространство для доставки гуманитарных грузов в Армению. Кроме того, президенты, министры иностранных дел и высокопоставленные дипломаты обеих стран неоднократно встречались при различных обстоятельствах, что, впрочем, не привело к заметным успехам на пути нормализации отношений.

Кроме проблемы с границей и карабахским конфликтом, процессу нормализации турецко-армянских отношений препятствовала политизация вопроса о признании «геноцида», начавшаяся с приходом к власти Роберта Кочаряна³ и проходившая при активном участии армянской диаспоры. Турция озабочена тем, что Армения обвиняет Османскую Турцию в совершении акта «геноцида», факт которого продолжает оспариваться и широко обсуждаться.

Проблемы, связанные с признанием границ, карабахским конфликтом и «геноцидом» и поныне продолжают препятствовать нормализации отношений между двумя странами.

¹ Карский договор 1921 г., основанный на положениях подписанного дашнакским правительством крайне невыгодного для Армении Александропольского договора, стал результатом альянса между Турцией и Советской Россией.

² Rachel Goshgarian "Breaking the Stalemate: Turkish-Armenian Relations in the 21st Century" *Turkish Policy Quarterly* vol.4 no.4. (Winter 2005), pp. 4 – 5.

³ 30 марта 1998 г. Роберт Кочарян был избран президентом Армении на внеочередных президентских выборах.

Карабахский конфликт

Конфликт вокруг Нагорного Карабаха — наиболее существенное препятствие нормализации двусторонних отношений Турции и Армении. Именно эта проблема делает невозможным сближение между двумя странами. Хотя турецко-армянские отношения начали улучшаться после признания независимости Армении, ее позиция в карабахском вопросе и аннексия ею территорий Азербайджана привели к ухудшению отношений и закрытию границы с Турцией. Азербайджанцы и армяне ведут споры вокруг исторической принадлежности Нагорного Карабаха. По переписи 1989 г., в Нагорном Карабахе проживало около 75% армян (145 тыс.) и около 25% азербайджанцев (40.688)¹. Конфликт вокруг этой небольшой области в составе Азербайджана начался в феврале 1988 г., когда в Нагорном Карабахе и в Армении прошли демонстрации с требованием присоединения Карабаха к Армении². Территориальный спор вскоре вылился в вооруженный конфликт, в 1992 г. переросший в полномасштабную войну. В 1992 г. Нагорных Карабах провозгласил себя независимой республикой, которая, впрочем, не была признана ни одним государством, в том числе и Арменией. В мае 1994 г. военное руководство трех сторон конфликта подписало соглашение о прекращении огня, однако армянские вооруженные силы не только не допускают азербайджанское население на большую часть территории Карабаха, но и оккупировали семь прилегающих к нему районов Азербайджана³. С 1998 г. в результате конфликта стали беженцами около 350 тыс. армян Азербайджана и Карабаха, и почти 700 тыс. азербайджанцев Армении, Карабаха и прилегающих к нему районов⁴. Имели место многочисленные попытки урегулирования конфликта, в том числе серия встреч в Ки Весте в 2001 г., встречи министров иностранных дел Армении, Азербайджана и Турции в Рейкьявике в мае 2002 г. и в июне 2004 г.⁵ К сожалению, международные посреднические инициативы, особенно интенсивно проводившиеся в рамках Минской группы ОБСЕ, прилагавшей усилия для установления мира в регионе с марта 1992 г., так и не привели к политическому урегулированию конфликта.

¹ “Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabakh” Human Rights Watch website (December 1994) (http://www.geocities.com/fanthom_2000/hrw-azerbaijan/hrw-contents/2.html#g-d-h).

² Rachel Goshgarian “Breaking the Stalemate: Turkish-Armenian Relations in the 21st Century” *Turkish Policy Quarterly* vol. 4, no.4. (Winter 2005), pp. 3.

³ Во время войны Армения оккупировала примерно 20% территории Азербайджана в нарушение международного права.

⁴ Gerard J. Libaridian. *The challenge of statehood* (Cambridge: Blue Crane Books, 1999), pp. 8–9.

⁵ Rachel Goshgarian “Breaking the Stalemate: Turkish-Armenian Relations in the 21st Century” *Turkish Policy Quarterly* vol. 4, no.4. (Winter 2005), pp. 4.

Сложившаяся в карабахском конфликте ситуация является нарушением международного права. В резолюциях Совета безопасности ООН № 822, 853, 874 и 884 содержится призыв к прекращению оккупации азербайджанских территорий со стороны Армении и уважении территориальной целостности Азербайджана¹. Турция обратилась к Армении с призывом выполнить требования Совета безопасности ООН и вывести войска с оккупированных территорий Азербайджана. Требования Турции к Армении фактически сводятся к политическому урегулированию карабахского конфликта и уважению территориальной целостности соседних государств.

Руководство Армении обвиняют Турцию в том, что она ставит отношения с Арменией в зависимость от ее отношений с Азербайджаном. Это обвинение не совсем беспочвенно, так как Турция действительно связывает отношения с Арменией с перспективой мирного урегулирования азербайджано-армянского конфликта. Республика Армения культивирует ощущение осажденной крепости. В результате карабахского конфликта Армения настроила против себя Турцию и вступила в тесные отношения с Россией. Согласно Договору 1997 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, Россия приняла на себя обязательство защищать Армению в случае внешней агрессии². Позиция Армении по Нагорному Карабаху сводится к тому, что народ Нагорного Карабаха имеет право на самоопределение и необходимо позволить Карабаху развиваться «в безопасных границах» и в условиях «постоянной географической связи с Арменией»³.

Политика Турции состоит в том, что открытие границы и нормализация отношений с Арменией зависят от «соблюдения Арменией законности и ее готовности урегулировать проблемы в отношениях с соседями»⁴. Турция рассматривает карабахский конфликт и оккупацию территорий Азербайджана как основное препятствие политической стабильности, экономическому развитию и региональному сотрудничеству на Южном Кавказе⁵.

¹ “1993 UN Security Council Resolutions on Nagorno-Karabakh” US Department of State website (<http://www.state.gov/p/eur/rls/or/13508.htm>).

² “Armenia” Britannica Book of the Year, Encyclopedia Britannica Online. (1998) (<http://www.britannica.com/eb/article-9114287>).

³ “President Robert Kocharian’s Inauguration Speech at the Special Session of the National Assembly”, Armenia MFA website, (May, 21 2000) (http://www.armeniaforeignministry.com/speeches/000521rk_inauguration.html).

⁴ Statement of The President of the Republic of Turkey, Mr. Sezer, 1st October 2003, Anadolu Agency.

⁵ Rachel Goshgarian “Breaking the Stalemate: Turkish-Armenian Relations in the 21st Century” *Turkish Policy Quarterly* vol. 4, no.4. (Winter 2005), pp. 3.

Вопреки ожиданиям, турецкий подход к Армении контрпродуктивен в отношении как карабахского конфликта, так и региональных интересов Турции. Турции стоит пересмотреть свою политику, приняв во внимания те новые рычаги влияния на Армению, которые Турция получит с открытием границы. Нынешняя политика Турции не приносит пользы Азербайджану, напротив, она лишь усиливает имеющиеся в Армении опасения и лишь усиливает ее непримиримую позицию. Кроме того, Армения в результате ведет двусмысленную политику, критикуя соседнее государство на международной арене, что в свою очередь лишь обостряет недоверие и раздражение турецкой стороны.

Признание турецко-армянской границы

Признание границы остается одной из главных тем в турецко-армянских отношениях. Турция продолжает настаивать на том, чтобы Армения официально признала тот факт, что она не имеет к Турции территориальных претензий и признает нынешнюю границу с Турцией. Со своей стороны, Армения ссылается на самоочевидность взаимного признания границ, и все же воздерживается от принятия заявления, на котором настаивает Турция. Фактически, Армения требует, чтобы для нормализации отношений не выдвигалось никаких пред условий, и предлагает перейти к обсуждению неурегулированных проблем лишь после установления двусторонних отношений.

Турецкое правительство подчеркивает тот факт, что в Декларации независимости, принятой 23 августа 1990 г. Верховным Советом Армянской ССР, территории Восточной Турции упоминаются как «Западная Армения», а согласно Статье 13 Конституции Армении находящаяся в Турции гора Агри (*турецкое название Арарата — Прим. ред.*) изображена на гербе Республики Армения¹. В преамбуле к Конституции Республики Армения упоминается Декларация независимости, подписанная президентом Левоном Тер-Петросяном и Секретарем Совета безопасности Ара Саакяном. Соответственно, Турция настаивает, чтобы Армения официально отказалась от каких-либо ирредентистских притязаний и официально признала турецко-армянскую границу.

Как утверждает Этьен Махчупян, известный турецко-армянский журналист, главный редактор газеты «Агос», в Статье 13 Конститу-

¹ В самом начале Декларации независимости содержится следующий текст: «сознавая свою ответственность за судьбу армянского народа в осуществлении чаяний всех армян и восстановлении исторической справедливости», а в статье 11: «Республика Армения выступает за международное признание геноцида армян 1915 года в Османской Турции и Западной Армении», (www.parliament.am/hdoc/Laws/ru/9t9w4k.html).

ции Армении упоминаются древние армянские царства. Это, в сущности, исторический документ, и соответственно, такое упоминание должно рассматриваться как историческое утверждение, а не политическое притязание¹. С другой стороны, такой подход не отрицает того факта, что и в армянской диаспоре, и в самой Армении бытует представление, что Армения должна сохранить свои «исторические права»² и продолжать рассматривать возможность того, что геополитический баланс изменится, и Республика Армения потребует у Турции возвращения ей провинции Карс и Сурмалинского района³.

Проблема границ стала еще более запутанной и неразрешимой с тех пор, как на международной арене начал все шире обсуждаться вопрос о «геноциде». Хотя армяне пытаются разделить эти два вопроса, представление армян о неких «исторических правах» вызывает озабоченность, что Армения, возможно, вынашивает территориальные притязания к Турции. Вопрос о том, может ли признание Турцией «геноцида» привести к территориальным претензиям к Турции со стороны Армении, по-прежнему поднимается в армянской печати, и, судя по всему, соответствует ожиданиям широкой армянской общественности.

Подытоживая сказанное, учитывая явную несоизмеримость как военного, так и экономического потенциала двух стран, настояния Турции на признании границ может восприниматься армянской стороной как чисто символическое. Однако в привязке к карабахскому конфликту и политизации вопроса о «геноциде» эти настояния приобретают смысл.

Закрытие турецко-армянской границы

После эскалации вооруженного конфликта между Арменией и Азербайджаном в 1993 г. Турция закрыла границу с Арменией, закрыв пограничный пункт Догу Кап-Ахурян и прекратив все виды наземного сообщения с Арменией⁴. Закрытие границы дополнительно осложнило и без того сложные турецко-армянские отношения. Армянская диаспора была особенно активно вовлечена в этот вопрос и приложила немалые усилия, чтобы убедить мировое сообщество, что Турция

¹ Interview with Etyen Mahçupyan, Karaköy-Istanbul (January 02, 2008).

² Harut Sassounian, ““What Did Kocharian Actually Say About Demanding Territories from Turkey?” California Courier Online. (July 21, 2005) (<http://www.armtown.com/news/en/azg/20050722/2005072201/>).

³ В этом районе находится гора Арапат, исторический символ армянского народа.

⁴ Nathalie Tocci, “The Case for Opening the Turkish-Armenian Border”, *TEPSA Publications* (2007), pp. 2 (<http://www.europarl.europa.eu/activities/expert/eStudies/download.do?file=18288>).

подвергает Армению экономическим санкциям. В принципе экономические санкции применяются отдельными странами, группами стран или международными организациями, такими, как ООН, с целью повлиять на политику той или иной страны¹. В этом смысле закрытие Турцией своих границ с Арменией с целью принудить ее проводить конструктивную политику в отношении с Азербайджаном действительно может рассматриваться как разновидность экономических санкций. По мнению армянской стороны, Турция как наиболее могущественный региональный союзник Азербайджана осуществляет «блокаду» Армении путем закрытия путей железнодорожного и автомобильного сообщения Армении со странами Запада². С другой стороны, вопрос о том, является ли закрытие границы проявлением агрессивной политики, направленной на дальнейшую изоляцию Армении посредством экономических санкций, остается спорным, особенно в свете недавних заявлений Турции. Седат Лачинер, известный специалист по Армении, директор научно-исследовательского центра «USAК» в Анкаре, говорит, что «ни экономического эмбарго, ни санкций нет. Тысячи армян работают в Стамбуле, а турецкие международные аэропорты принимают самолеты из Армении. Фактический объем товарооборота между Турцией и Арменией составляет более 200 миллионов долларов, несмотря на закрытые границы»³. Таким образом, по мнению турецкой стороны, ни эмбарго, ни «блокады» в реальности нет.

Любопытно, что в девяностые годы все армянские правительства преуменьшали значимость «блокады» и редко упоминали о ней как на внутренней, так и на международной арене. Армения стала более активно педалировать этот вопрос примерно с 2001 г., утверждая, что закрытие границы противоречит ряду принципов международного права⁴⁻⁵. Также исходя из международного права, Турция утверждает, что согласно международному публичному праву закрытие границы не

¹ Bryan Roberts, "The Economic and Social Impacts of Opening the Armenia-Turkish Border: Summary of Conference Research Findings" *AIPRG report* (January 2007), pp. 1 (<http://www.aiprg.net/en/content/29/>).

² Jon Gorvett, "Turkey Takes Steps Towards Rapprochement" Eurasianet website (May 29, 2002) (<http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav052902.shtml>).

³ Sedat Laçiner, "Turkey's EU Membership and the Armenian Question" *The Journal Turkish Weekly* website (December 13, 2004) (<http://www.turkishweekly.net/comments.php?id=61>).

⁴ Nicolas Tavitian and Burcu Gültekin, "Les Relations Arméno-Turques: la Porte Close de l'Orient", *GRIP Reports* (Brussels: January 2003) pp. 12.

⁵ Юридическую аргументацию армянского правительства см. в заявлении армянской делегации в Совете Европы в связи с письменным вопросом № 398 М.Ованисяна, обращенным к Совету министров, по поводу «блокады Армении со стороны Турции», октябрь 2001.

может считаться «блокадой», так как в понятие «блокада» вкладывается вполне конкретный смысл.

Фактически открытие границы принесет пользу обеим странам. В недавно опубликованном отчете Ассоциации трансевропейских политических исследований (TEPSA)¹ подчеркивается, что закрытие границы дорого обходится Армении. Отгороженная стеной от Азербайджана и Турции, Армения связана с внешним миром только дорогостоящими коммуникациями через Грузию и Иран, и это очень сильно мешает развитию Армении². Турецкая сторона также несет заметные потери: хотя потенциальный объем товарооборота с Арменией с учетом ее размера и населения достаточно невысок³, эта страна могла бы стать важнейшим экономическим партнером и рынком для Восточной Анатолии. Как утверждает Устюн Эргодер, директор Стамбульского политического центра и один из создателей проекта Турецко-армянской комиссии по примирению, город Карс остается слабо развитым в основном из-за закрытия турецко-армянской границы⁴. Ее открытие принесло бы огромную пользу Карсу и всему региону.

Еще один важный аспект проблемы – включение Армении в Европейскую политику соседства. Тем самым Евросоюз подчеркивает важность добрососедских отношений на Южном Кавказе. Кроме того, с самого начала переговоров с Турцией, во всех отчетах ЕС содержится рекомендация открыть границу с Арменией и нормализовать отношения на основе принципов добрососедства. Как отмечается в отчете TEPSA, «урегулирование конфликтов и добрососедские отношения находятся в числе основных задач ЕС в области внешней политики. ЕС призывает все страны-кандидаты на вступление в ЕС разрешить имеющиеся проблемы в отношениях с соседними странами, прежде чем вступать в ЕС»⁵. Таким образом, можно утверждать, что для того, чтобы вступить в ЕС, Турция рано или поздно откроет границу с Арменией.

¹ Такие отчеты составляются Ассоциацией трансевропейских политических исследований (TEPSA) по заказу Европарламента. <http://www.tepsa.be/index.asp?ID=13>.

² Nathalie Tocci, “The Case for Opening the Turkish-Armenian Border”, *TEPSA Publications* (2007), pp. 2
(<http://www.europarl.europa.eu/activities/expert/eStudies/download.do?file=18288>).

³ Armenian Statistics website (2006)
(http://www.armstat.am/Eng/Publications/2007/MARZ_07_e/MARZ_07_e_10.pdf).

⁴ Interview with Üstün Ergüder, Tuzla-Istanbul (25 December 2007).

⁵ Nathalie Tocci, “The Case for Opening the Turkish-Armenian Border”, *TEPSA Publications* (2007), pp. 29
(<http://www.europarl.europa.eu/activities/expert/eStudies/download.do?file=18288>).

Влияния требований признания «геноцида» на двусторонние отношения

Вопрос о «геноциде», поднимавшийся в парламентах многих стран Запада, вызывает серьезную напряженность в турецко-армянских отношениях. Вплоть до 1991 г. споры о признании «геноцида» не связывались с двусторонними отношениями, поскольку Армения не была независимым государством. В 1991-1998 гг. эти споры продолжались, но без участия Республики Армения. Однако с избранием Роберта Кочаряна президентом Армения решила включить вопрос о «геноциде» в официальную повестку дня. В данном контексте можно предположить, что армянское правительство усмотрело в вопросе «геноцида» важный ресурс для своей стратегии на международной арене. Это позволило Армении утвердиться в мировой политике, добиться поддержки позиции Армении в карабахском конфликте и исключить Турцию из списка потенциальных посредников в ее урегулировании. По мнению армянской стороны, еще одна объективная задача такой политики – добиться, чтобы Турция считала Армению значимым региональным игроком¹.

Официальная позиция Турции по вопросу признания «геноцида» парламентами различных стран состоит в том, что такие решения лишены законных оснований и не имеют правовой силы в отношении Турции. Однако не следует забывать, что с того момента, как парламент той или иной страны объявляет ужасные события 1915 г. «геноцидом», в данной стране это становится признанным фактом. Убедительный пример – Франция, где после признания парламентом «геноцида» в 2001 г. сразу же прекратились все дискуссии о том, как именно следует рассматривать погромы 1915 г. Вплоть до 2001 г. в солидных французских газетах, таких, как «Le Monde», «Le Figaro» и «Le Monde Diplomatique», регулярно появлялись статьи, где обсуждалось, что же именно произошло в 1915 г. Однако с момента признания «геноцида» парламентом французская пресса почти единогласно стала рассматривать события 1915 г. как «геноцид».

Еще один аспект проблемы связан с деятельностью армянской диаспоры. Тот факт, что правительство Армении официально призывает Турцию признать события 1915 г., придает дополнительную легитимность той деятельности, которую ведут организации армянской диаспоры. Армянское правительство не может в полной мере напрямую контролировать процессы признания «геноцида» в различных странах. Тем не менее, Армения может до некоторой степени влиять на решения национальных парламентов. Так, рассматривавшийся француз-

¹ Nicolas Tavitian and Burcu Gültekin, “Les Relations Arméno-Turques: la Porte Close de l’Orient”, GRIP Reports (Brussels: January 2003) pp. 5– 6. (http://www.grip.org/pub/rapports/rg03-1_armenie.pdf).

ским парламентом в мае 2006 г. законопроект о признании отрицания «геноцида армян» преступлением не нашел заметной поддержки в Ереване. Армянское правительство воздержалось от прямой поддержки этого законопроекта и при его повторном рассмотрении в октябре того же года. В Армении нет закона, предусматривающего наказание за отрицания «Геноцида армян». Более того, Армения не хочет нагнетать напряженность в отношениях с Турцией. Однако армянское правительство не может открыто критиковать успешные инициативы диаспоры в области международного признания «геноцида». За пятнадцать лет независимости заметно возросла и политическая, и финансовая зависимость Республики Армения от диаспоры. Кроме того, политику первого президента Тер-Петросяна, который, несмотря на заметное недовольство, предпочел отложить вопрос о «геноциде», теперь считают ошибочной, поскольку Турция не отозвалась на это проявление доброй воли нормализацией отношений.

Подводя итог, надо отметить, что проблема «геноцида» кажется самым непреодолимым из всех препятствий на пути установления отношений между Турцией и Арменией, поскольку в этом вопросе две страны непримиримо стоят на прямо противоположных позициях. С другой стороны, политика Турции по замалчиванию проблемы «геноцида» более не является устойчивой и служит лишь решению сиюминутных проблем. Предпринимаемые на международной арене усилия, направленные на признание событий 1915 г. «геноцидом», наносят Турции заметный вред, и, что еще важнее, мешают установлению диалога между двумя обществами. Турция особенно болезненно реагирует на заявления армянских официальных лиц, адресованные армянской диаспоре. Негативные заявления, несомненно, отрицательно сказываются на нормализации отношений. Кроме того, армянский вопрос может повредить и отношениям Турции с ее стратегическими партнерами. Каждый год над турецко-армянскими отношениями дамокловым мечом нависает возможность принятия Конгрессом США закона о признании «геноцида»¹. Правительство Франции отчаянно пытается преодолеть последствия принятия еще не вступившего в законную силу законопроекта, признающего преступлением отрицание «Геноцида армян»². Наконец, не следует забывать, что президент Франции Николя Саркози уже заявил, что прежде чем вступить в ЕС, Турция должна будет признать гибель армян «геноцидом»³.

¹ Murat Yetkin, "The Fourth wave is coming", *Radikal* (November 17, 2006).

² "NATO, France downplay impact of Turkish military decision", *Turkish Daily News* (November 17, 2006).

³ Cenk Başlamış, "Soykırım Kriteri", *Milliyet* (October 1, 2006).

II) Зачем нужно решение?

Стратегическое видение Кавказа

Хаос в кавказском регионе, где стабильность после распада СССР так и не была достигнута, в первую очередь сказывается на Турции. Другой могущественный сосед региона - Российская Федерация - сумела восстановить былое влияние благодаря своим размерам, а также росту цен на нефть после начала войны в Ираке, и потому страдает от нестабильности на Кавказе в той же мере, что и Турция. Кроме того, как наследник СССР, Россия имеет на страны региона больше влияния, чем Турция.

Отсутствие за последние 17 лет прогресса в нормализации армяно-турецких отношений и установлении дипломатических связей, в конце концов, побудило Армению к установлению более тесных отношений с Россией. Долгие годы находившаяся под влиянием России, Армения, имеющая с Россией также и религиозные связи, естественно оказалась в зоне российского влияния. Кроме того, не следует забывать, что в России действует очень активная армянская диаспора. Следовательно, было бы неверным рассматривать российско-армянское сближение лишь в свете проблем в отношениях Армении и Турции. Эта ситуация находит свое отражение и в раскладе внутри региона. В результате закрытия турецко-армянской границы интенсифицировалась поляризация между двумя блоками, Турция-Украина-Азербайджан-Грузия и Россия-Иран-Армения¹. С другой стороны, отсутствие дипломатических отношений между Арменией и Турцией благоприятствует реализации российских интересов в регионе.

Широко известно, что значимость Кавказа заметно возросла за последние десять лет. Особенно в плане геополитики, положение региона как связующего звена между Европой и Азией и транзитного коридора для поставок нефти и газа привлекают к нему внимание самых разных акторов мировой политики, в числе которых наиболее существенные — это европейские страны и США. Преодоление нестабильности на Кавказе несомненно является задачей Турции, которая позиционирует себя как региональную державу и желает играть роль в добыче и транспортировке энергоресурсов в каспийском бассейне.

Карабахский конфликт, самый крупный на Кавказе, вряд ли будет урегулирован в ближайшем будущем. 20% территории Азербайджана по-прежнему оккупированы Арменией, и за 14 лет, прошедших со дня

¹ Nathalie Tocci, 'The Case for Opening the Turkish-Armenian Border', TEPSA (July 2007), <http://www.europarl.europa.eu/activities/expert/eStudies/download.do?file=18288>.

заключения соглашения о прекращении огня, решение этой проблемы так и не было найдено. Если Турция, в соответствии со своими стратегическими приоритетами, желает стать посредником в урегулировании карабахского конфликта, этому никак не способствует ни отсутствие дипломатических отношений с одной из сторон конфликта, ни наличие «братских» отношений с другой.

Международное сообщество воспримет нормализацию отношений с Арменией как признак готовности Турции играть по-настоящему конструктивную роль в урегулировании карабахского конфликта. Более того, можно будет подать сигнал о равноудаленности Турции от Армении и Азербайджана. Пытаясь играть активную роль в урегулировании палестино-израильского и сирийско-израильского конфликтов, Турция должна проявить такую же волю и конструктивность, чтобы остановить войну у самых своих границ.

Отношения с Евросоюзом

Еще одно направление, в рамках которого Турция может улучшить отношения с Арменией — это переговоры о вступлении в ЕС. Как известно, в ежегодных отчетах, в которых оценивается ход переговоров и проводимых в Турции реформ, всегда подчеркивается важность установления добрососедских отношений, и в том числе незамедлительное открытие границы¹.

Кроме того, ЕС включил Армению в Европейскую политику соседства (ЕПС) и финансирует дорогостоящие проекты по развитию в этой стране демократии и рыночной экономики. Этот факт заслуживает особенного внимания. В свете идеи ЕС о формировании в будущем «общего рынка» со странами, охваченными ЕПС, Турции следует немедленно пересмотреть свои отношения с Арменией.

От всех стран-кандидатов на вступление в ЕС ожидается в том числе урегулирование территориальных конфликтов и установление добрососедских отношений со всеми соседями. И Турция, и Армения поддерживают дипломатические отношения с ЕС, что дает Европейскому Союзу возможность играть активную роль в урегулировании проблемы вокруг турецко-армянской границы. Однако потенциал ЕС в этом вопросе ослабляется двумя факторами. Первый — это различие в уровне дипломатических отношений ЕС с Турцией и Арменией. Турция — кандидат на вступление в ЕС, а Армения — лишь член ЕПС². Это означает, что ЕС имеет больше рычагов влияния на Турцию, чем

¹ Подробнее см. <http://www.eutcc.org/articles/8/15/document229.ehtml>.

² В 2006 г. Армения подписала План действий в рамках Европейской политики соседства.

на Армению, что мешает ЕС эффективно участвовать в налаживании турецко-армянских отношений.

Второй фактор, ограничивающий возможности ЕС играть активную роль в этом процессе – это неопределенность, существующая во взаимоотношениях между ЕС и Турцией. Турция считает, что ЕС занимает неискреннюю позицию по вопросу вступления в него Турции: притом, что Турция является кандидатом на вступление в ЕС, в ЕС отсутствует консенсус по вопросу ее полноценного членства. Группа стран-членов Европейского Союза во главе с Францией и Австрией возражает против вступления Турции в ЕС, и это негативно сказывается на отношениях ЕС и Турции. Турция подвергает сомнению искренность намерений ЕС принять ее в ряд своих членов, что, в свою очередь, ослабляет влияние ЕС на Турцию. Следовательно, для того чтобы ЕС мог сыграть более активную роль в налаживании турецко-армянских отношений, необходимо добиться определенности в отношениях между Турцией и ЕС. Учитывая, что у Турции имеются проблемы в отношениях с Арменией, если политика Турции не изменится, то эти проблемы могут стать таким же камнем преткновения для процесса вступления Турции в ЕС, каким стал кризис вокруг портов Северного Кипра.

Еще одно важное измерение турецко-армянских отношений, влияющее на процесс переговоров о вступлении в ЕС – это вопрос о «геноциде». Поскольку признание «геноцида армян» не входит в число Копенгагенских критериев, на начальном этапе переговоров с Турцией этот вопрос не создавал проблем. Однако «геноцид» был признан не только парламентами ряда стран-членов ЕС, таких как Германия, Франция, Бельгия, Греция, Италия и Нидерланды, но и Европарламентом. Более того, некоторые из этих стран настаивают на том, чтобы Турция признала «геноцид», прежде чем сможет стать членом ЕС¹. В странах, признавших «геноцид», бытует мнение, что, закрывая границу с Арменией, Турция фактически наказывает народ, в отношении которого ею был осуществлен «геноцид». Однако вступление Турции в ЕС будет для Армении весьма благоприятным обстоятельством, и потому постоянно муссируя вопрос о «геноциде» и тем самым отталкивая от себя Турцию, ЕС косвенно приносит Армении вред и создает парадоксальную ситуацию.

Влияние армяно-турецких отношений на западные организации не ограничивается ЕС. Еще один важный аспект проблемы – вступление

¹ Cenk Başlamış, ‘Soykırım Kriteri’ (Genocide Criterion), *Milliyet Gazetesi* (1 September 2006), <http://www.milliyet.com/2006/10/01/dunya/adun.html>.

Армении в НАТО. Хотя этот вопрос много обсуждался, не следует забывать, что Армения не хочет ставить под удар свои отношения с Россией. Поэтому Армения рассматривает членство в НАТО как средство, а не цель, и использует этот процесс как возможность обеспечить развитие своей экономики и демократических институтов. Для Турции же вступление стран Кавказа в НАТО станет залогом безопасности ее внешних границ и одновременно противовесом российскому влиянию в регионе.

Экономическая составляющая нормализации отношений

Некоторые специалисты отстаивают тот тезис, что армянский рынок очень мал, поскольку в Армении небольшое население, и поэтому открытие границы не принесет заметной пользы экономике Восточной Анатолии. Этот тезис обычно подкрепляют тем фактом, что Восточная Анатолия остается самым слабо развитым регионом Турции, несмотря на открытые границы с Ираном, Грузией и Нахичеваном. Притом что ВВП Турции в сорок раз больше армянского, доля Восточной Анатолии в турецком ВВП составляет лишь 4,14%¹. От закрытия границы с Арменией страдают в первую очередь провинции Карс и Трабзон. После того, как Ардаган был сделан отдельной провинцией, нарушилась связь между Карсом и Грузией, а с созданием провинции Игдыр, Карс лишился пограничного пункта с Нахичеванью. В результате у провинции Карс осталась внешняя граница и возможность для внешней торговли только с Арменией. От закрытия армянской границы в 1993 г. пострадала экономика провинции Карс, и местные власти и общество очень негативно восприняли это решение. Их недовольство было обусловлено в первую очередь тем, что экономические связи с Арменией фактически существуют, но проходят по маршруту Стамбул-Черное море-Грузия, а Карс остался ни с чем. Так же как и Карс, от закрытия границы пострадал Трабзон: снизился экономический потенциал трабзонского порта и его конкурентоспособность по отношению к грузинским черноморским портам. Открытие турецко-армянской границы будет способствовать развитию порта и в целом города Трабзон².

Вне всякого сомнения, закрытие границы более всего сказывается на Армении: завышены транспортные расходы, страдает экономика. 90% внешней торговли Армении ведется через границу с Грузией, что

¹ Nathalie Tocci, 'The Case for Opening the Turkish-Armenian Border', TEPSA (July 2007), p. 15, <http://www.europarl.europa.eu/activities/expert/eStudies/download.do?file=18288>.

² Там же, с. 16.

создает возможность для монополизма с грузинской стороны. С открытием границы монополия падет, и транспортные расходы снизятся. Кроме того, Армения сможет увеличить объемы экспорта. По прогнозам Всемирного банка за 2001 г., с открытием границ с Азербайджаном и Турцией в Армении произошел бы 30-процентный рост ВВП. Правда, Армяно-европейский центр политики и правового консультирования (AEPLAG) прогнозирует рост лишь на 2,7% за пять лет. Несмотря на столь разные оценки, ясно, что открытие границы позитивно скажется на экономике Армении¹. Наконец, в экономическом плане Турция занимает более сильную позицию, поскольку от открытия границ Армения получит больше выгод. Это придает легитимность тому факту, что Турция ставит открытие границы в зависимость от решения прочих проблем в отношениях между двумя странами.

Главное преимущество, которое Южный Кавказ получит от открытия турецко-армянской границы, это повышение экономической эффективности всего региона за счет снижения транспортных расходов и открытия новых рынков. С открытием границ повысится не только интенсивность торговых потоков, но и стабильность региона, так как открытие границы будет способствовать урегулированию карабахского конфликта. Более того, позитивная атмосфера, которая создастся в регионе с открытием границы, не менее важна, чем экономические выгоды. Урегулирование этнических конфликтов разрядку и атмосферу стабильности необходимо рассматривать как не менее важные задачи, чем экономическое развитие региона. Кроме того, не будет ошибкой утверждать, что с урегулированием карабахского конфликта и исчезновением проблемных границ возрастет и вероятность успешного экономического развития Южного Кавказа.

Общественное восприятие

Одним из важнейших результатов нормализации турецко-армянских отношений может стать более позитивное восприятие друг друга гражданами обеих стран. По данным совместного исследования под руководством Ферхата Кентела и Геворка Погосяна, в рамках которого проводились индивидуальные интервью в Стамбуле и Ереване, жители Армении и Турции не только имеют негативные стереотипы относительно друг друга, но и почти ничего друг о друге не знают². Не-

¹ Nathalie Tocci, 'The Case for Opening the Turkish-Armenian Border', TEPSA (July 2007), p. 11, <http://www.europarl.europa.eu/activities/expert/eStudies/download.do?file=18288>.

² Ferhat Kentel and Gevorg Poghosyan, *Ermenistan ve Türkiye Vatandaşları Karşılıklı Algılama ve Diyalog Projesi (Armenian-Turkish Citizens' Mutual Perceptions and Dialogue Project)*, (Istanbul: TESEV Yayınları, 2005), p. 40.

которые из турецких респондентов считают, что армяне исповедуют иудаизм, и в Армении у власти коммунистическая партия; представления же армян о Турции базируются на концепции «геноцида», лежащей в основе армянской национальной идентичности. Эта концепция играет особо важную роль в социализации армянской молодежи, что создает разрыв во взаимном восприятии двух обществ. В этом контексте можно утверждать, что между народами существует взаимное недоверие. В нынешних условиях общества не могут ни преодолеть отчуждение и отталкивание, ни избавиться от призраков прошлого, так как почти не взаимодействуют.

Турецкое и армянское общество сосуществовали с давних времен, теперь же их представления друг о друге весьма проблематичны. Ключевая задача политиков – изменить эти представления и наладить отношения с Арменией в соответствии с принципами добрососедства. При этом определенные задачи стоят и перед гражданским обществом, которое должно работать над изменением бытующих в стране представлений. В этом плане очень важно сотрудничество различных организаций и обмен студентами. Кроме того, необходимо интенсифицировать контакты между гражданским обществом и реализовывать проекты, которые привлекут внимание турецкой общественности к Армении, и не ограничиваться местными инициативами, которые дают эффект только в приграничной зоне. Конечно, закрытая граница мешает проведению таких проектов и лишь усиливает представления об Армении как о чуждой и далекой стране.

Заключение

В данной работе рассматривалось прошлое турецко-армянских отношений, так и не нормализовавшихся после создания независимой Армении. Понять, почему этого до сих пор не произошло, будет легче, если принять во внимание, что у проблем в отношениях между двумя странами имеется четыре различных аспекта с вовлечением Азербайджана, России, ЕС и США.

Азербайджанский аспект проблемы очень важен, поскольку Турция приняла сторону Азербайджана в его конфликте с Арменией. Турция считает Азербайджан «братским государством» и сотрудничает с ним в экономической и политической сфере. Поэтому армяно-турецкие отношения в каком-то смысле обременены азербайджанским присутствием, и до тех пор, пока армяно-азербайджанские отношения будут оставаться неурегулированными, Турции придется объяснять азербайджанской стороне любое улучшение армяно-турецких отношений и его причины. В конце концов, Турции надо будет выбраться из дилем-

мы, когда улучшать отношения с Арменией можно только за счет ухудшения отношений с Азербайджаном.

Российско-американский аспект проблемы намного сложнее. Россия пользуется тем, что отношения между Турцией и Арменией не нормализованы, чтобы сохранять в зоне своего влияния Армению с ее карабахским конфликтом и закрытой границей. Учитывая, что Армения — одна из фигур в борьбе между США и Россией за доминирование на Кавказе, неудивительно, что обе державы пытаются удержать Армению за собой. Улучшение турецко-армянских отношений может уменьшить зависимость Армении от Российской Федерации и приблизить ее к ЕС и в частности НАТО. Хотя отношения между Россией и Турцией сейчас складываются лучше, чем когда-либо в недавнем прошлом, все же сближение Армении с блоком НАТО, в котором состоит и Турция, отодвинет российское военное присутствие подальше от турецких границ.

Последний, европейский аспект проблемы состоит в том, что политика ЕС мешает нормализации турецко-армянских отношений. Притом, что включение Армении в ЕПС и вступление Турции в ЕС — в целом позитивные процессы, однако требования некоторых стран-членов ЕС, чтобы признание «геноцида» стало предусловием вступления Турции в ЕС, отрицательно сказывается на турецко-армянских отношениях. Поддержка этих предусловий со стороны Армении отдалает Турцию от ЕС и ставит под угрозу срыва возможные шаги Турции, направленные на сближение с Арменией.

Если взглянуть на 17-летнюю историю турецко-армянских отношений, становится очевидным, что над этими отношениями постоянно довлело прошлое. За этот период были сделаны серьезные попытки приблизить нормализацию, такие, как Венская турецко-армянская платформа историков, Турецко-армянский совет по развитию бизнеса, Турецко-армянская комиссия по примирению и тайные встречи официальных лиц в Вене. Однако ни одна из них не увенчалась успехом. Впрочем, все эти попытки служили решению самой главной задачи — построения доверия между обществами. Но для того, чтобы огромные усилия гражданского общества принесли плоды, необходимо открытое политическое волеизъявление. Пока на государственном уровне отношения не нормализуются, усилия гражданского общества по налаживанию диалога скорее всего не смогут изменить статус кво.

На сегодняшний день сложилась ситуация, когда каждой из сторон кажется, что она сделала все возможное, и дело за противной стороной. Турецкая сторона заявляла, что для нормализации отношений могут сложиться благоприятные условия, если Армения выступит с соответствующей инициативой после президентских выборов 19 фев-

раля 2008 г.¹, в то время как армянское руководство считало, что мяч на турецкой стороне. Президент Серж Саргсян пришел к власти после крайне проблематичных выборов, пообещав избирателям улучшить отношения с Анкарой, и притом, что между странами нет дипломатических отношений, президент Турции Абдулла Гюль в числе первых поздравил Саргсяна с избранием и высказался в пользу нормализации двусторонних отношений. Это был первый подобный сигнал в период президентства Саргсяна; за ним последовало приглашение Абдуллы Гюля приехать в Ереван на футбольный матч в сентябре 2008 г., что символизирует некую подвижку в отношениях двух стран. Но, несмотря на эти позитивные жесты, до сих пор неясно, по какой схеме будет реализовываться нормализация межгосударственных отношений Турции и Армении. К тому же протесты оппозиции после президентских выборов в Армении вылились к 1 марта в вооруженное противостояние, и в стране было введено чрезвычайное положение, так что Армения некоторое время была занята обеспечением внутренней стабильности.

Во внешний мир из Армении ведут две дороги: в Иран, и через Грузию в Россию. Экономически обе дороги не слишком выгодны, и неясно, как долго Армения продержится в патовой ситуации в отношениях с Турцией. Каждый год турецкое и азербайджанское эмбарго из-за оккупации Карабаха лишь затягивает гайки на армянской экономике². Во время избирательной кампании перед последними выборами в Армении все кандидаты обещали в первую очередь бороться с бедностью. Однако, пока главные ворота на Запад остаются закрытыми и сохраняется экономическое эмбарго со стороны двух соседних стран, возникает вопрос, как именно могут быть выполнены такие обещания. В этом контексте очень важны заявления лидера оппозиции, главного противника Саргсяна на президентских выборах бывшего президента Армении Тер-Петросяна, что необходимо срочно добиться мира в Карабахе. Как утверждает Тер-Петросян, Азербайджан день ото дня набирает силу благодаря нефтяным доходам, и скоро окажется в состоянии вернуть утраченные земли военным путем³. Армения же, напротив, слабеет и теряет свои козыри. Хотя Запад и под-

¹ Tansu Peker, 'Ermenistan'da Seçimler Sonrası Pozitif gelişme Olur mu?' (Are Favorable Advances Likely in Armenia After the Elections?) *Actuel Online* (8 February 2008), <http://www.lactuel.be/detail.php?id=3030>.

² Semih İdiz, 'Ermenistan Liderini Arıyor' (Armenia Seeks its Leader), *Milliyet Gazetesi* (14 February 2008), <http://www.milliyet.com.tr/2008/02/14/guncel/agun.html>.

³ Sinan Oğan, 'Rusya ve Ermenistan'da Devlet Başkanlığı Seçimlerinin Bölge ve Türkiye'ye Etkileri' (The Effects of the Presidential Elections in Russia and Armenia on the Region and Turkey), *2023* (15 March 2008).

держивает умеренную позицию Тер-Петросяна, поскольку выборы выиграл Саргсян, а оппозиция в стране была подавлена силой, очевидно, что в Карабахе будет сохраняться статус-кво.

В ближайшем будущем представляется невозможным изменение позиций сторон, ни в вопросе признания «геноцида», ни в карабахском конфликте, то есть по двум главным проблемам в отношениях Армении и Турции. Ни Турция не признает «геноцида», ни Армения не пойдет на компромисс в вопросе международного признания «геноцида». Что же до карабахского конфликта, то Армения хочет, чтобы Турция занимала в нем как минимум равноудаленную позицию. С другой стороны, Турция изначально встала на сторону Азербайджана и у нее нет никаких причин менять свою позицию. В этом контексте для того, чтобы начать диалог по установлению дипломатических отношений, видимо, главное — рассматривать отношения двух стран в отдельности от вопроса «геноцида» и карабахского конфликта. Иначе, даже если в ближайшем будущем продолжатся попытки урегулирования, они скорее всего окажутся все в том же порочном круге.

Турецко-армянские отношения превратились во внутривнутриполитическую проблему, что мешает успеху шагов, предпринимаемых по политическим каналам. За 15 лет, прошедшие с 1993 г., когда Турция закрыла свою границу, она открыла для Армении свое воздушное пространство и разрешила открыть прямые авиарейсы Ереван-Стамбул. Однако эти позитивные шаги не привели к полноценной нормализации отношений. Несомненно, главная причина этого — бескомпромиссные позиции сторон. Если политики, от которых зависит решение проблемы, будут по-прежнему проводить политику, ведущую в тупик, то полноценного урегулирования в ближайшем будущем не будет.

В этом контексте Турции, которая согласно своему региональному положению и стратегическому видению стремится не иметь проблем с соседями, следует незамедлительно установить с Арменией дипломатические отношения. Необходимо освободить турецко-армянские отношения от давления до сих пор увязывавшихся с ними проблем — признания границы, карабахского конфликта и признания «геноцида» — и развивать их в широком региональном контексте. Нормализация ныне чрезмерно идеологизированных отношений между двумя странами имеет особую важность для стабильности кавказского региона. Для Турции, стремящейся проводить в регионе активную конструктивную внешнюю политику, это будет оптимальная возможность с близкого расстояния наблюдать за ходом событий в регионе и урегулировать проблемы в отношениях с Арменией средствами дипломатии.

Библиография:

1. “1993 UN Security Council Resolutions on Nagorno-Karabakh” US Department of State website (<http://www.state.gov/p/eur/rls/or/13508.htm>)
2. “Armenia” Britannica Book of the Year, Encyclopedia Britannica Online. (1998) <http://www.britannica.com/eb/article-9114287>)
3. Başlamış, Cenk ‘Soykırım Kriteri’, (Genocide Criterion), *Milliyet Gazetesi* (1 September 2006).
4. Foreign Affairs Ministry of the Republic of Armenia, “President Robert Kocharian’s Inauguration Speech at the Special Session of the National Assembly.” (May, 21 2000)
5. Foreign Affairs Ministry of the Republic of Armenia, “Turkey misses its chance with Armenia Hrant Dink’s assassination provided a key opportunity for Turkey to mend relations with its neighbor.” *Declaration of Vartan Oskanian, the Minister of Foreign Affairs of the Republic of Armenia*. (February 7, 2007)
6. Fuller, Graham E., ‘Turkey’s New Eastern Orientation’, Fuller and Lesser (eds.), *Turkey’s new Geopolitics: From the Balkans to Western China* (Boulder, CO, and Oxford: Westview Press, 1993).
7. Gyltekin, B. “Prospects For Regional Cooperation on NATO’s South Eastern Border Developing a Turkish-Russian Cooperation in South Caucasus” *Final Report Manfred Wurner Fellowship 2004-2005*, (June 2005)
8. Gorvett, Jon. “Turkey Takes Steps Towards Rapprochement” *Eurasianet* (May 29, 2002) (<http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav052902.shtml>)
9. Goshgarian, Rachel “Breaking the Stalemate: Turkish-Armenian Relations in the 21st Century” *Turkish Policy Quarterly*. (Winter 2005) Vol.4 No.4. pp. 51-62
10. İdiz, Semih, ‘Ermenistan Liderini Arıyor’ (Armenia Seeks its Leader), *Milliyet Gazetesi* (14 February 2008).
11. Kentel, Ferhat and Gevorg Poghosyan, *Ermenistan ve Türkiye Vatandaşları Karşılıklı Algılama ve Diyalog Projesi (Armenian-Turkish Citizens’ Mutual Perceptions and Dialogue Project)*, (Istanbul: TESEV Yayınları, 2005).
12. Laziner, Sedat, ‘Turkey’s EU Membership and the Armenian Question’, *The Journal of Turkish Weekly* (13 December 2004).
13. Libaridian, Gerard. *The Challenge of Statehood*, (Cambridge: Blue Crane Books, 1999)
14. Maharramazdeh, Akif, ‘Türk Dış Politikasında Türkiye-Ermenistan İlişkileri ve Karabağ Sorunu’ (Turkey-Armenia Relations and Karabakh Conflict in Turkish Foreign Policy), *Turkish Weekly* (14 February 2006).
15. “NATO, France downplay impact of Turkish military decision”, *Turkish Daily News* (November 17, 2006)

16. Oğan, Sinan, 'Rusya ve Ermenistan'da Devlet Başkanlığı Seçimlerinin Bölge ve Türkiye'ye Etkileri' (The Effects of the Presidential Elections in Russia and Armenia on the Region and Turkey), 2023 (15 March 2008).
17. Peker, Tansu, 'Ermenistan'da Seçimler Sonrası Pozitif Gelişme Olur mu?' (Are Favorable Advances Likely in Armenia After the Elections?) *Actual Online* (8 February 2008).
18. Roberts Bryan, "The Economic and Social Impacts of Opening the Armenia-Turkish Border: Summary of Conference Research Findings" *AIPRG report* (January 2007), pp.
19. Statement of The President of the Republic of Turkey, Mr. Sezer, 1st October 2003, Anadolu Agency
20. Sassounian, H. "What Did Kocharian Actually Say About Demanding Territories From Turkey?" California Courier Online (July 21, 2005)
21. "Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabakh" Human Rights Watch Website (December 1994)
22. Tavitian N. and Gültekin B. "Les Relations Arméno-Turques: la Porte Close de l'Orient", *GRIP Reports* (Brussels: January 2003)
23. Tocci, Natalie. "The Closed Armenia-Turkey Border: Economic and Social Effects, Including Those on the People; and Implications for the Overall Situation in the Region" *Trans European Policy Studies Association Report* (Brussels: July 2007)
24. "Türk-Ermeni İlişkilerinin Дьнь Вугьнь" Anadolu Dergisi Website (July 2005) (<http://www.anadolu.be/ermeni/ermeni.html>)
25. "Türkiye'nin Ermenistan'a sunduğu şartlar" Dünya Bülteni Website (December 22, 2007) (http://www.dunyabulteni.net/news_detail.php?id=30113)
26. Yetkin, Murat "The Fourth wave is coming", *Radikal* (November 17, 2006)

ОБ АВТОРАХ

- Александр Искандарян** – директор Института Кавказа, Ереван
- Диба Гоксел** – главный редактор издания «Turkish Policy Quarterly», Стамбул
- Хикмет Гаджи-заде** – вице-президент организации FAR CENTRE, Баку
- Геворг Тер-Габриелян** – руководитель регионального представительства в Армении Фонда «Евразия-Партнерство», Ереван
- Ивлиан Хаиндрава** – руководитель программ по Южному Кавказу Центра развития и сотрудничества / Центра плюрализма, Тбилиси
- Сергей Минасян** – руководитель департамента политических исследований Института Кавказа, Ереван
- Расим Мусабекоев** – независимый эксперт, Баку
- Масис Маилян** – независимый эксперт, Степанакерт
- Паата Закареишвили** – независимый эксперт, Тбилиси
- Коста Дзугаев** – доцент Юго-осетинского университета, Цхинвали
- Виталий Шария** – главный редактор газеты «Эхо Абхазии», Сухуми
- Айбарс Горгулу** – эксперт исследовательского центра «TESEV», Стамбул

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА КАВКАЗА

(до 2008 г. КИСМИ – Кавказский институт СМИ)

Кавказ-2006. Ежегодник КИСМИ. – Ред. А. Искандарян. Ереван, КИСМИ, 2008. – 314 с.

ISBN 978-99941-2-090-2

Четвертый выпуск Ежегодника посвящен итогам 2006 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, России и США на ежегодной конференции Кавказского Института в мае 2007 г. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2006 г. В статьях показана общая динамика политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описана ситуация в сфере региональной безопасности, проанализированы перспективы конфликтного урегулирования. В приложениях - краткая хронология, библиография книг о Кавказе, географические карты и список интернет-ресурсов.

Авторы:

А.Юнусов, М.Мухелишвили, Г.Жоржолиани, Г.Арутюнян, С.Арутюнов, А.Егиазарян, Д.Петросян, С.Минасян, Р.Гирогосян, С.Маркандонов, А.Искандарян

Кавказ-2005. Ежегодник КИСМИ. – Ред. А. Искандарян. Ереван, КИСМИ, 2007. – 195 с.

ISBN 978-99941-2-064-2

Третий выпуск Ежегодника КИСМИ посвящен итогам 2005 г. на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, России и Турции на ежегодной конференции КИСМИ в апреле 2006 г. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным, в первую очередь политическим, аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2005 г. В приложении имеется хронология, статистические данные об экономической ситуации и военно-политическом балансе сил в регионе, библиография книг о Кавказе, географические карты и интернет-ресурсы.

Авторы:

А.Искандарян, А.Крылов, Л.Бакрадзе, Д.Петросян, Т.Саркисян, А.Цуциев, А.Цыганок, В.Кауфман, А.Цинкер.

Минасян С. Этнические меньшинства Грузии: потенциал интеграции на примере армянского меньшинства страны. — Ереван, КИСМИ и Союз общественных организаций «Еркир», 2006. — 172 с.

ISBN 99941-2-053-0 на русском яз.

ISBN 99941-2-058-1 на армянском яз.

ISBN 99941-2-058-1 на английском яз.

Работа посвящена анализу ситуации с защитой прав человека и этнических меньшинств в Грузии, поиску перспектив их интеграции в общественно-политическую и культурную жизнь страны. Исследуются существующие правовые рамки, регулирующие данную проблему, в том числе исходя из международно-правовые обязательств, и практика их реальной политической реализации в современной Грузии. На примере армянонаселенного региона Самцхе-Джавахети делается попытка выработки механизмов и рекомендаций для достижения компромисса между сохранением самобытности, языка и культуры меньшинств и предоставлением им реальных политических прав, с одной стороны, и их дальнейшей гражданской интеграцией — с другой.

Научный редактор: А.Искандарян

Редакторы: Г.Харатян, Н.Искандарян, Р.Татоян

Кавказ-2004. Ежегодник КИСМИ. — Ред. А. Искандарян. Ереван, КИСМИ, 2006. — 359 с.

ISBN 99941-2-028-x

Второй выпуск Ежегодника КИСМИ посвящен итогам 2004 года на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, России и Турции на ежегодной конференции КИСМИ в апреле 2006 г. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным, в первую очередь, внутренне- и внешнеполитическим аспектам жизни Южного и Северного Кавказа. В Ежегоднике делается попытка показать общую динамику событий, политическое и экономическое развитие признанных и непризнанных государств Кавказа в указанный период, анализируется перспектива процессов по урегулированию региональных конфликтов. В приложении приводятся хронология, статистические данные, списки книг о Кавказе, географические карты и интернет-ресурсы.

Авторы:

А.Искандарян, А.Юнусов, Г.Арешидзе, С.Золян, Л.Арутюнян, А.Хачатрян, С.Арутюнов, М.Баснукаев, А.Скаков, И.Торбаков, Д.Петросян.

Постсоветские СМИ: от пропаганды к журналистике. – Ред. Н. Ис-кандарян. Ереван, Кавказский институт СМИ, 2005. – 192 с. ISBN 99941-2-014-х

Публикация представляет роль СМИ в странах бывшего СССР и Восточной Европы. Большая часть статей в книге написаны журналистами и специалистами по СМИ, которые приняли участие в конференции на эту тему осенью 2003 года в Ереване. Некоторые статьи для издания написаны европейскими специалистами по СМИ, которые сфокусировали свои исследования на развитии постсоветских СМИ в посттоталитарной обстановке. В первой главе исследователи СМИ подвергают анализу то, как социальный переход воздействует на роль и функциональность постсоветских СМИ, останавливаясь на таких аспектах, как общественное доверие в области новостей журналистики, представление соотношения факт/комментарий в новостях, влияние Интернета, состояние создания социальных сетей и собственность на СМИ. Во второй главе журналисты из различных стран и регионов представляют развитие и текущие проблемы своих стран в последнем десятилетии. Экономические трудности, устаревшая учебная система, тоталитарное наследие, низкий журналистский опыт и практика и общее разочарование – основные проблемы СМИ на всем постсоветском пространстве. В третьей главе делается попытка понять способы, которыми постсоветские правительства оказывают давление на журналистов и журналистику.

Авторы:

С.Бондаренко, Л.Грибал, И.Гусейнова, М.Дурдыева, И.Костриченко, Р.Мелоян, М.Мухелишвили, Р.Лани, А.Сухов, А.Хамагаев, А.Харченко, В.Четерян, Д.Шмидт

Диаспора, нефть и розы. Чем живут страны Южного Кавказа. – Ереван, Фонд Генриха Бёлля и Кавказский институт СМИ, 2005. – 214 с. ISBN 99930-78-74-3

Главная идея издания – составить представление о том, чем живет и в каком направлении развивается постсоветский Южный Кавказ. Для этого было решено собрать под одной обложкой работы ученых из Азербайджана, Армении и Грузии, и таким образом получить разностороннюю и максимально непредвзятую картину внутривосточного развития каждой из южнокавказских республик, а в ре-

зультате — образ региона в целом. Вынесенные в заголовок «ключевые слова» — диаспора, нефть и розы — отражают наиболее распространенные представления о том, на что опираются южнокавказские страны в своем развитии: Армении помогает ее обширная диаспора, Азербайджан зарабатывает на нефтяном проекте, а Грузия сделала громадный шаг вперед благодаря «революции роз». Диаспора, нефть и розы стали неотъемлемой частью имиджа соответственных стран. Разобраться, где кончаются имиджи и начинаются реалии — одна из задач данного издания.

В 2005 г. Фонд Генриха Бёлля опубликовал немецкое издание книги под заголовком *Diaspora, Öl und Rosen. Zur innenpolitischen Entwicklung in Armenien, Aserbaidtschan und Georgien* («Диаспора, нефть и розы. О внутриполитическом развитии Армении, Азербайджана и Грузии»). В русское издание внесены небольшие изменения и уточнения.

Авторы: А.Абасов, С.Багиров, Р.Бадалов, Т.Джуварлы, З.Мамедли, Р.Мусабеков, А.Карагулян, А.Искандарян, Н.Искандарян, Э.Мелконян, Р.Мелоян, А.Гатевосян, А.Хачатрян, Д.Бердзенишвили, Р.Гоциридзе, Д.Дарчиашвили, О.Канделаки, Д.Усупашвили, И.Хаиндрава, Л.Хомерики

Кавказ-2003. Выборный год. Ежегодник КИСМИ. — Ред. А. Искандарян. Ереван, КИСМИ, 2005. — 231 с. ISBN 99930-78-73-5

Издание представляет собой пилотный выпуск Ежегодника, посвященный наиболее важным событиям и тенденциям 2003 г. на Южном и Северном Кавказе. В основу аналитических материалов первого выпуска легли доклады, сделанные на международной конференции «Кавказ-2003», прошедшей в Ереване весной 2004 г. Авторы подытоживают важный для Кавказа выборный 2003 г. с различных точек зрения: внутри- и внешнеполитической, экономической, этнологической, религиозной.

Ежегодник адресован широкому кругу читателей. В него включены как справочные материалы о текущем положении на Кавказе (например, хронология 2003 г. на Южном и Северном Кавказе), так и общие сведения о регионе (в т.ч. географические карты).

Авторы: А.Агаджанян, С.Арутюнов, А.Дарбинян, К.Дзугаев, А.Искандарян, О.Канделаки, И.Кузнецов, Д.Ованесян, Д.Петросян, Д.Фурман, И.Хаиндрава

Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции. Ред. А.Искандарян. – Ереван, КИСМИ, 2004. - 120 с. ISBN99930-78-42-5

В сборник вошли доклады, сделанные на международной конференции «Религия и политика на Кавказе», состоявшейся в КИСМИ в 2003 г. Статьи касаются самых острых проблем региона в области религии и политики: радикальных исламских течений на Северном Кавказе, деятельности православных пуристов и антиэкуменистов в Грузии, исламского возрождения в Азербайджане, религиозно-политических разногласий внутри армянской диаспоры и их переноса в Армению, превращения православия в государствообразующую религию в поликонфессиональной России.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, в частности журналистов, освещающих эти проблемы в своей каждодневной работе, а также на всех, кто интересуется Кавказом и ролью религии в политике (и наоборот) в современном мире.

Авторы: Т.Светоховский, Э.Мелконян, И.Хаиндрава, Д.Фурман, К.Каарияйнен, А.Искандарян, С.-М.Хасиев

Кавказ-Россия: миграция легальная и нелегальная. Ред. А. Искандарян. - Ереван, КИСМИ, 2004. - 160 с. ISBN 99930-78-37-9

Издание представляет собой исследование положения мигрантов с Кавказа в Российской Федерации - их адаптации, трудоустройства, статуса, социального положения, реакции принимающего сообщества, дальнейших миграционных планов.

Статьи сборника написаны российскими социологами, принимавшими участие в исследовании незаконной миграции, проведенном московской исследовательской программой Международной организации по миграции в 2001-2002 гг. в двенадцати регионах России. Результаты исследования представляют большой интерес и для российских специалистов, и для тех, кто изучает миграцию на Южном Кавказе - как взгляд на миграцию с другой стороны, с позиции принимающего сообщества.

Авторы: Г.Витковская, Д.Полетаев, Е.Тюрюканова, Е.Красинец

Миграции на Кавказе. Материалы конференции. *Ред. А. Искандарян.* - Ереван, КИСМИ, 2003. - 132 с. ISBN 99930-78-30-1

Издание содержит материалы, представленные на международной конференции по миграции на Кавказе. В центре внимания ученых и журналистов лежит роль миграций в жизни обществ Южного и Северного Кавказа. Авторы подводят итог завершившегося периода вынужденных миграций и обсуждают особенности новой миграционной волны, преимущественно экономического характера. Статьи сборника посвящены таким неизменно актуальным проблемам, как формирование этнических диаспор, адаптация беженцев, маятниковая миграция и гастарбайтерство.

Авторы: Л.Арутюнян, Г.Витковская, В.Дятлов, А.Искандарян, Э.Мелконян, Г.Погосян, Г.Сванидзе, Д.Сванидзе, А.Скаков, Л.Хоперская

Викен Четерян. Малые войны и большая игра. - Ереван, КИСМИ, 2003. - 132 с. ISBN 99930-78-25-5

В монографии анализируется ситуация на постсоветском Северном и Южном Кавказе, причины и участники вооруженных конфликтов, их возможные последствия для региона и место на мировой арене. Рассматривая кавказский регион в целом, автор выявляет потенциальные источники напряженности и основные тенденции развития. Издание предназначено для журналистов и широкого круга читателей. В приложении имеются географические карты конфликтных зон, хронологические таблицы, данные о национальном составе и численности вооруженных сил кавказских республик.

Постсоветский Южный Кавказ. Библиография и обзор публикаций по социальным и политическим наукам. *Россия, Армения, Азербайджан, Грузия. 1991-2001 гг. Ред. А.Искандарян.* - Москва, 2002. - 138 с. ISBN 5-94398-007-5

Издание представляет собой сборник аналитических статей, описывающих ситуацию в научном кавказоведении России и в трех странах Южного Кавказа, и библиографических списков публикаций по кавказоведению, вышедших в этих странах с 1991 по 2001 г. Статьи снабжены диаграммами, иллюстрирующими тенденции в книгоиздании по данной тематике. Издание подготовлено Кавказским институтом СМИ, предназначено для ученых-кавказоведов, журналистов, широкого круга читателей, интересующихся данной проблематикой.

Авторы-составители: Д.Малышева (Россия), А.Юнусов (Азербайджан), С.Манукян (Армения), М.Мухелишвили (Грузия)